

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

8

1 9 6 3

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Еттинчи йил нашири

8

1963

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЕТИ
ТОШКЕНТ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания седьмой

8

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад.
АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад.
АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУ-
ЛЯМОВ, член-корр. АН УзССР А. И. ИШАНОВ, член-корр.
АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор ист. наук А. Х. БА-
БАХОДЖАЕВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ,
доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, канд. ист. наук
С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук А. К. ВАЛИЕВ
(*зам. редактора*), канд. филол. наук Х. Т. ЗАРИФОВ, канд.
искусствоведения Ф. М. КАРОМАТОВ, канд. филол. наук
Х. У. КУРБАНОВА, канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд.
филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, Б. И. КНОПОВ
(*отв. секретарь*).

ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ РАБОТУ — НА УРОВЕНЬ ЗАДАЧ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Наша великая Родина находится на новом историческом этапе. Коммунистическая партия и советский народ ведут решающую битву за коммунизм, прокладывая всему человечеству путь к светлой, счастливой жизни.

В исторических решениях XXII съезда КПСС четко определены коренные задачи развернутого строительства коммунизма в СССР. На мартовском и ноябрьском Пленумах ЦК КПСС 1962 г. конкретно решены важнейшие проблемы экономической и политической жизни страны — вопросы дальнейшего развития социалистической промышленности и сельского хозяйства, улучшения партийного и государственного руководства народным хозяйством СССР.

Разработка великого плана строительства коммунизма и создание необходимых условий для воплощения его в жизнь были подготовлены всем предшествующим ходом развития советского общества, колоссальной творческой теоретической и практической работой Коммунистической партии, героическим трудом всего советского народа. Особое значение в жизни партии и народа имеют те крупнейшие социально-экономические мероприятия, которые осуществлены нашей партией в период с 1953 г. — великое десятилетие в жизни Советской страны.

Смело развенчав на своем XX съезде чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности Сталина, партия покончила с нарушением ленинских норм партийной и государственной жизни, субъективизмом и догматизмом в экономике, политике и идеологии, открыла широчайший простор для роста творческой инициативы, трудовой и общественно-политической активности народных масс.

Коммунистическая партия и советский народ по праву гордятся истекшим десятилетием, которое ознаменовалось выдающимися достижениями во всех областях хозяйственной, политической и культурной жизни страны.

В области экономики это был период исключительно бурного развития всех отраслей народного хозяйства, решающего укрепления экономической и оборонной мощи СССР, период коренного перелома в экономическом соревновании с капитализмом. Выпуск валовой продукции промышленности вырос за эти 10 лет почти в 3 раза, сельского хозяйства — на 67%, а национальный доход страны увеличился почти в 2,5 раза.

Большие успехи достигнуты и в развитии народного хозяйства Советского Узбекистана. Только за четыре года семилетки прирост промышленной продукции по УзССР составил 43% против 38,5% по плану, а отдельные отрасли промышленности (черная и цветная ме-

таллургия, машиностроение и др.) достигли уже в 1962 г. уровня производства, запланированного на 1965 г. Значительные достижения имеются и в области сельского хозяйства республики. Производство хлопка за четыре года семилетки по сравнению с предыдущим четырехлетием увеличилось на 840 тыс. т, поголовье крупного рогатого скота возросло на 405 тыс. голов и т. д. В этом году труженики Советского Узбекистана борются за выполнение почетной и ответственной задачи — дать любимой Родине 3 миллиона 566 тысяч тонн «белого золота». На решение этой задачи направлены усилия всех партийных организаций, всех трудящихся масс республики.

За истекшие 10 лет резко повысился материальный и культурный уровень жизни советского народа. Общественные фонды потребления увеличились с 1952 по 1962 г. более чем в 2 раза, товарооборот — в 2,6 раза; необычайно широкий размах приобрело строительство жилых домов и культурно-бытовых объектов. Только население городов и рабочих поселков получило за истекшие 10 лет 586 миллионов квадратных метров новой жилой площади против 373 миллионов за предшествующие 35 лет Советской власти.

Именно в это десятилетие наша Родина вышла на передовые рубежи в ключевых направлениях современного научно-технического прогресса, что особенно ярко отразилось в наших замечательных успехах по освоению космоса. Новым выдающимся триумфом Страны Советов, изумившим весь мир, стал беспрецедентный совместный полет советских космических кораблей «Восток-5» и «Восток-6», пилотируемых отважными патриотами — Валерием Федоровичем Быковским и первой в мире женщиной-космонавтом Валентиной Владимировной Терешковой. Свой исторический полет героиня-космонавты посвятили июньскому Пленуму ЦК КПСС 1963 г.

В области политической жизни страны истекшее десятилетие характеризовалось торжеством ленинских принципов партийной и государственной жизни, подлинным расцветом социалистической демократии, дальнейшим повышением роли Коммунистической партии — вдохновителя и организатора всех наших побед, — могучим ростом общественно-политической активности советского народа. Партия неуклонно осуществляет принятый XX съездом КПСС ленинский курс, одобренный всеми коммунистами, всеми советскими людьми.

Наша партия стала партией всего народа. Еще более упрочились идейно-политическое единство советского общества, монолитный союз рабочих и крестьян, нерушимая ленинская дружба народов СССР. Советское государство стало государством общенародным.

В области внешней политики истекшее десятилетие особенно ярко доказало великую жизненную силу ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Активная и гибкая ленинская внешняя политика Советского государства — политика мира и дружбы между народами, решительной борьбы против империализма и колониализма — отвечает кровным интересам народов всего мира и неуклонно повышает международный авторитет Советского Союза.

Верная ленинским принципам пролетарского интернационализма Коммунистическая партия Советского Союза оказывает решительную поддержку международному коммунистическому, рабочему, национально-освободительному движению, сплачивая все силы мира, демократии и социализма.

Опираясь на гранитный фундамент марксизма-ленинизма, руководствуясь своей Программой и исходя из исторических документов Московских совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и

1960 г., КПСС всемерно содействует дальнейшему сплочению братских коммунистических и рабочих партий; последовательно и принципиально борется за единство международного коммунистического и рабочего движения в интересах общего дела победы коммунизма; твердо и решительно выступает против всяких проявлений оппортунизма и соглашательства, ревизионизма и догматизма, начетничества и сектанства, тенденций к национальной ограниченности и любых проявлений буржуазного влияния в международном коммунистическом и рабочем движении.

Последнее десятилетие ознаменовалось новыми замечательными успехами и в области идеологической работы партии. Строго соблюдая единство революционной теории и практики, партия строит свою деятельность по Ленину, по-ленински развивает революционное учение марксизма-ленинизма в новых исторических условиях. Величайшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма явились исторические документы XX—XXII съездов партии и прежде всего новая Программа КПСС — это высшее достижение современной общественно-научной мысли, вдохновенный Коммунистический манифест нашей эпохи.

Своей героической борьбой во имя блага и счастья людей труда ленинская партия снискала себе глубокое уважение, доверие и любовь советского народа, трудящихся всех стран. «Главный итог деятельности партии, — подчеркивается в решениях июньского (1963) Пленума ЦК КПСС, — состоит в том, что за годы Советской власти социализм в нашей стране победил полностью и окончательно, воспитывается человек коммунистических идеалов и высоких моральных принципов, мировоззрение миллионов людей впервые в истории формируется на научной основе марксизма-ленинизма; советский народ имеет теперь конкретный научно обоснованный план построения коммунизма».

Исходя из духа великого учения марксизма-ленинизма, наша партия и ее ленинский Центральный Комитет во главе с Н. С. Хрущевым творчески разработали важнейшие проблемы строительства коммунистического общества от его базиса до главных элементов надстройки; определены конкретные пути создания материально-технической базы коммунизма, перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические; обобщен процесс превращения государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство и разработаны пути перерастания его в коммунистическое общественное самоуправление; четко определены задачи воспитания нового человека — активного строителя и члена коммунистического общества. Вместе с тем наша партия выдвинула и разработала новые теоретические положения по актуальнейшим проблемам современного мирового общественного развития — развития международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения; перехода человечества от капитализма к социализму; проблемы войны и мира и т. д.

Величайшая сила и глубокая марксистско-ленинская мудрость Коммунистической партии — славного зодчего коммунизма — заключается прежде всего в том, что ей присуще умение зорко и метко видеть все новое, растущее в процессе общественного развития человечества, поддерживать это новое и возглавлять революционную борьбу рабочего класса, всех трудящихся против старого, косного, отживающего, за торжество нового, передового во всех сферах экономики, политики и культуры.

По-ленински прозорливо, с подлинно научной логикой и твердой последовательностью решает КПСС множество задач и проблем, которые ставит идущая вперед жизнь и которые способна решить

в интересах народных масс только партия, вооруженная единственно правильной, истинно революционной теорией марксизма-ленинизма.

Шаг за шагом, энергично и целеустремленно организуют Коммунистическая партия и ее ленинский ЦК конкретную, практическую работу по выполнению исторических решений XXII съезда КПСС, мобилизуя все неисчерпаемые силы народа, все колоссальные материальные ресурсы страны на быстрее построение светлого здания коммунизма.

Партия ведет активное наступление на всех фронтах коммунистического строительства. Одним из важнейших участков развернутого строительства коммунизма является идеологический фронт. Идеологическая работа Коммунистической партии и Советского государства становится все более мощным фактором борьбы за победу коммунизма.

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма, расширение фронта революционного национально-освободительного движения, обострение борьбы буржуазной и коммунистической идеологий на мировой арене обусловили новый этап и выдвинули новые задачи в идеологической работе партии. Решению этих важнейших задач и был посвящен Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 18—21 июня 1963 г.

Как известно, на июньском Пленуме ЦК КПСС с докладом «Очередные задачи идеологической работы партии» выступил секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев. Заслушав и обсудив доклад Л. Ф. Ильичева, Пленум принял развернутое постановление, в котором определил основные направления и конкретные задачи работы партии в области коммунистического воспитания трудящихся.

На Пленуме выступили также секретари ЦК КПСС М. А. Сулов, Б. Н. Пономарев, Ю. В. Андропов, изложившие суть разногласий между ЦК Компартии Китая, с одной стороны, и Коммунистической партией Советского Союза и другими братскими партиями, — с другой. В принятом Постановлении «О предстоящей встрече представителей ЦК КПСС с представителями ЦК КПК» Пленум полностью и единодушно одобрил политическую деятельность Президиума ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева по дальнейшему сплочению сил мирового коммунистического движения, а также все конкретные действия, предпринятые Президиумом ЦК КПСС, во взаимоотношениях с Центральным Комитетом Компартии Китая. Пленум подтвердил главные принципы, которыми должен был руководствоваться Президиум ЦК КПСС на состоявшихся в июле 1963 г. переговорах с представителями ЦК КПК.

С большой, яркой речью на Пленуме выступил Н. С. Хрущев.

Июньский Пленум ЦК КПСС 1963 г. явился крупным событием в жизни партии и народа, важной вехой на нашем великом пути к коммунизму. В исторических материалах июньского Пленума со всей силой подчеркивается, что «главная задача идейно-воспитательной работы партии в современных условиях — идеологически обеспечить претворение в жизнь Программы КПСС, создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений, воспитание нового человека; повышать политическую бдительность, вести развернутое наступление против империалистической идеологии, против пережитков прошлого в сознании людей».

Пленум обобщил опыт и вскрыл недостатки в идеологической работе, определил основные направления ее, на которых должны быть сосредоточены усилия Коммунистической партии, государственных органов, общественных организаций. Это, прежде всего, формирование

коммунистического мировоззрения трудящихся; преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении советских людей; трудовое воспитание активных и сознательных строителей коммунизма; повышение образованности и культуры народа; воспитание народа в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма; решительная борьба против антикоммунизма, всех форм буржуазной идеологии в морали.

В документах июньского Пленума ЦК КПСС отмечается, что сейчас, когда силы империализма во главе с США все отчетливее представляют всю гибельность для них самих попыток развязывания термоядерной войны против СССР и всего великого лагеря социализма, а также беспочвенность надежд на победу капитализма в экономическом соревновании с социализмом, стратеги и идеологи империализма делают главную ставку на идеологические диверсии, оголтелый антикоммунизм.

Враги яростно атакуют нашу марксистско-ленинскую идеологию, стремятся растлить душу и сознание людей. Под прикрытием лозунга мирного сосуществования идеологий они пытаются протащить в наше общество лживые концепции «беспартийности» искусства, «абсолютной свободы творчества», безыдейности и аполитичности, «конфликта поколений».

В этой связи мы должны решительно усилить борьбу против всех форм империалистической идеологии и всяких пережитков прошлого в сознании, быту и поведении людей. Наша партия считает своей первейшей обязанностью вести непримиримую наступательную борьбу с человеконенавистнической империалистической идеологией, ограждать трудящихся от ее тлетворного влияния, еще активнее приобщать массы к великим идеям коммунизма, постоянно заботиться о всемерном развитии и чистоте марксистско-ленинского учения.

Партия рассматривает воспитание нового человека как одну из важнейших и сложнейших задач коммунистического строительства. Сердцевиной, становым хребтом всей идеологической работы в массах является воспитание советских людей в духе любви и уважения к труду на благо общества, коммунистического отношения к общественной собственности, как основы новых отношений между людьми. Особое значение придается воспитанию советской молодежи в духе великих принципов морального кодекса строителя коммунизма, в духе высокой идейности, советского патриотизма, социалистического интернационализма, дружбы народов, коллективизма, честности и моральной чистоты, принципиальной непримиримости ко всяким недостаткам, различным пережиткам прошлого, к любым проявлениям враждебной нам буржуазной идеологии и морали.

Чем выше будет уровень сознательности советских людей, их идейная убежденность, чем быстрее принципы морального кодекса строителя коммунизма станут повседневными нормами поведения, неотъемлемыми чертами характера каждого советского человека, тем быстрее и успешнее будут решаться задачи создания материально-технической базы коммунизма, стирания граней между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, перерастания общенародного социалистического государства в систему коммунистического общественного самоуправления.

Достижению этих великих целей должны быть подчинены все виды нашего идейного оружия, все испытанные формы и средства идеологической работы Коммунистической партии, Советского государства и массовых общественных организаций, деятельность высшей и средней школы, дошкольных и внешкольных учреждений, клубов,

библиотек, народных университетов, печати, радио, кино, телевидения, широкой системы партийно-политического просвещения и т. д.

Особенно важную роль в идеологической работе партии призваны сыграть партийные работники, деятели науки, литературы и искусства и другие работники идеологического фронта. Партия призывает всех творческих работников быть активными борцами за коммунизм, всемерно повышать идейное содержание научной и художественной литературы и искусства, вести непримиримую борьбу с любыми проявлениями чуждой нам буржуазной идеологии, укреплять свои связи с жизнью народа, с практикой коммунистического строительства.

В формировании коммунистического мировоззрения советских людей, в идейно-научном воспитании трудящихся масс почетное место занимают деятели советской науки, в том числе работники общественных наук.

Роль общественных наук, как научной основы руководства развитием общества, в строительстве коммунизма исключительно велика. Правильное понимание исторического процесса, экономических и социальных закономерностей перехода от социализма к коммунизму, дальнейшего укрепления великого лагеря социализма, огромных изменений, происходящих в современном мире, — все это имеет огромное значение для экономики и политики Советского государства, для успешного решения партией и народом коренных задач строительства коммунизма.

В Постановлении июньского Пленума ЦК КПСС «Об очередных задачах идеологической работы партии» подчеркивается, что «важнейшие задачи работников общественных наук — обобщать живую практику и исторический опыт масс в борьбе за построение коммунизма, смело, творчески развивать революционную теорию, бороться за ее идейную чистоту; проводить творческие дискуссии по основным философским, экономическим, историческим, правовым и другим проблемам науки.

Следует уделить особое внимание комплексному изучению проблем перерастания социализма в коммунизм, повышения производительности труда, активизировать работу в области научной организации управления и планирования народным хозяйством.

Наши ученые должны глубже анализировать процессы борьбы двух противоположных мировых систем, крушения капиталистического строя, подъема революционного рабочего и национально-освободительного движения, изучать пути и формы дальнейшего укрепления единства стран социалистического содружества, общие закономерности их развития».

Перед советскими экономистами, философами, историками, правоведами, филологами и другими работниками общественных наук стоят серьезные задачи — изучать глубинные процессы жизни, обобщать исторический опыт масс, исследовать законы общественного развития и, что особенно важно, разрабатывать пути и методы их реализации в практике коммунистического строительства. Партия указывает на необходимость до конца избавиться от элементов схоластики, преодолеть отрыв от жизни, боязнь нового и вредную привычку мыслить заученными формулами.

В составную часть методов научной работы нужно превратить творческие дискуссии по актуальным научным проблемам экономической, философской, исторической, правовой и других отраслей науки.

Общественно-научная мысль в нашей стране должна идти в ногу с жизнью, с практикой коммунистического строительства.

Июньский Пленум ЦК КПСС призвал все партийные организации, всех работников идеологического фронта добиваться коренного улучшения идеологической работы в массах, неуклонного повышения трудовой и политической активности советских людей в борьбе за победу коммунизма.

Решения июньского Пленума ЦК КПСС 1963 г. с огромным воодушевлением встречены всем советским народом и вызвали исключительный интерес зарубежной общественности.

Работники общественных наук Советского Узбекистана, со своей стороны, горячо одобряют Постановление Пленума «Об очередных задачах идеологической работы партии», воспринимая его решения как боевую программу действий.

Материалы июньского Пленума широко изучаются и обсуждаются во всех институтах Отделения общественных наук АН УзССР. В свете решений XXII съезда партии и июньского Пленума ЦК КПСС в институтах нашего Отделения заново пересматриваются и улучшаются их структура и тематика научно-исследовательских работ в целях усиления ее связи с актуальными задачами коммунистического строительства, концентрации сил и внимания ученых на важнейших направлениях общественных наук, повышения их роли в борьбе за коммунистическое воспитание трудящихся, против всех пережитков прошлого, влияния буржуазной идеологии, лживых измышлений буржуазных фальсификаторов истории советского общества. Большая работа ведется по дальнейшему укреплению и сплочению рядов ученых, повышению их научной и общественной активности, освобождению научно-исследовательских институтов от людей, случайных в науке и неспособных к творческой работе, а также по улучшению подготовки и воспитания молодых научных кадров.

Нет сомнения в том, что наши ученые-обществоведы, руководствуясь решениями июньского Пленума ЦК КПСС, еще теснее сплотятся вокруг Коммунистической партии и еще более умножат свои усилия по разработке важнейших проблем общественных наук и воспитанию трудящихся масс в духе коммунизма.

И. М. МУМИНОВ

НОВЫМ, ЛУЧШИМ ТРАДИЦИЯМ — ПРОСТОР ШИРОКИЙ

I

В борьбе за победу коммунизма в нашей стране все более мощным фактором становится всемерное разворачивание идеологической работы Коммунистической партии и Советского государства. «Главным во всей нашей идеологической работе на современном этапе, — указывает Н. С. Хрущев, — является воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоничское развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры. Так определена главная линия нашей идеологической работы в Программе партии»¹.

Одной из испытанных форм многогранной идеологической работы Коммунистической партии в массах является воспитание трудящихся, и прежде всего молодого поколения, в духе замечательных традиций народов нашей Родины, особенно тех прекрасных традиций, которые сложились в советское время, в ходе строительства социализма и коммунизма.

В своем докладе на июньском Пленуме ЦК КПСС 1963 г. Л. Ф. Ильичев особо подчеркнул, что «мы должны свято хранить революционные и трудовые традиции нашего народа, воспитывать на этих традициях молодое поколение строителей коммунизма»².

В этой связи закономерно возрастает наш интерес к вопросу о природе и характере традиций общественной жизни, о новаторском характере традиций, складывающихся среди советских людей в ходе строительства коммунизма, о бережном отношении и творческом развитии лучших традиций прошлого и в то же время о необходимости упорной борьбы с вредными традициями, взглядами и пережитками прошлого в сознании и поведении людей.

Решительно преодолевая реакционные традиции старого мира, всемерно поддерживая прогрессивные традиции каждого народа и делая их достоянием всех советских людей, Коммунистическая партия настойчиво развивала и развивает новые, единые для всех социалистических наций революционные традиции строителей коммунизма³.

¹ Н. С. Хрущев, Марксизм-ленинизм — наше знамя, наше боевое оружие. Речь на Пленуме ЦК КПСС 21 июня 1963 г., «Правда», 29 июня 1963 г.

² «Правда», 19 июня 1963 г.

³ Слово традиция (по-узбекски урф-одат, расми-қонда) происходит от латинского *traditio*, т. е. передача. В широком смысле оно означает исторически сложившиеся и передаваемые, в силу определенного социального значения, из поколения в поколение человеческие отношения в виде обычаев, правил, норм поведения, связанных с особенностями того или иного общественного коллектива.

* *
*

Традиции в их широком толковании связывают в той или иной степени настоящее с прошлым и будущим, причем содержание и значение традиций определяется конкретными социально-экономическими условиями каждой эпохи; каждая традиция имеет свою историю возникновения, развития и смены.

Традиции формируются прежде всего в процессе производственной деятельности людей и передаются от одного поколения к другому, причем каждое из них, в меру своих возможностей, обусловленных конкретной исторической обстановкой, вносит определенную лепту в развитие лучших традиций.

Замечательные традиции складываются в процессе революционной, освободительной борьбы народных масс против своих угнетателей, поработителей и иноземных захватчиков. Такие традиции наиболее ярко проявляются в горячей любви к Родине, беззаветной преданности своему народу и глубокой ненависти к его врагам, в солидарности и взаимопомощи трудящихся различных национальностей в борьбе за общие интересы, в сотрудничестве и дружбе народов.

У имущих классов всех эпох, соответственно их социальным запросам, зарождались и закреплялись свои классовые традиции — презрения к физическому труду и простым людям, стремления к наживе, к господству над трудящимися, к паразитическому образу жизни за счет эксплуатации народных масс и т. д. Эти реакционные, антинародные традиции, окутанные догмами религии, освященные господствующими нормами классовой морали, служащие интересам богатых, веками внедрялись представителями правящих классов в сознание эксплуатируемых масс в качестве некоего вечного и неизменного начала, якобы идущего от бога и судьбы.

Традиции являются неотъемлемым элементом общественного бытия, получающим свое воплощение в производственной и общественной жизни, в нормах морали, этики и эстетики, в опыте науки и культуры, в художественных образах, выражающих реальные отношения людей определенной исторической эпохи.

Наконец, сообразно условиям жизни людей, различные традиции складывались и в быту, проявляясь в семейных отношениях, в типе одежды, жилья и т. д.

Роль и место тех или иных традиций в жизни общества определяются историческими условиями данной страны, социальной направленностью и силой их влияния на широкие массы людей. Вопрос о традициях и в наши дни имеет не только теоретическое, познавательное, но и огромное практическое значение.

* *
*

Великий основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость воспитания трудящихся масс, в первую очередь молодежи, на революционных традициях, традициях мирового и русского освободительного движения, на лучших, прогрессивных традициях, выработанных человечеством в течение тысячелетий, на традициях, рожденных в процессе радикальной ломки и переделки старого, помещичье-капиталистического строя, в годы революционной борьбы за победу коммунизма, утверждающего величайший и гуманнейший принцип человечества —

все за одного, один за всех. В то же время В. И. Ленин настойчиво призывал к решительной и последовательной борьбе против вредных, консервативных традиций, закостенелых предрассудков и чуждое-националистических принципов капиталистического общества, мира насилия и грабежа, в морали которого господствует алчно-эгоистический принцип — каждый за себя, один бог — за всех.

Коммунистическая партия Советского Союза последовательно осуществляла и осуществляет ленинские заветы о необходимости чуткого, бережного отношения к прогрессивным национальным традициям всех народов СССР и создания реальных возможностей для дальнейшего развития их на новой, советской основе, с учетом опыта и интересов коммунистического строительства в нашей стране. Партия неустанно воспитывает советских людей в духе великих идей марксизма-ленинизма, советского патриотизма, социалистического интернационализма, коммунистического отношения к труду и общественной собственности — в духе морального кодекса строителя коммунизма.

Коммунистическая партия своевременно подмечает и решительно поддерживает новые, советские традиции, рождающиеся и складывающиеся в ходе борьбы партии и народа за мир и коммунизм. Вместе с тем партия мобилизует миллионные массы трудящихся на борьбу против всяких пережитков и вредных традиций старого мира и старого быта. Как говорится в Программе КПСС, «партия рассматривает борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и морали, с остатками частнособственнической психологии, суеверий и предрассудков как составную часть работы по коммунистическому воспитанию»⁴.

Выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС 1963 г., Л. Ф. Ильичев указывал: «Мы вышли на такие исторические рубежи, когда задача полного преодоления пережитков в сознании людей приобретает самое неотложное, непосредственно практическое значение»⁵.

Борясь за коммунистическое воспитание советских людей, партия всемерно усиливает решительное наступление на всякие проявления буржуазной идеологии, любые пережитки капитализма в сознании наших людей, очищая его от всех язв старого строя и воспитывая убежденных, активных и стойких борцов за коммунизм.

Как и другие народы нашей многонациональной Родины, узбекский народ выработал в течение веков свои национальные традиции, обусловленные историческими, социально-экономическими и природными условиями его жизни. Наиболее прогрессивные из этих традиций получают в наши дни дальнейшее развитие, а остальные традиции отжившие свой век, связанные с пережитками родоплеменных и феодальных общественных отношений, преодолеваются, уступая место новым традициям, формирующимся в ходе коммунистического строительства.

Приведем некоторые примеры.

Искусственное орошение на Аму-Дарье, Сыр-Дарье, Зеравшане и других реках с древнейших времен служило основой и залогом хозяйственной жизни на территории современного Узбекистана. При этом вплоть до победы Великого Октября вся оросительная сеть находилась в руках имущих классов и была орудием эксплуатации угне-

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 121.

⁵ «Правда», 19 июня 1963 г.

тенных масс. Тысячи людей из века в век прокладывали каналы и рыли арыки, создавали под руководством опытных мастеров различные водные сооружения на основе существующей на данной стадии общественного развития ирригационной техники.

В процессе производственной деятельности трудовых масс и осуществления оригинальных и во многом самобытных творческих замыслов народных мастеров постепенно выработывались определенные правила и расчеты по планировке и технике прокладки арыков и каналов, гидротехнических сооружений, методы и способы использования ирригационной сети, складывался календарь паводков и т. д. Все это передавалось из поколения в поколение и превращалось в прочно сложившиеся народные традиции, причем в каждой местности эти традиции имели свои локальные черты и особенности. Народными традициями становились и способы определения количества воды, потребной для орошения в каждое время года.

После победы Октябрьской революции искусственное орошение получило в нашей стране, в частности в Узбекистане, невиданное развитие. Советская власть коренным образом изменила не только техническую базу, но и социальную природу искусственного орошения, поставив его на службу интересам тружеников села и города.

В наше время уже не кетмень и бель (лопата), как раньше, являются основными орудиями труда, а мощные экскаваторы, бульдозеры, землеройные машины, облегчающие труд человека, ускоряющие создание новых, наиболее совершенных ирригационных систем.

Однако славные народные традиции в строительстве ирригационных сооружений и в области водопользования частично сохранились в преобразованном виде и в наши дни. Колхозное крестьянство республики высоко ценит такие приемы, как қавсоб-яхооб («ледяная вода») и иссиқ-сув («горячая вода»), способствующие повышению плодородия земли и урожайности сельскохозяйственных культур.

Замечательная народная традиция хашар, являющаяся с древних времен верным спутником орошаемого земледелия, в советское время приобрела качественно новый характер и получила самый широкий размах. Методом хашара построены мощные каналы, крупные водохранилища, сложные гидротехнические и гидроэнергетические сооружения, как, например, Большой Ферганский канал (1939).

Проект Большого Ферганского канала был создан в невиданно короткий срок — за два с половиной месяца — в творческом содружестве инженеров, мирабов и опытных колхозников.

С каждым днем росло число желающих работать на новостройке, и на трассу канала вышла 160-тысячная армия строителей. Они показали образцы вдохновенного коммунистического труда.

Строительство БФК было завершено в рекордно короткий срок: за 45 дней было проложено русло канала длиной в 270 км. Совместным трудом узбекского, таджикского и киргизского народов протяженностью канала была доведена затем до 350 км⁶.

Развернутым фронтом идет сейчас наступление на Голодную степь. В перспективе здесь будет освоено до 670 тыс. га земель. Вслед за основной частью Голодной степи будут орошены примыкающие к ней Джизакская и Фаришская степи (до 400 тыс. га).

Начаты работы по созданию нового крупного района хлопководства (до 1 млн. га) в низовьях Қашқадарьи. Машинное орошение по-

⁶ См. «История Узбекской ССР», т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 361, 363.

лучит дешевую электроэнергию от строящейся Нурекской ГЭС и Навоинской ГРЭС.

Началось сооружение Аму-Бухарского канала. Насосные станции подадут воду в низовья Зеравшана, в Бухарскую область. Одновременно улучшится водообеспеченность средней части долины, земель Самаркандской области.

Вскоре начнется строительство Кампыр-Раватского водохранилища на Карадарье, которое позволит значительно расширить площадь орошаемых земель в Центральной Фергане, Киргизской и Таджикской ССР.

В сооружении этих и других важных народнохозяйственных объектов принимают участие трудящиеся всех братских республик Средней Азии, умножающие свои творческие усилия в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма.

Так в новых исторических условиях с новой силой применяется испытанный метод скоростного всенародного строительства сложных ирригационных сооружений, впитавший в себя традиции и опыт коллективных усилий масс в борьбе за искусственное орошение земли.

Приведем другой пример.

В земледелии с незапамятных времен безымянными мастерами-деханками были получены путем скрещивания (пайванд) высокоурожайные и высококачественные сорта винограда (кишмиш, шевергани, хусейни), сладкие и ароматные дыни (ок-кан, кари-кыз, кара-хан, шерази, бекзати), сочные сладко-кислые и кисло-сладкие гранаты, разнообразные сорта урюка, персика и других плодовых. Эти народные традиции восприняты и обогащены достижениями современной агротехнической науки, передовым опытом колхозного крестьянства и специалистов сельского хозяйства Узбекистана. Известно, к примеру, каким почетом и уважением пользуется в республике и за ее пределами имя Рузмат-ата Мусамухамедова—народного виноградаря-умельца, чей богатый опыт тщательно изучается и перенимается тружениками колхозов и совхозов страны.

Ценным наследием, накопленным деханками-хлеборобами, являются и традиционные навыки выращивания зерновых культур, в частности маакка-джугари (кукурузы) и джугары (олти-ойлик, турт-ойлик, уч-ойлик). К сожалению, до последнего времени эти достижения народной селекции еще недостаточно использовались, хотя они призваны способствовать росту производства сельскохозяйственной продукции и, в частности, увеличению кормовой базы животноводства.

Лучшие народные традиции применяются также в шелководстве, каракулеводстве и других отраслях нашего сельского хозяйства.

Природно-климатические условия Средней Азии в сочетании с творчески обогащенными вековым опытом и выдержавшими испытание временем традиционными навыками дехан по выращиванию хлопчатника явились в новых условиях социалистического земледелия прочной основой для завоевания хлопковой независимости СССР и дальнейшего бурного развития социалистического хлопководства. Только в Узбекской ССР производство хлопка-сырца возросло с 533 300 т в 1928 г. до 3 165 000 т в 1959 г.

Ныне узбекский народ борется за сбор 3 миллионов 566 тысяч тонн сырца. Хлопок—национальная гордость узбекского народа. Выращивая богатые урожан «белого золота», наш народ выполняет свой священный интернациональный долг перед всеми братскими народами СССР.

⁷ «Правда Востока», 5 апреля 1963 г.

Если еще в 30-х годах нашего столетия в хлопководстве применялись исключительно омач, мала, тиш, кетмень, бель, то начиная со времени коллективизации сельского хозяйства в СССР, применение машинной техники в хлопководстве прочно завоевывает одну позицию за другой, а теперь успешно решается задача комплексной механизации всех трудовых процессов в хлопководстве — от прогрессивного квадратно-гнездового сева до механизированной уборки урожая.

Наше время вошло в историю отечественного хлопководства как период борьбы за коренной переворот в сборе хлопка при помощи отечественных хлопкоуборочных машин. При этом особенно отрядно отметить растущее патриотическое движение наших замечательных тружениц — узбекских женщин — за овладение техникой машинного сбора хлопка.

«Мне очень приятно, — говорил Н. С. Хрущев на январском Пленуме ЦК КПСС 1961 г., — что на уборке хлопка, как и в 1959 г., отличилась Турсуной Ахунова, эта молодая женщина, талантливая колхозница. Она собрала 320 тонн хлопка машиной, заменив труд 160 человек.

Все знают, что Турсуной Ахунова выступила с призывом к женщинам последовать ее примеру — овладеть хлопкоуборочными машинами. Только в Узбекистане 1166 женщин изучили машину и успешно убрали хлопок. В результате республика собрала машинами 500 тысяч тонн хлопка.

Почин узбекских женщин имеет поистине революционное значение. Он убеждает, что можно в короткий срок решить проблему механизации сбора хлопка»⁸.

С каждым годом все больше женщин уверенно берется за штурвалы «голубых кораблей». Так на наших глазах рождается новая славная традиция широкого вовлечения женщин во всенародное движение за овладение новейшей сельскохозяйственной техникой, за комплексную механизацию сельского хозяйства.

* * *

Лучшие народные традиции находят свое применение и в отраслях промышленности, строительства, художественного ремесла и т. д.

Так, успешное развитие современной текстильной промышленности (хлопчатобумажной, шелкоткацкой, шелкоткацкой) в Узбекистане сочетается с традиционным, излюбленным народом ассортиментом выпускаемой продукции и обогащением на базе современной техники лучших вековых традиций ткачества. Замечательные народные традиции развиваются также в мастерстве декоративных вышивок, художественной росписи, резьбы по дереву и ганчу, в гончарном деле, архитектуре и строительстве.

Историки архитектуры высоко оценивают, например, пригородный дворец «Ситораи Махи-хосса» близ Бухары. «Два лучших зала дворца — «Белый зал» и предшествующая ему приемная, выстроенные в 1912—1914 гг., принадлежат целиком искусству бухарских народных мастеров. Эти залы — шедевры резьбы и росписи по ганчу, в них представлено все то лучшее, с чем бухарские народные мастера пришли в архитектуру нашего времени.

⁸ Н. С. Хрущев, Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Речь на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 г., М., Госполитиздат, 1961, стр. 29—30.

«Белый зал» сверкает ослепительно яркой белизной чистого гульганча, покрывающего стены и потолок. Сплошная ткань традиционных узоров составляет убранство интерьера. Даже зеркала, вделанные в стену в форме панно, составляют лишь фон для кружева из резного ганча. Членения больших плоскостей стен на отдельные, сгармонированные по рисунку панно, чередующиеся с нишами, выполнены со вкусом и отвечают вековой традиции, выработанной многими поколениями зодчих Бухары. «Белый зал» был выполнен в течение двух лет группой мастеров (25—30 человек) под руководством лучшего бухарского мастера усто Ширина Мурадова. Передняя комната была расписана мастером декоративной живописи — наккошем Хасан-Джаном. Кроме того, в строительстве этого дворца принимали участие известные народные мастера Абдул Гафар (резчик по дереву) и Абду Рахим Хаятов (зодчий).

Вековой опыт бухарских зодчих получил всенародное признание лишь в наши дни, когда народные мастера всего Узбекистана обрели возможности для применения своих дарований. Достаточно сказать, что усто Ширин Мурадов, создавший «Белый дом» во дворце Ситораи Махи-хосса, является создателем также и Бухарского зала в Государственном театре оперы и балета в г. Ташкенте⁹.

Так выдающиеся памятники архитектуры прошлого служат сокровищницей зодчества, широко используемой при создании новых архитектурных сооружений в Советском Узбекистане.

Сложившиеся с древних времен прогрессивные традиции узбекского зодчества наиболее ощутимо проявляются в архитектуре народного жилища, планировке жилых районов, рациональном соединении жилых построек, хозяйственных помещений и зеленых насаждений; они могут служить подспорьем и при решении проблем современного строительства в Узбекистане.

Так, авторы книги «Архитектурное наследие Узбекистана» с полным основанием утверждают: «а. Прежде всего, необходимо учесть стремление (народных. — И. М.) зодчих ориентировать дома по странам света. Жилые комнаты они располагали на юг в целях защиты их от перегрева летом и достаточного прогрева зимой лучами солнца...

...в. Микроклимат двора улучшался за счет обводнения и озеленения участка, путем интенсификации проветривания жилых помещений.

г. Жилища сохранялись от перегрева путем использования зеленых насаждений, а также конструкций стен повышенной теплоемкости.

д. Навесы, айваны, галереи использовались как место отдыха, сна, работы и т. д. Эти полукрытые строения способствовали циркуляции воздуха. Пристройки (айваны, навесы и др.), затеняя поверхности стен, кровель, оконных и дверных проемов, предохраняли помещения от перегрева.

е. При строительстве домов применялись такие материалы и конструкции, которые имели низкие коэффициенты теплопроводности, в частности слоистые конструкции.

ж. Поверхности стен покрывались красками светлых тонов, хорошо отражавших солнечные лучи. Большие свесы карнизов (как это делалось в Ташкенте) способствовали предохранению поверхности стен от действия наиболее интенсивных лучей полуденного солнца»¹⁰.

⁹ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, Госиздат УЗССР, 1958, стр. 96—97.

¹⁰ См «Архитектурное наследие Узбекистана», Ташкент, Изд-во АН УЗССР, 1960, стр. 93.

Принцип сборности, применяемый в строительстве каркасных домов, имеет большое значение и в наши дни, вполне отвечая современным требованиям жилищного строительства. Оригинальные приемы народных мастеров в области учета сейсмических условий Узбекистана также могут быть использованы в планировке современных жилищ.

Все эти и многие другие примеры убедительно показывают, что и в эпоху развернутого строительства коммунизма прогрессивные народные традиции, выработанные трудящимися массами в течение столетий, не утратили в той или иной мере своего бывшего значения, а наоборот, получили новое звучание, новый смысл и дальнейшее развитие, вошли в сокровищницу многонациональной социалистической культуры народов СССР и успешно служат великому делу строительства коммунизма.

И. М. Мўминов

ЯНГИ, ЭНГ ЯХШИ ТРАДИЦИЯЛАРГА— КЕНГ ЙУЛ

Халқ традицияларининг табиати, характери ва роли масаласига бағишланган бу мақолада автор ўзбек халқининг ажойиб меҳнат традициялари тўғрисида гапиради; бунда у социализм ва коммунизм қуриш жараёнида вужудга келган ҳамда социалистик миллатларнинг ҳаммаси учун умумий бўлган янги традицияларни алоҳида бўрттириб кўрсатади. Бу традициялар СССР халқларининг социалистик маданияти хазиначидан мустаҳкам ўрин эгаллаб, коммунизм қуришдек буюк ишга муваффақият билан хизмат қилмоқда. Автор мақолада халқнинг энг яхши традицияларини ҳар томонлама ривожлантириш ва реакцион традициялар ҳамда эски дунёнинг кишилар онги ва хулқ-атворида сақланиб қолган сарқитларига қарши кескин кураш олиб бориш зарурлигини уқтиради.

Ш. Ғ. ХУЖАЕВ

КОММУНИСТИК ҚУРИЛИШДА ЖАМОАТ ТАШКИЛОТЛАРИ РОЛИНИНГ ОШИШИ ҲАҚИДА

ҚПСС XXII съезди партиянинг янги — коммунистик жамият қуриш программасини қабул қилди. Съезд халқимизнинг коммунизм қуришдаги вазифаларининг моҳияти ва шакллари чуқур анализ қилиб берди.

Коммунистик жамият барпо қилиш ишлаб чиқариш кучлари ва муносабатларида сон ва сифат жиҳатдан ниҳоятда катта бурилиш ясашни, жамият сиёсий тузумини ва кишиларнинг маънавий қиёфасини янада юксак поғонага кўтаришни тақозо қилади.

Жамиятимизнинг сиёсий тузумидаги асосий йўналиш совет социалистик тузумини, совет халқларининг бирлиги ва дўстлигини оғишмай мустақамлашдан, социалистик демократияни, кенг халқ оммасининг коммунизм қуришдаги активлигини ва ташаббускорлигини янада ривожлантиришдан, жамоат ташкилотларининг давлат ишларини бошқаришдаги ролини ҳамда партия ва социалистик умумхалқ давлатининг ташкилотчилиги ва тарбиявий ролини оширишдан, ишчилар билан деҳқонлар иттифоқини мустақамлашдан иборатдир. Совет социалистик умумхалқ давлатининг умумий ривожланиши шундай йўл билан бормоқдаки, у совет тузуми асосларини ривожлантириш орқали аста-секин ўз-ўзини бошқариш коммунистик жамоат ташкилотига айланиб кетади. Эндиликда бунга ўтиш совет кишиларининг узоқ келажак орзуси бўлмай, балки бундай жамоат ташкилотининг куртаклари биз яшаётган даврда бунёдга келмоқда. Социалистик умумхалқ давлатининг ўз-ўзини бошқарувчи коммунистик жамоат ташкилотига айлана бориши, социалистик демократияни ҳар томонлама ривожлантириш орқали юз беради. Демократик институтларни тобора такомиллаштира бориш коммунизм қуриш кенг авж олдирилган даврнинг объектив заруриятидир. Шахсга сиғиниш даврида меҳнаткашларнинг жамоат ташкилотларини ривожлантиришга, улар обрўсини кўтаришга деярли аҳамият берилмади. Сўнгги йилларда ҚПСС ленинча Марказий Комитети шахсга сиғинишликнинг жамиятимиз ҳаётидаги зарарли оқибатларини очиб ташлади ва уларни тугатиш, жамоат ташкилотлари ҳамда уларнинг жамиятимиз ҳаётидаги ролини ошириш йўлларини кўрсатиб берди. ҚПСС XXII съезди социалистик давлат ривожланишидаги асосий йўл демократияни ривожлантириш, барча граждaнларни ҳаётнинг ҳамма соҳасида қатнаштириш, меҳнаткашларга давлатни бошқаришда янада каттароқ, қулайроқ имкониятлар яратиб беришдан иборат деб кўрсатди.

Совет давлатида ҳокимият ва идора органларининг халқ билан бевосита боғлиқлиги йилдан-йилга ортиб бормоқда.

Булар қаторида меҳнаткашлар депутатлари Советлари биринчи ўринда туради. Советларнинг ўзига хос хусусияти шундан иборатки,

улар давлат ҳокимияти органи бўлган ҳолда шу вақтнинг ўзида меҳнаткашлар кенг оммасининг жамоат ташкилоти белгиларини мужас-самлаштириб, тобора кўпроқ жамоат ташкилоти сифатида майдонга чиқмоқда¹. Советларнинг бу хусусияти унинг ривожланишининг кейинги даврида пайдо бўлмай, балки у вужудга келган дастлабки даврларда ҳам оммавий ташкилот хусусиятларига эга эди. Советлар, дейди В. И. Ленин, бутун давлат ҳаётини қўйдан тортиб юқоригача демократик усулда тузишда меҳнаткашларнинг бевосита иштирок этишини таъминлайди².

Халқ оммасини давлат ишларини бошқаришга жалб этишда, социалистик умумхалқ давлатини ўз-ўзини бошқариш коммунистик жамоат ташкилотига айлантиришда маҳаллий Советлар ниҳоятда катта имкониятларга эга. Улар Совет Иттифоқининг бутун территориясида иш кўради, уларни ташкил қилишда катта ёшдаги барча аҳоли қатнашади.

Меҳнаткашларнинг давлатни кундалик бошқариш ишига жалб этилишини В. И. Ленин, бизнинг давлат аппаратимизни ўн карра зўрайтирадиган «ажойиб воситадир» деб таърифлаган эди.

Маҳаллий Советлар мисолида социалистик давлат аппарати ишларига жамоатчилик асослари қандай уйғунлаштирилаётганлиги яққол кўринади. Маҳаллий Советлар ривожланишининг муҳим томонларидан бири улар составининг доимий ўзгариб туриши, яъни маҳаллий советлар депутатлигига меҳнаткашларнинг янгидан-янги вакиллари сайланишлигидир. Масалан, 1963 йил март ойида Ўзбекистон ССР маҳаллий Советларига ўтказилган сайловлар натижасида Советлар депутатларининг ярмидан кўпроғи (57,2 проценти) янгидан сайланди³.

Советларнинг кучи ҳам, обрўси ҳам уларнинг кенг халқ оммаси билан чамбарчас боғлиқлигидадир.

Ўзбекистон ССР маҳаллий Советлари депутатларининг 66 процентини ишчи ва колхозчилар ташкил қилади, барча депутатларнинг 43,02 процентини эса (30240 депутат) хотин-қизлар ташкил қилади. Депутатлардан 32156 киши, ёки 45,7 проценти КПСС аъзоси ва кандидати-дир⁴. Депутатлар состави коммунистлар билан партиясизлар бузилмас иттифоқда ишлаётганлигидан, Коммунистик партиянинг Совет давлатидаги раҳбарлик ролидан далолат беради.

1963 йилда Ўзбекистон ССР маҳаллий Советларига ўтказилган сайловларда олдинги (1961 йил) сайловдагига қараганда 7511 депутат кўп сайланди.

Маҳаллий Советлар фаолиятида эндиликда жамоатчилик асосида ишловчи доимий комиссия, бўлимлар, группалар роли ортиб бормоқда. Маҳаллий Советларнинг энг оммавий, меҳнаткашларнинг бевосита Совет ишига жалб этувчи органи бўлган доимий комиссиялар қабул қилинган қарор ва фармойишларнинг бажарилишини текширибгина қолмай, балки уларнинг амалга оширилишини ташкил этишда ҳам бевосита қатнашадилар. Масалан, Тошкент шаҳаридаги янги ташкил этилган Чилонзор районидан ташқари, бешта (Ленин, Куйбишев, Киров, Октябрь, Фрунзе) район Советлари ижроия комитетларининг ташкилий бўлимлари, Ленин ва Киров районларида эса савдо бўлимлари ҳам жамоатчилик асосида ишламоқда. Ижроия комитетлардаги жамоатчилик асосида ишловчи инструкторлар республика маҳаллий Советларининг барча звеноларида бор.

¹ КПСС XXII съездининг материаллари, Ўздавнашр, 1962, 437-бет.

² В. И. Ленин, Асарлар, 24-том, 53-бет.

³ Қизил Ўзбекистон», 1963, 8 март.

⁴ «Қизил Ўзбекистон», 1963, 8 март.

Депутатлар ва доимий комиссияларнинг роли йилдан-йилга охиб бормоқда. Уларнинг мунтазам равишда сайловчилари олдида ҳисобот бериб туришлари қондага айланмоқда.

Ҳозирги вақтда район ва қишлоқ советлари ҳузурида турли комитет, комиссия ва бригадалар жамоат ишларини олиб бормоқда. Масалан, Ўзбекистоннинг барча мактабларида ота-оналар комитетлари, турар-жой массивлари, квартал ва маҳаллаларда аҳоли томонидан сайлаб қўйилган комиссия ва комитетлар тузилган. Бу комитетлар район ва қишлоқ Совети ижроия комитетларига ободончилик, маданий, санитария-гигиена ишлари, гражданларнинг умум яшаш қоида-тартибларига риоя қилишлари, аҳолига маиший хизмат кўрсатиш ишларида яқиндан ёрдам бермоқда. Мактаблардаги ота-оналар комитети маҳаллий маориф органлари ишига кўмаклашмоқда. Қишлоқ Советларида қишлоқ активи группалари мавжуддир. Ҳозир Ўзбекистон ССРда халқ хўжалиги ва маданият соҳасидаги совет органларига яқиндан ёрдам берувчи кўпгина комиссия, комитетларда бир неча ўн минг кишидан иборат актив самарали иш олиб бормоқда.

Халқ хўжалигини планлаштириш, бюджет-молия, саноат, қурилиш ва савдон бошқариш, аҳолига маданий-маиший хизмат кўрсатиш, жамоат тартибини сақлаш, гражданлар ҳуқуқини муҳофаза қилиш ва ҳаётнинг бошқа турли-туман соҳаларига раҳбарлик қилиш ишида Советларнинг ҳуқуқи йилдан-йилга охиб бормоқда.

Уртоқ Н. С. Хрущев Москва шаҳар Калинин сайлов округида сайловчилар олдида сўзлаган нутқида шундай деган эди: «Биз мамлакатимиз ижтимоий ҳаётининг барча соҳаларида — халқ маорифи ва соғлиқни сақлаш ишида, мактаб-интернат, болалар боқчаси ва яслилари ишида, уй-жой қурилиши, шаҳар ва қишлоқлар ободончилигига раҳбарлик қилиш, умумий овқатланиш, маиший хизмат кўрсатиш муассасаларини ташкил қилиш ишида, хуллас, хўжалик ва маданий қурилишнинг барча участкаларида Советлар ва улар депутатларининг ролини ошириш йўлида барча тадбирларни кўришимиз лозим. Буларнинг ҳаммаси меҳнаткашлар ҳаётининг энг зарурий масалаларидир. Бу ишлар билан халқ ҳокимияти органи, ўз-ўзини бошқариш жамоат ташкилоти ҳисобланган Советлар шуғулланиши керак»⁵.

Коммунистик қурилиш вазибаларини бажаришда Советлар билан бир қаторда меҳнаткашларнинг жамоат ташкилотлари ҳам катта ишлар қилмоқда. Умумхалқ социалистик давлати ўзини жамоат ташкилотларига қарама-қарши қўймайди, аксинча, у шундай ташкилотларни ривожлантириш учун барча шароит ва имкониятларни яратиб беради.

Жамоат ташкилотлари, кўнгили союз ва жамиятлар Советлар билан биргаликда Коммунистик партия раҳбарлигида совет жамиятининг ягона демократик системасини ташкил этадилар.

Жамиятимиз аъзолари ўзлари уюшган жамоат ташкилоти орқали совет жамияти ҳаётининг турли соҳаларида фаол қатнашмоқда. КПСС Программаси бундай ташкилотлар олдида социалистик мусобақани авж олдириш, меҳнат унумдорлигини ошириш, коммунистик меҳнат шаклларини ўстириш ва уларни рағбатлантириш, меҳнаткашларнинг умумий, сиёсий ва маданий-техникавий савиясини юксалтириш, соғлиқни сақлаш, физкультура ва спорт ишларини ривожлантириш, меҳнаткашларнинг моддий-маиший аҳолини янада яхшилаш ва шулар каби бир қанча вазибаларни қўйган.

Меҳнаткашларнинг қасаба союзлари, ленинчи ёшлар союзи, қишлоқ хўжалик ишлаб чиқариш ва матлубот кооперациялари каби жамо-

⁵ Н. С. Хрущев, Москва шаҳар, Калинин сайлов округида 1959 йил, 24 февралда сайловчилар йиғилишида сўзлаган нутқи, 8-бет.

ат ташкилотлари; ДОСААФ, спорт, илмий-техникавий кўнгилли жамиятлар, ихтирочи ва рационализаторлар жамияти, снэсий ва илмий билимлар тарқатувчи жамият кундалик ҳаётимизда жуда муҳим роль ўйнамоқда.

Ўзбекистонда 1 миллион 660 минг киши касаба союз, 740 минг йигит ва қиз ВЛКСМ аъзосидир⁶, миллионларча деҳқонлар колхоз аъзосидир.

Касаба союзлари партияни омма билан ишлаб чиқариш орқали боғловчи ташкилот бўлиб, у В. И. Ленин таърифича, ҳақиқий «хўжаликни бошқариш мактаби, коммунизм мактабидир»⁷. Сўнгги йилларда совет касаба союзларининг халқ хўжалигини планлаштириш, ишлаб чиқаришни бошқариш, граждандларнинг меҳнат ҳуқуқларини муҳофаза қилиш, уларга маданий-маиший хизмат кўрсатиш, соғлиқни сақлаш ишлари соҳасидаги вазифа ва ҳуқуқлари анча кенгайтирилди. Ўзбекистонда корхона, қурилиш ва транспортда икки ярим мингга яқин доимий ишлайдиган ишлаб чиқариш кенгашлари ташкил қилинган. Бу кенгашларда касаба союз ташкилотининг вакиллари корхона маъмурияти билан тенг ҳуқуқлилиқ асосида ишлаб чиқариш кундалик ҳаётининг муҳим масалаларини ҳал қилмоқда. Касаба союз ташаббуси билан меҳнат унумдорлигини ошириш бўйича жамоат бюрolari ташкил бўлмоқда. Жумладан, «Ташкенткабель» заводининг шлангли оғир кабеллар цехида шундай бюро тузилган. Завод ишлаб чиқараётган ялпи маҳсулоти бўйича 1965 йил кўрсаткичига эришди. Бунда завод касаба союз аъзоларининг ҳиссаси жуда катта. «Ўзбекхиммаш» заводи касаба союз ташкилотининг ташаббуси билан заводда ички резервлардан максимал фойдаланиш масаласи текширилиб турилади. Республикада 400 мингга яқин меҳнаткаш коммунистик меҳнат зарбдори номини олиш учун курашмоқда. Бунда ҳам касаба союзлари актив роль ўйнамоқда.

Совет давлати касаба союзларининг самарали ишлаши учун барча шароитларни яратиб берган. Ўзбекистон касаба союзлари ихтиёрида ҳозир 500 га яқин клуб, маданият саройлари, 350 кутубхона, 2000 қизил бурчак, 602 киноустановка бор.

Ўзбекистон касаба союзлари фабрика, завод маҳаллий комитетлари раисларининг 4 процентигина маош олиб ишлайди. Қолганларининг ҳаммаси жамоатчилик асосида ишлайди. Касаба союзларининг Фарғона, Бухоро, Андижон ва Хоразм область комитетлари бутунлайича жамоатчилик асосида ишламоқда⁸.

Республиканинг жамоат ташкилотлари орасида Ленин комсомоли ҳам муҳим ўрин эгаллайди. Комсомол коммунизм қураётган ёш авлоднинг авангард қисми бўлиб, у пионерлар ташкилотига раҳбарлик қилмоқда, комсомол бўлмаган ёшларни коммунистик руҳда тарбиялаш ишига катта ҳисса қўшмоқда. «Коммунистчасига яшаш ва ишлаш» — бу шпор республикадаги ҳар бир ёш йигит ва қизнинг ахлоқ нормасига айланмоқда. Кейинги йилларда комсомолнинг республика халқ хўжалигиндаги роли анча ошди. Мамлакатимизда коммунистик меҳнат ҳаракати комсомол ёшлар ташаббуси билан бунёдга келди. Биринча Тошкент тўқимачилик комбинатида ёшларнинг 66 коллективига коммунистик меҳнат бригадаси деган шарафли ном берилди, 383 комсомол ёшлар коллективи эса шундай ном олиш учун астойдил курашмоқда. 200 дан ортиқ комсомолга коммунистик меҳнат зарбдори номи берилди, 1273 ёш ишчи бундай номга муяссар бўлмоқчи. Тошкентдаги «Октябрь»

⁶ В. А. Карлов, Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитетининг VII пленумида қилган докладидан, «Қизил Ўзбекистон», 1963, 7 июнь.

⁷ В. И. Ленин, Асарлар, 32-том, 2-бет.

⁸ «Қизил Ўзбекистон», 1963, 7 февраль.

Революцияси», «Ташсельмаш», трактор йиғув заводларининг комсомол ёшлари техника прогресси йўлида катта ишлар қилмоқда. Республика комсомоли маккажўхори етиштириш, қишлоқ хўжалик машиналари ишлаб чиқариш, пахтачиликни механизациялаш каби олижаноб ва улкан ишларни ўз оталигига олган. Республикадаги 13 та йирик қурилишга, шу жумладан, Оҳангарон цемент заводи, Чирчиқ химия комбинатининг янги қурилиши, Бухоро — Урал газ магистрали, Ангрен ГРЭСи, Фарғонадаги азот ўғитлари заводи қурилишларига «Комсомол зарбдор қурилиши» номи берилди. Улардаги асосий зарбдор кучни комсомол ва ёшлар ташкил қилади.

Комсомолларнинг кўпчилиги турли жамоат топшириқларини бажариб келмоқда. Масалан, Тошкент шаҳаридаги комсомол ташкилотларида 19000 комсомол шундай топшириқни жон-дили билан бажармоқда. Республика бўйича область комсомол комитетларининг 12 секретари, район комсомол комитетларининг 90 секретари маош олмаган ҳолда жамоатчилик асосида ишламоқда.

Партия Программасида кўрсатилганидек, турли хил кооперацияларнинг, даставвал, колхозчи деҳқонларни коммунистик қурилишга жалб қилиш, уларни коммунистик руҳда тарбиялаш ва ижтимоий ўз-ўзини бошқариш мактаби бўлган колхозларнинг аҳамияти каттадир.

Ўзбекистонда зиёлилар ва меҳнаткашларнинг бир қанча кўнгилли союз ва жамиятлари мавжуддир. Республика саноатининг турли соҳаларидаги 16 та илмий-техника жамиятлари, журналистлар, ёзувчилар, рассомлар, композиторлар, кинематография ходимлари союзлари, Ўзбекистон театр жамияти, Спорт жамиятлари ва ташкилотлари союзи; Армия, авиация ва флотга ёрдам берувчи кўнгилли жамият (ДОСААФ), Чет мамлакатлар билан дўстлик ва маданий алоқа қилувчи Ўзбекистон жамияти, Ўзбекистон қизил ярим ой жамияти ва бошқа кўнгилли жамиятлар шулар жумласидандир.

Партия ташкилотларининг раҳбарлиги ва касаба союзлари ҳамда комсомолнинг актив иштироки натижасида республикада социалистик қонун-тартиб ва граждандар ҳуқуқини муҳофаза қилувчи кўнгилли халқ дружиналари ва ўртоқлик судлари тузилиб, улар жамоат тартибини сақлаш ва суд органларига яқиндан ёрдам бермоқда. Жамоат тартиби ва граждандар ҳуқуқининг бузилишига йўл қўймаслик, шундай бузилишликнинг олдини олиш халқ дружиналари ва ўртоқлик судларининг асосий бурчидир.

Ҳозир Ўзбекистонда 4500 кўнгилли халқ дружинаси мавжуд бўлиб, улар 100 мингга яқин дружиначини бирлаштирган. Алмалиқ, Янгийўл, Марғилон, Хива шаҳар дружиначилари, «Октябрь революцияси» заводи «Политотдел» колхози, Самарқанд суперфосфат заводи, Бухоро механикаторлар мактаби, Нукус шаҳар гидротехникуми, Термиз дарё порти ва ва бошқа корхона ҳамда муассасаларнинг дружиначилари жамоатчилик ишончини оқлашда бошқаларга намуна бўлмоқдалар.

Жамоат тартиби ва граждандар ҳуқуқини муҳофаза қилиш, ўзини жамиятга қарши қўйган шахсларга тегишли жазо бериш каби ишлар кишилик тарихининг биронта ҳам ижтимоий формациясида жамоатчилик томонидан олиб борилмаган. Хусусий мулк ва кишини киши томонидан эксплуатация қилинишига асосланган, бундай функциялар меҳнаткаш халққа қарши қўйилган қуролли кучлар ва эксплуататорларга содиқ судлар томонидан олиб борилган тузумларда жамоатчиликнинг бундай ижтимоий фаолияти устида ўйлашнинг ҳожати ҳам йўқ эди. Фақат социалистик тузум, социалистик умумхалқ давлатигина жамият ишларини бошқариш, жамият тартиб-қоидаларини бузган кишиларни суд қилиш ва тарбиялаш ишини аста-секин халқнинг ўзига, кенг жамо-

атчиликка топширишга қодирдир. Бу ҳол социалистик тўзумнинг туб моҳиятидан келиб чиқиб, унинг ривожланишидаги зарурий омиллардан биридир.

КПСС Марказий Комитети ноябрь (1962) Пленумининг қарорига мувофиқ бутун Иттифоқда бўлгани каби Ўзбекистон областлари, шаҳарлари, колхоз-совхоз ишлаб чиқариш бошқармаларида, шунингдек, Тошкент шаҳрининг 6 районида Партия-давлат контроли комитетлари тuzилган. Ҳамма жойда комитетларнинг составига касаба союз, комсомол ва бошқа жамоат ташкилотлари, матбуот органларининг вакиллари, ишлаб чиқариш илғорлари киритилди. Жойлардаги комитетларда жамоатчилик асосида ишловчи бўлимлар тuzилган.

Лекин шуни ҳам айтиб ўтиш керакки, баъзи давлат органларининг функциялари жамоат ташкилотлари ихтиёрига олиб берилган бўлса ҳам, шу жамоат ташкилотлари структураси ва фаолиятида маъмуриятчилик ҳоллари ҳали ҳам кучли; уларнинг ишларини асосан штатли ходимлар олиб бормоқда — жамоатчилик етарли даражада жалб қилинмаган. Партия, касаба союз, комсомол ва совет ташкилотларининг вазифаси меҳнаткашлар ташаббусини, уларнинг жамоат ва кўнгилли ташкилотларининг давлатни бошқариш йўлидаги қимматли фаолиятларини қўллаб-қувватлашдан иборат бўлиши лозим.

Меҳнаткашлар Совет давлатини бошқаришликнинг бутун системасида — пастдан-юқоригача барча звеноларида қатнашади. Давлат ҳокимияти тарихининг ҳақиқий яратувчиси халқ қўлида бўлган, бутун халқ манфаати ва иродасини акс эттираётган социалистик давлатда бундан бошқача бўлиши ҳам мумкин эмас.

Умумхалқ сиёсий ташкилоти бўлган социалистик давлат меҳнаткашларни жамиятнинг бошқариш ишига кундан-кунга кўпроқ жалб этиш орқалигина мустақамлана боради. Бу ҳол ўз навбатида сиёсий давлатга хос хусусиятларнинг йўқола боришига ва коммунистик ўз-ўзини бошқариш жамоатчилигининг пайдо бўлишига олиб келади.

Ижтимоий ўз-ўзини бошқаришлик жамият аъзоларининг коммунистик ҳаёт қонун-қоидаларига юқори онглилик асосида ривож қилишларига асосланади.

Социалистик демократиянинг энг юқори босқичида барча давлат функцияларини бошқаришга меҳнаткашларнинг жалб қилиниши давлат ҳокимияти махсус аппаратининг йўқолишига олиб келади. Меҳнаткашлар моддий ёки маънавий бойликлар яратишлари билан бирга ҳеч қандай ҳақ олмаган ҳолда жамиятни ўзлари бошқарадиган бўлади.

Совет жамоатчилиги давлат бошқарув органларининг фаолиятида борган сари кенг ва актив қатнашиб, бошқарув масалаларида малака орттирмоқда, шу билан бирга давлатни бошқаришга жамоатчилик асосларини киритмоқда. Меҳнаткашларнинг жамоат ташкилотлари функцияларининг оша бориши социалистик давлатнинг ўз-ўзини бошқариш коммунистик жамоат ташкилотига айланганидаги зарурий босқичдир.

Албатта, ҳозирдан туриб ўз-ўзини бошқариш коммунистик жамоат ташкилоти системасини тўлиқ тасаввур этиш қийин. Лекин шу нарса равшанки, бу система Советларнинг тобора жамоат ташкилотлари билан яқинлашуви, давлат ишларини биргаликда ҳал қилишларининг ривожланиши асосида таркиб топади. Бундай ўз-ўзини бошқариш системасининг асосини халқ вакиллик органи бўлган Советлар ташкил қилади. Хўжалик-ташкилий ва маданий-тарбиявий фаолият билан банд бўлган жамоат ташкилотлари коммунистик жамият тараққиётининг барча даврларида ҳам сақланиб қолади. Лекин ҳал қилувчи ролни, юқорида айтганимиздек, халқ вакиллик органлари ўйнайди.

Коммунистик ўз-ўзини бошқаришга ўтиш процессида жамият аъзоларини ахлоқий жиҳатдан тарбиялаш ҳам муҳим роль ўйнайди. Жамоат ташкилотлари ўтмиш сарқитлари, индивидуализм ва эгоизм, мансабпарастлик ва сансалорликка қарши астойдил курашишлари керак. Жамоат ташкилотлари билан давлат органлари қанчалик ҳамжиҳатлик билан иш олиб борсалар, улар олдига қўйилган мақсад шунчалик муваффақиятли ҳал қилинади.

Лекин ўз-ўзидан маълумки, давлат органлари баъзи бир функцияларининг жамоат ташкилотларига олиб берилиши билан давлат органларининг роли сусайиб кетмайди. Аксинча, КПСС XXI, XXII съездларида таъкидлаб ўтилганидек, коммунистик қурилиш кенг авж олдирилган даврда Совет давлати янада ривожлана ва мустақамлана боради.

Улуғ Ленин тузган партия раҳбарлик қилаётган умумхалқ Совет давлати коммунистик жамият қуришда асосий восита бўлиб, у бутун инсониятнинг олижаноб мақсадларига хизмат қилмоқда.

Ш. Г. Ходжаев

О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

В данной статье на материалах Узбекистана освещается повышение роли общественных организаций (профсоюзных, комсомольских, кооперативных, спортивных и др.) в строительстве коммунизма в нашей стране в соответствии с историческими решениями XXII съезда партии и новой Программой КПСС.

П. Д. СЕИТОВ

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ

В последнее время оживленно дискутируется вопрос о соотношении материального и идеального. В философской литературе делаются попытки более конкретно вскрыть вторичный характер идеального, показать обратную, вторичную активность его по отношению к материальному, уяснить внутреннюю связь идеального с общественной практикой человека. Соотношение материального и идеального было одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на проходившем недавно совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии.

Последние достижения в ряде областей науки вскрыли новые стороны этого соотношения, поставили новые проблемы, требующие дальнейшего развития и конкретизации понимания соотношения материального и идеального. При обсуждении этих вопросов выявились и точки зрения, в которых недооценивается гносеологическая сторона данного соотношения. В этой связи нам хотелось бы осветить здесь некоторые гносеологические аспекты соотношения материального и идеального.

Основной вопрос философии, т. е. отношение бытия и сознания, от решения которого зависит как понимание природы категорий, так и во многом понимание взаимоотношения и последовательной связи категорий между собой, вызван к жизни длительной, многовековой практической деятельностью человека. В конечном счете, именно практика человека определила основное содержание этого понятия.

Благодаря своей трудовой деятельности человек начинает проводить различие между объективным миром и его мысленным отражением в голове, начинает отделять свой внутренний, субъективный мир от остального, внешнего мира. Это различие внешнего и внутреннего мира относится к числу начал философского мышления. В. И. Ленин выделял мысль Л. Фейербаха о признании существенного и нестираемого различия между мышлением и действительностью, как основу философского материализма¹.

Основной вопрос философии строится на полном и безусловном, в пределах гносеологии, различении внешнего мира и внутреннего мира человеческого сознания. Любое неполное различие или смешение сторон этого отношения есть непоследовательное проведение материалистической линии в философии.

Вопрос об отношении бытия и мышления — это, иначе говоря, вопрос о соответствии наших знаний о мире связям самого внешнего мира, как важнейшее условие плодотворности практической деятель-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, стр. 72.

ности человека. Понятие основного вопроса философии возникло как результат выделения человеком своего мышления, как отображения, от внешнего мира и выяснения отношения между отображаемыми предметами и их мысленными отображениями.

Практическая трудовая деятельность человека раздваивает мир на две стороны — на субъект и объект труда, что отражается мышлением в самом общем виде как отношение бытия и сознания. *Окружающий нас мир, рассматриваемый по отношению к нашему мышлению, выступает как отображаемое и выражается категориями: материя, объективное и бытие.*

Уже в самом признании окружающего мира отличным от нашего сознания содержится взгляд, что природа не есть сознание, что природа относится к нашему мышлению как нечто внешнее. А это и есть первое, самое общее, простое и массовидное отношение между внешними предметами и нашим познанием, которое выражается категорией *объективное*. Понимание объективного как внешнего и независимого по отношению к мышлению есть признание того, что объективное ограничивает собой наше мышление. Такое различие определяет понимание внешнего мира как источника и основы нашего мышления.

Объективное выражает то, чем действительно являются внешние предметы. Главное в объективности — это существование ее вне мышления, вне зависимости от сознания. Независимость эта состоит в том, что объективное для своего существования не нуждается в существовании сознания. Но такое понимание независимости внешнего мира от нашего сознания отнюдь не исключает признания обратного, вторичного воздействия сознания на внешний мир. Вся практическая деятельность человека показывает, что мы можем вызывать те или иные свойства внешних предметов, влиять на ход процессов в нужном нам направлении. Поэтому понятие объективное, как независимое по отношению к нашему мышлению, выражает не бессилие человеческой практики по отношению к внешнему миру, а то, что мышление не является предпосылкой существования объективного.

Признание внешнего мира объективным, существующим *вне* сознания есть глубоко принципиальное положение, направленное не только против субъективного идеализма, но и вообще против идеалистической линии в философии.

Для выражения внешнего мира, рассматриваемого в его отношении к нашему мышлению, кроме категории объективного, употребляется также понятие *бытие*. Категория бытия употребляется в двояком смысле. В первом смысле бытие идентично понятию материального и объективного. Во втором смысле категория бытия употребляется как абстракция, выражающая сторону *существования* вещей и явлений. В данном случае, категория бытия употребляется в значении материального.

Основоположники марксистской философии часто применяли категорию бытия для выражения отношения внешнего мира к нашему познанию. Так, Ф. Энгельс в своем произведении «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» определяет основной вопрос как отношение бытия и мышления. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» пишет: «Сознание вообще *отражает бытие* — это общее положение *всего* материализма»².

В этом своем значении бытие, характеризуя отношение внешних предметов к их мысленным отображениям выступает как понятие *одно-*

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 343.

понятие бытия более конкретно определяет отношение внешнего мира к нашему познанию, ибо оно выражает не только сторону внешности существования окружающего мира, но и *характер* этого существования. Категория сознания выражает мир понятий, представлений, образов, т. е. мир отражения, мир идеального. В этом смысле то содержание, которое образует наше сознание, нельзя назвать бытием, потому что понятие о предметах — это не сами материальные предметы, а их отображения. Когда говорится о бытии, имеется в виду действительное, реальное существование самих предметов. В выделении этой стороны отношения внешнего мира к нашему познанию и заключается специфика содержания категории бытия.

Одним из первых определений, по которому подразделяются две основные философские линии, есть признание или непризнание бытия предметов вне нашего познания, независимо от него. В этом смысле признание бытия равнозначно материалистическому решению основного вопроса философии. Материализм и есть признание бытия вне познания.

Для выражения отношения отображаемых предметов к их мысленному отображению, помимо категории объективного и бытия, преимущественно употребляется понятие *материальное*. Все эти три категории однопорядковые, родственные и представляющие собой триединство, отражая относительно различные стороны одного и того же. Грани между понятиями материального, объективного и бытия относительны, условны. Все, что относится к области материального, является объективным, бытием. Поэтому эти категории часто употребляются как слова-синонимы. Однако, хотя различия в содержании этих понятий относительны, они все же имеются. Понятие материи более конкретно по своему содержанию, чем понятия объективного и бытия, и включает их обоих в свое содержание.

Содержание понятия *материя* раздваивается на две стороны, два основных признака. Первый признак характеризует материальное как внешнее, независимое от сознания и выражается понятием *объективное*. Второй признак характеризует материальное как реальность, как фактическое в отличие от идеального (как своего отображения). Этот признак выражается категорией *бытие*. Единство этих признаков и дает более конкретное понятие о материальном, как объективной реальности. Поэтому категория материи употребляется как основная категория, выражающая отношение внешнего мира к нашему познанию.

В. И. Ленин понимал под материальным ту сторону отношения, которая находится вне наших органов чувств и отображается ими. Внешние, объективно существующие предметы выступают как материальное по отношению к своим отображениям.

Понятие материи, как указывал В. И. Ленин, есть предельно-широкое понятие, охватывающее собой все предметы и явления внешнего мира. Любое другое понятие, каким бы широким оно не было, можно подвести под это понятие или соотносительное с ним понятие *идеальное*, которое, в свою очередь, относится, в конечном счете, к материальному, как понятие, отражающее особое свойство высокоорганизованной материи.

Категория материи, ее понимание, вытекающее из того или иного решения основного гносеологического вопроса, есть дальнейшее развитие и конкретизация понятия основного вопроса философии. Категория материального выражает не только различие между отображаемым и его отображением, но и противоположность их, как отношение первичного к своему вторичному. Определение материи, как первичного,

представляет собой материалистическое решение основного вопроса философии.

Важнейшим признаком понятия материального является его абсолютность. Материя абсолютна, ибо в мире нет ничего, кроме движущейся материи. Признание абсолютности материи имеет огромное значение в борьбе против философского релятивизма, против любых колебаний по вопросу о реальности объективного мира. Материализм признает единственно абсолютное «свойство» всех материальных вещей — быть вне сознания, быть не идеальным. И как бы в процессе развития наук не обогащались, не уточнялись и не изменялись наши знания о космических объектах, об окружающих нас макро- и микротелах, о магнитных, ядерных и иных полях, неизменным остается одно — все они являются материальными, т. е. реальными и действительно существующими вне нашего сознания.

Материя есть предельно-широкая абстракция, отражающая эту сторону отношения вещей и явлений внешнего мира к нашему познанию. В понимании материального, как абсолютного, содержится и другая сторона — единство мира заключается в его материальности. Гносеологически это означает, что всеобщим и единым для всех предметов является существование их вне и независимо от нашего сознания.

Значит, ленинское определение материи по своему содержанию есть глубоко гносеологическое определение. Оно покоится не на отождествлении материального с вещественным, а на основе противопоставления материального идеальному. Вещественное не тождественно понятию материального и не исчерпывает его. Понятие материального, как отражение находящейся вне нас объективной реальности, есть более широкое понятие. Понимание материального лишь как вещественного представляет собой остаток натурфилософского взгляда на материю. Если понятие *вещество* рассматривать как тождественное понятию *материя*, то при физическом эффекте, носящем название «дефект массы» (когда масса ядра меньше массы частиц, образующих ядро), мы с логической необходимостью должны признать, что «материя исчезает».

Мышление по отношению к объективной реальности выступает как ее отображение. Эта сторона гносеологического соотношения выражается категориями *идеальное*, *субъективное*, *сознание*. К. Маркс понимал под идеальным мышление, как отражение материального в человеческой голове. В этом он видел коренную противоположность своих исходных гносеологических предпосылок исходным положениям Гегеля, считавшего мышление творцом действительного.

Представление об идеальном возникает в связи с выделением мира нашего сознания от остального, внешнего мира. Содержанием категории идеального является мысленное отражение материального мира. Нельзя понять природу отображения без его соотношения с отображаемыми предметами. Все содержание наших представлений, понятий, делающих наше мышление реальным, действительным, взято из внешнего мира.

Марксистская философия признает существование идеального, но указывает на вторичность его, как отображения по отношению к материальному. Идеальное есть, как об этом свидетельствует само существование отображения, факт существования внутреннего мира нашего мышления. Однако диалектический материализм отличает идеальное существование от материального. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», считая правильной мысль И. Дицгена о том, что материя и мысль действительно существуют, в то же

время не соглашался с тем, что отличие мысли от какого-либо предмета не больше, чем отличие предметов друг от друга. Идеальное существует не как сам предмет, а как его отображение; это отпечатки, копии, образы внешних предметов.

Категория идеального выражает противоположную сторону гносеологического соотношения. Идеальное, в противоположность материальному, есть то, что существует в сознании. Идеальное, в противоположность материальному, есть конечное, имеющее границу, оно бесконечно лишь в возможности, в своем соотношении с материальным. Но понятие идеального противоположно понятию материального не в абсолютном смысле слова, а в пределах гносеологического рассмотрения. За этими пределами, как указывал Ленин, их противоположность относительна. Идеальное не есть нечто существующее обособленно от материального мира, самостоятельно и независимо от него. Идеальное есть отражение материального. Забвение этой стороны их отношения ведет к дуализму, к отрицанию принципа материального единства мира. Даже в пределах гносеологического рассмотрения эти категории оказываются не только взаимоисключающими, но и внутренне связанными, ибо соотношение материального с идеальным выступает как соотношение материального со своим отображением.

Идеальное есть *субъективное* свойство высокоорганизованной материи. Здесь выступает новая сторона идеального. В диалектическом материализме под субъективным понимается та форма отражения, которая является свойством лишь человеческого мозга. В. И. Ленин подчеркивал в «Материализме и эмпириокритицизме», что иных чувств, кроме человеческих, т. е. «субъективных», не бывает. Мышление оперирует не самими материальными предметами, а их идеальными отображениями, которые субъективны, потому что они (образы) существуют лишь в сознании, в самом субъекте. Сами же материальные предметы, существующие вне и независимо от познания, — объективны. В этом заключается гносеологическое различие субъективного и объективного.

Понятие субъективного не следует смешивать с понятием субъективизма и рассматривать как явление, всецело зависящее от человеческого произвола. Если бы не было не зависящих от нас закономерностей мышления, то невозможна была бы сама наука о мышлении. Так, общественное сознание не зависит ни от отдельной личности, ни даже от человечества — содержание его определяется общественным бытием, материальным способом производства. Но несмотря на такую независимость, это есть идеальное, субъективное явление, отражение общественного бытия в сознании людей.

Субъективное часто смешивают с материальным носителем субъективного, т. е. субъектом, с его мозгом, тогда как субъективное есть отражение, особая, присущая только человечеству форма отражения.

Субъективное, как форма отображения внешнего мира, является субъективным во всех отношениях. Некоторые авторы впадают в известный релятивизм, когда пишут, что идеальное можно рассматривать как материальное в зависимости от того, в каком отношении мы будем изучать его³. Однако, в действительности субъективное не перестает быть субъективным, даже если оно становится объектом познания, ибо оно не перестает быть отображением.

Следующей категорией, выражающей мир человеческого отображения, является *сознание*. Эта категория более конкретна по своему содержанию, чем предшествующие категории.

³ См., напр., «Вопросы философии», 1958, № 2, стр. 72.

Категории сознания, идеального, субъективного однопорядковы, одностепенны и по сути дела тождественны, ибо их содержанием является отражение; их различие состоит лишь в том, что они выражают отображение материального мира в различных его отношениях.

Процесс осознания есть процесс приведения связей наших мыслей в соответствие с объективными связями внешних предметов. Понятие сознания представляет собой единство двух основных сторон, признаков.

Во-первых, сознание есть отношение к внешним предметам, как отношение образа предмета к самому предмету, отображения к отображаемому. В этом смысле все представления, понятия, находящиеся в сфере сознания, мы называем *идеальными*, потому что их реальность находится не в них самих, а вне их, во внешних предметах, отображениями которых они являются.

Во-вторых, сознание, как особое свойство высокоорганизованной материи, относится к мозгу, как к своему материальному субстрату. Сознание является *субъективным* продуктом отражательной деятельности этого материального субстрата, его особым свойством. Категория сознания, как единство двух абстрактных признаков — идеального и субъективного, — является более конкретным понятием, чем оба последних, и в зависимости от того, в каком отношении мы рассматриваем само сознание, оно выступает либо как идеальное, либо как субъективное.

Недооценка каждой из этих сторон ведет к крайностям в понимании природы сознания. Забвение того, что сознание есть отражение, ведет к вульгарно-материалистическому толкованию природы сознания, а забвение того, что сознание есть особое свойство высокоорганизованной материи, ведет к психо-физиологическому параллелизму, к дуализму. Отдельные естествоиспытатели, признавая сознание, как идеальное, не могут провести связь сознания с мозгом, как его материальным субстратом, и если они пытаются дать объяснение этой связи, то лишь за счет вульгарно-материалистического истолкования природы сознания. Это — результат недопонимания природы сознания, как противоречивого единства отображения и свойства, как внутреннего неразрывного единства идеального и субъективного.

Попытки некоторых авторов рассматривать вопрос о соотношении психологического и физиологического как вопрос о рассмотрении одного и того же предмета (объекта) в разных отношениях по существу означают игнорирование качественного своеобразия идеального, как особого свойства. Как мы уже отмечали, В. И. Ленин критиковал И. Дицгена именно за то, что он смешивал материальное с идеальным, считая, что дух, мысль отличаются от предметов не более, чем предметы — друг от друга. Ленин подчеркивал, что идеальное есть образ предмета, его мысленное отображение, а не сам предмет.

В отличие от этого особого свойства, другие свойства мозга выражают природу самого материального субстрата идеального, природу нервных клеток. Так, исследование морфологии клеток головного мозга, состава веществ, из которого они образованы, изучение межнейронных связей (синапсы) и т. д. относятся к области физиологического исследования. Предметом рассмотрения психологического и физиологического является не один и тот же объект, а два различных объекта. В первом случае рассматривается особый способ отражения внешних связей, их мысленные образы, а во втором — сам материальный субстрат этого свойства.

Понимание проблемы соотношения физиологического и психологического, как вопроса о рассмотрении одного и того же объекта в раз-

ных отношениях, ведет при конкретных исследованиях природы психологического к отрицанию реального характера идеального, к смешению материального с идеальным. Единственно правильным методологическим средством, способствующим плодотворному исследованию конкретных вопросов соотношения психического и физиологического, является применение философских категорий объективного и субъективного.

Есть и другая сторона гносеологического соотношения между материальным и идеальным, которая остается вне пределов рассмотрения данной статьи, — это обратное, вторичное воздействие идеального на материальное. В этом смысле целенаправленная практическая деятельность людей определяется идеальным. Прежде чем совершится труд, объективные свойства предметов труда должны найти свое отображение в сознании человека. И лишь в соответствии с этим идеальным понятием о предмете осуществляется трудовая деятельность людей в целях удовлетворения своих потребностей. Значит, связь идеального (теории) с практикой заключается не только в том, что оно отображает материальную практику многих поколений людей, но и в том, что практика служит материальным воплощением идеальных устремлений человека.

Ярким примером этому служит практика строительства коммунистического общества в нашей стране, в ходе которого советский народ под руководством Коммунистической партии своим самоотверженным трудом успешно претворяет в жизнь великие идеалы научного коммунизма.

П. Д. Саитов

**ФИЛОСОФИЯ БОШ МАСАЛАСИНИНГ ГНОСЕОЛОГИК МАЗМУНИ
ТУҒРИСИДА**

Мақолада философия бош масаласи, яъни турмуш билан онг ўрта-сидаги муносабат масаласи гносеологик мазмунининг баъзи бир аспекти марксча-ленинча философия нуқтаи назаридан ёритилган.

Р. Х. АМИНОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОСТЕЙШИХ ФОРМ СЕЛЬХОЗКООПЕРАЦИИ В ТАССР

Создание и развитие сельскохозяйственной кооперации в Узбекистане в период перехода к новой экономической политике до сих пор еще не нашли своего отражения в специальных работах наших историков и экономистов.

Некоторые сведения о создании кооперации, организационном оформлении ее, кооперативной политике Советской власти в годы нэпа, о роли союза «Кошчи» в осуществлении ленинского кооперативного плана и т. д. мы находим в работах А. Иткина, О. Б. Джамалова, М. Г. Вахабова, М. М. Абрамова¹, а также в ряде статей из журналов «Народное хозяйство Средней Азии», «Хлопковое дело», «Туркестанская кооперация».

Наиболее полное освещение истории кооперативного движения в Средней Азии дано в книге А. Иткина, где показана большая организующая роль хлопководческой кооперации в подъеме и развитии хлопководства республик Средней Азии на новых, социалистических началах. Однако в работе А. Иткина, как и в трудах О. Б. Джамалова, уделяется очень мало внимания изучаемому нами периоду.

Кроме того, А. Иткин рассматривает главным образом историю развития хлопководческой кооперации, не затрагивая деятельности других ее видов. Поэтому автор не мог полностью проследить влияние кооперации на развитие всех отраслей сельского хозяйства Узбекистана.

Коротко, но четко дана характеристика кооперативной политики Советской власти в период нэпа в упомянутой выше книге М. Г. Вахабова. Автор показывает этапы развития кооперации и изменение ее роли в ходе развертывания социалистического строительства.

Роль кооперации, охватывавшей сотни тысяч единоличных дехканских хозяйств и подготовившей условия для перехода крестьянских масс на путь коллективного земледелия, была весьма велика. Поэтому изучение истории развития сельскохозяйственной кооперации в Узбекистане является одной из актуальных задач историков советского общества.

¹ А. Иткин, Социально-политические предпосылки коллективизации хлопководства в Средней Азии, Ташкент, Госиздат УзССР, 1932, 299 стр.; О. Б. Джамалов, Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1950, 123 стр.; его же, Развитие сельскохозяйственной кооперации в Узбекистане и ее роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, «Известия АН УзССР», Серия общественных наук, 1959, № 3, стр. 7—22; М. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, Госиздат УзССР, 1961, 286 стр.; М. М. Абрамов, Роль союза «Кошчи» в осуществлении ленинского кооперативного плана в Самаркандской области, «Труды Самаркандского университета им. А. Навои», Новая серия, вып. 101, История, ч. 2, Самарканд, 1960, стр. 65—88.

В данной статье мы попытались осветить основные задачи кооперации в Туркестанской АССР в период перехода к новой экономической политике, характер и особенности кооперативов тех лет, динамику их развития по ТАССР в целом и ее областям, борьбу за укрепление сельхозкооперации и повышение ее роли в восстановлении и развитии сельского хозяйства республики в условиях преобладания мелких, раздробленных дехканских хозяйств.

Кооперация, или кооперирование, означает объединение труда или материальных средств (либо того и другого вместе) группы лиц, связанных между собой общим трудовым процессом. Формы кооперации, в том числе в области сельского хозяйства, могут быть очень различными, характер же ее определяется общественным строем, существующим в данной стране. В сельском хозяйстве дореволюционной России, например, кооперация (главным образом, кредитная) возникла на капиталистической основе еще в начале XX в., в том числе с 1909 г. — в Туркестане. Однако, финансируя в основном переселенческие кулацкие и местные байские хозяйства, она, в конечном счете, способствовала лишь проникновению финансового капитала в туркестанский кишлак, экономическому укреплению его эксплуататорской верхушки, более быстрому развитию здесь капиталистических отношений, включая интенсивное классовое расслоение дехканства.

В условиях социалистического общества кооперация играет совершенно иную роль, на что не раз указывали классики марксизма-ленинизма. Еще накануне Октябрьской революции В. И. Ленин, изучив теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, разрабатывает свой знаменитый кооперативный план — план социалистического преобразования сельского хозяйства нашей страны. Ленин считал, что путь постепенного вовлечения широчайших крестьянских масс, в том числе трудового крестьянства национальных окраин страны, в русло социалистического строительства может проходить только через кооперацию. В. И. Ленин указывал, что при диктатуре пролетариата и прочном союзе рабочего класса с крестьянством, при наличии социалистической промышленности именно правильно организованная производственная кооперация, охватывающая миллионные массы крестьян, является единственным средством преобразования мелкого, экономически неустойчивого, единоличного крестьянского хозяйства в крупное, высокопроизводительное социалистическое хозяйство, основанное на машинной технике.

Ленинский кооперативный план открыл путь постепенного и добровольного объединения миллионов мелких крестьянских хозяйств. Только таким путем можно было избавить крестьянство от вековой кабалы, беспросветной нужды и «идиотизма деревенской жизни». Начальный этап кооперирования крестьянства должен был, по мысли В. И. Ленина, предусматривать простейшие формы кооперации (кредитная, снабженческо-сбытовая и т. д.), как более доступные крестьянству с его в то время частнособственнической психологией, а затем обеспечить переход к высшим формам кооперирования — производственным кооперативам, или колхозам.

В условиях гражданской войны основные силы и внимание Коммунистической партии и советского народа, в том числе трудящихся Советского Туркестана, были направлены на борьбу против объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции. Тем не менее, первые кооперативные объединения возникли в ТАССР уже в 1918 г. С победоносным окончанием гражданской войны и переходом нашей страны к мирному социалистическому строительству, когда восстановление сельского хозяйства стало одной из важнейших первоочередных задач

партии и народа, кооперация мелких крестьянских хозяйств приобретает особое значение. Не ставя (на данном этапе) своей задачей создания крупных хозяйств социалистического типа в массовом масштабе, кооперация преследовала тогда цели повышения материальной заинтересованности мелких и средних товаропроизводителей, укрепления их хозяйств, поднятия их производительности, облегчения им условий сбыта сельскохозяйственной продукции и закупки дефицитных промышленных товаров, избавления их от эксплуатации со стороны кулацкой верхушки, воспитания миллионов крестьян в духе коллективизма, т. е., в конечном счете, создания материальных и моральных предпосылок для перехода к сплошной коллективизации сельского хозяйства на последующем этапе социалистического строительства.

Надо сказать, что первые советские кооперативы, созданные в Туркестане, как уже отмечалось, в 1918 г., не могли еще оказать существенного влияния на развитие народного хозяйства ТАССР, и настоящее развитие кооперации здесь началось лишь после издания ВЦК и СНК РСФСР 16 августа 1921 г. декрета «О сельскохозяйственной кооперации».

Сельскохозяйственная кооперация должна была в первую очередь изыскать необходимые средства для восстановления и подъема трудовых дехканских хозяйств Туркестана, остро нуждавшихся в долгосрочных и краткосрочных кредитах. Долгосрочные кредиты нужны были для создания предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства, для восстановления и развития разрушенных хозяйств, обеспечения их живым и мертвым инвентарем, мелиорации земель и т. д. Краткосрочные же кредиты были необходимы для проведения сева, правильной организации рынка сбыта продуктов дехканского труда, снабжения дехкан средствами производства, результаты применения которых обычно сказываются в течение одного хозяйственного года.

Конечной целью сельскохозяйственной кооперации с кредитными функциями было привлечение и рациональное использование средств самого сельского населения в виде взносов, паев и т. п. Но поскольку процесс накопления вкладов и собственных средств был очень длительным, дехканские хозяйства нуждались в существенной помощи со стороны государства и, в первую очередь, в получении ссуд для увеличения основного капитала кооперативов.

Учитывая разнообразные природные богатства Туркестана, благоприятные климатические условия для выращивания ценных технических культур, прежде всего хлопка, а также для развития шелководства, садоводства, виноградарства, скотоводства, решено была создавать здесь кооперативы различного сельскохозяйственного профиля. Эта задача была возложена на Туркхлосюз.

В целях лучшей организации руководства кооперативами и осуществления над ними постоянного хозяйственного и политического контроля, в крупных экономических центрах ТАССР были открыты районные кооперативные отделения.

Созданная ранее сеть сельскохозяйственных кооперативов, имевшая определенный опыт работы, представляла собой готовый аппарат для организации сельхозкредита. Члены кооперативных товариществ несли круговую ответственность друг за друга, что было достаточной гарантией для кредитуемых учреждений. Исходной ячейкой в общей системе кооперативного кредита стало производственное кредитное товарищество или универсальное товарищество с кредитными функциями.

В связи с тяжелым экономическим положением дехканских хозяйств, а также ограниченными финансовыми возможностями государства в те годы было признано нерациональным раздельное существование кредитных и сельскохозяйственных кооперативов. Самым целесообразным тогда было создание универсальных кооперативов, занимающихся и кредитными, и закупочными, и сбытовыми, и производственными операциями. При этом учитывалось и то, что и кредитная и сельскохозяйственная кооперация преследовали одни и те же цели и имели общий объект работы — сельское хозяйство.

Исходя из этих соображений, было решено принять за основной тип первичного кооператива сельскохозяйственное универсальное товарищество с кредитными функциями. В том же направлении должны были постепенно реорганизоваться и существующие хлопковые товарищества, а созданный ранее Туркестанский хлопковый союз преобразовывался в союз, объединяющий все виды кооперации. При этом была принята двухступенная схема кооперативного строительства:

а) первичный кооператив универсального типа,

б) Краевой союз, как единый центр всей производственной кооперации Туркестана.

Организация сельскохозяйственных кредитных товариществ началась с Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областей. В феврале 1923 г. сеть кооперативов выглядела следующим образом: в Кокандском районе с Наманганским уездом имелось 6 кооперативов (3081 член), реорганизованных в 23 кооператива; в Скобелевском районе с Андижанским уездом — 9 кооперативов (8583 члена), реорганизованных в 15 кооперативов; в Самаркандском районе — 12 кооперативов (928 членов), реорганизованных в 18 кооперативов; в Ташкентском районе — 16 кооперативов (11709 членов), реорганизованных в 53 кооператива; в Мервском районе — 7 кооперативов (13017 членов) и т. п.²

Сельскохозяйственный кредит получал все большее распространение. Так, по инициативе населения только в Андижанском и Джелалабадском районах было создано 31 кредитное товарищество, в Ошском районе — 12, в Маргеланском — 16, в Кокандском и Наманганском — 18 и т. д.³

К 1 декабря 1923 г. в республиках Средней Азии вместо 365 товариществ, намеченных по плану, было открыто 387 товариществ, из них только в Сырдарьинской области ТАССР — 181 товарищество (вместо намеченных 135). К концу 1923 г. было обеспечено кредитом уже 397 товариществ, в том числе 236 — занимающихся хлопководством.

В Ферганской области организация кооперативов активно осуществлялась в тех районах, которые были полностью очищены от басмаческих банд. Вместо 60 намеченных кооперативов здесь было открыто 95.

Хуже всего обстояло дело в Самаркандской области, где план организации кооперативов на 12 сентября 1923 г. был выполнен лишь на 26%, в Бухарской республике (33%), а также в Джетысуйской и Туркменской областях. Однако в октябре-ноябре 1923 г. и далее положение в этих областях улучшилось.

Уже к середине сентября 1923 г. в сельхозкооперативах ТАССР насчитывалось 45 489 дехкан. Получив ссуды, дехкане использовали их на покупку и ремонт сельхозинвентаря, приобретение рабочего скота

² ЦГА УАССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 1291, л. 27—29.

³ «Туркестанская правда», 22 августа 1923 г.

и посевных семян. Ссуды выдавались одновременно под хлопок и под клевер⁴.

Сельхозбанк обслуживал кооперативы только денежным кредитом (в 1923 г. было выдано свыше 1 млн. руб.). Исключение составила лишь Ферганская область, где Сельхозбанку удалось обеспечить некоторые кооперативы рабочим и продуктивным скотом, приобретенным у Хлебторга. Этот скот распределялся между членами кооперативов за наличный расчет с рассрочкой платежей на небольшой срок. Всего было роздано кооперативам 503 быка, 230 коров и 2368 баранов⁵.

Кооперативы снабжали дехканские хозяйства долгосрочным и краткосрочным кредитом, инвентарем, рабочим скотом и семенной ссудой. Одновременно они выполняли трудную и порой непосильную для единоличных хозяйств работу по организации сбыта и переработке сельхозпродуктов, по снабжению дехкан необходимыми промышленными товарами, продовольствием и т. п.

Плодотворная деятельность кооперативов ярко видна на примере Зенгиатинского кооператива Янгйюльской волости. Созданный в марте 1923 г. жителями двух селений — Зенгиата и Урабауль, — он состоял из 728 членов, в большинстве своем — середняков, имевших 5—6 десятин земли. 97% членов кооператива составляли узбеки. Более 200 членов кооператива были одновременно членами союза «Кошчи», 25 человек — членами РКП(б). Кооператив имел свое правление, совет кооперативного товарищества и ревизионную комиссию.

Зенгиатинский кооператив представлял собой сельскохозяйственное товарищество с кредитными функциями. Производственная деятельность его заключалась прежде всего в возделывании хлопка и риса. Кроме того, имелись посевы пшеницы, ячменя, клевера; 2% земельной площади было занято виноградниками. Хозяйство кооператива состояло из 2 быков, 1 лошади и 1 коровы. На средства кооператива был куплен трактор.

Кредитная деятельность кооператива заключалась главным образом в раздаче ссуд, полученных от Сельхозбанка. Из паевых взносов членов кооператива денежные ссуды, как правило, не выдавались. Основное место в ссудных операциях товарищества занимали краткосрочные ссуды в размере 50 руб., преимущественно сроком на 9 месяцев. Долгосрочные ссуды выдавались обычно на 3 года. 75% всех ссуд кооператива было израсходовано на приобретение скота, а на остальные деньги был закуплен необходимый сельхозинвентарь и семена.

Большой доход приносила товариществу торговля. Кооператив имел лавку по продаже потребительских товаров, главным образом мануфактуры. В торговлю было вложено 27% средств кооператива. Кооператив выступал также в качестве комиссионера Главхлопка и вел большую работу по организованной заготовке хлопка-сырца.

Зенгиатинский кооператив был единственным кооперативом в своем районе и обслуживал почти 60% его населения. Хорошо организовав свою работу, кооператив приобрел большую популярность в районе. Уже к началу 1925 г. в него вступило 74 новых члена.

Однако в деятельности кооператива имелись и недостатки. Он не сумел наладить тесную связь с партийными и общественными организациями района. Представители партячейки лишь изредка присутствовали на заседаниях правления⁶.

Вообще надо сказать, что развертывание кооперативной сети натолкнулось на ряд организационных трудностей, а главное — на недо-

⁴ «Туркестанская правда», 12 сентября 1923 г.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 1303, л. 288.

⁶ «Народное хозяйство Средней Азии», 1925, № 8—9, стр. 20—22.

статок средств. К тому же районы деятельности кооперативных товариществ были слишком обширными, охватывая по 5—6 волостей. Кооперативы были нередко засорены нетрудовыми элементами. В отдельные правления пробрались комиссионеры и прочие хлопковые дельцы. В кооперативах была слабо поставлена культурно-просветительная и информационная работа. Они не всегда получали необходимую помощь и квалифицированный инструктаж.

Таблица 1

Райсоюзы	Всего членов правления	В том числе из коренного населения	Из них членов партии	Социальное положение	
				крестьяне	служащие
Ташкентский	3	2	2	3	—
Аулиеатинский	3	1	—	1	2
Акмечетский	5	4	2	5	—
Туркестанский	5	5	1	3	2
Итого	16	12	5	12	4
То же, в %	100	75	31,5	75	25

Учитывая все эти недостатки, ЦК КПТ и ЦИК ТАССР разослали 7 июля 1924 г. специальный циркуляр всем областным и уездным партийным и советским органам, в котором подчеркивалась необходимость оказания всемерной помощи сельскохозяйственной кооперации. В циркуляре указывалось, что XIII съезд партии обратил особое внимание на организацию кооперации в деревне и что местные партийные и советские органы должны проявить максимум энергии в этом деле. Им предлагалось навести порядок в работе правлений кооперативов, уделять большое внимание организации выборов и переизборов правлений, согласовывая выдвигаемые кандидатуры с Турксельсоюзом⁷.

ЦК КПТ проявлял большую заботу о развитии кооперации в кишлаках ТАССР, направлял и контролировал ее деятельность, заслушивал отчеты о работе кооперативных органов и оказывал им необходимую помощь. Так, 24 июля 1924 г. ЦК КПТ, обсудив деятельность кооперации в республике, обязал парткомы уделить больше внимания этому важному делу. Было решено организовать под руководством парткомов ознакомление всех коммунистов кишлака и аула с задачами кооперации; считать необходимым вхождение в сельхозкооперацию всех членов сельских партячеек; взять курс на вовлечение женщин в кооперацию; проверить социальный состав инструкторов и укрепить его партийными кадрами⁸.

Были намечены и другие мероприятия по укреплению кооперативных органов на селе, в том числе: чистка кооперативов от примазавшихся чуждых элементов; создание курсов инструкторов для сельхозкооперации; укрепление низового состава правлений; вовлечение в кооперацию бедняцких и батрацких элементов кишлака путем общественной покупки паев на льготных основаниях и т. д.

⁷ Партерхив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 3859, л. 30. Отпуск.

⁸ Там же, д. 1939, л. 15—16, Заверенная копия.

Социальный состав членов правлений кооперативов был резко улучшен за счет вовлечения в них большого количества трудящихся местных национальностей, особенно членов партии. Об укреплении состава членов правлений райкоопсоюзов свидетельствуют данные табл. 1⁹.

Укрепление руководящих органов сельхозкооперации в центре и на местах способствовало расширению и улучшению ее деятельности. повышению авторитета кооперации среди дехканских масс и усилению ее влияния на все стороны жизни кишлака.

В рассматриваемый период кооперация выступает в качестве одного из проводников политики партии и Советской власти в деревне, играя все большую роль в укреплении трудовых дехканских хозяйств, восстановлении хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, в налаживании правильного товарооборота, хозяйственной смычки и классового союза между городом и деревней, в преодолении трудностей восстановительного периода и нэпа.

Своей многосторонней деятельностью сельхоз кооперация способствовала повышению трудовой активности, инициативы и самостоятельности крестьянских масс, воспитанию их в духе коллективизма, подготовке необходимых условий для социалистической реконструкции сельского хозяйства страны.

Успехи сельского хозяйства ТАССР в 1921—1924 гг. явились блестящим подтверждением мудрости и жизненности ленинского кооперативного плана, ставшего одним из решающих звеньев разработанного В. И. Лениным и осуществленного Коммунистической партией и советским народом грандиозного плана строительства социализма в СССР

Р. Х. Аминова

ТАССР ҚИШЛОҚ КООПЕРАЦИЯЛАРИНИНГ ЭНГ ОДДИИ ФОРМАЛАРИНИ БАРПО ЭТИШ ВА РИВОЖЛАНТИРИШ ТАРИХИДАН

Мақолада нэпга ўтиш даврида ТАССРда қишлоқ хўжалик кооперациялари барпо этиш тарихининг баъзи асосий томонлари ёритилади, ўша йиллардаги кооперацияларнинг асосий вазифалари, характери ва хусусиятлари, ривожланиш динамикаси очиб берилади, шунингдек, қишлоқ хўжалигини тиклашда ҳамда қишлоқни келгусида социалистик асосда реконструкция қилиш учун шароит яратишда қишлоқ хўжалиги артелларининг тутган роли кўрсатиб берилади.

⁹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, л. 4097, л. 100. Копия.

Л. И. РЕМПЕЛЬ

К ИЗУЧЕНИЮ СТИЛЕЙ В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ*

Вопрос о стилях в истории искусств имеет большое методологическое и практическое значение. В рамках истории искусств Средней Азии проблема стилей не ставилась еще вообще.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением стилей в орнаментике XI—XIII вв., имея в виду, что именно эта область изобразительного искусства приобрела в Средней Азии в указанный период особенно важное и универсальное значение. Она охватила собой архитектуру, прикладные искусства, живопись, графику и поглотила сполна скульптуру.

Общекультурное значение рассматриваемой эпохи весьма велико. XI—XIII вв. — это эпоха большого напряжения общественных сил, вызванных к жизни развивающейся феодальной формацией. Вместе с тем, это время сложных этногенетических процессов формирования ряда народностей и ломки старых государственных систем, т. е. такая переходная эпоха, когда и в искусстве новое побеждает не в силу капризов недолговечной моды, а как сумма и итог больших и важных сдвигов в жизни и мировоззрении всего общества.

Эпохи крутой ломки старых общественных порядков и связанных с ними культур всегда привлекали и будут привлекать к себе внимание поколений, вступивших на более высокую ступень своего развития.

Заслуги археологии в изучении истории искусств Средней Азии огромны. И тем не менее, классификации стилиевых признаков, имеющих определенную устойчивость на протяжении того или иного исторического периода и отвечающих принципу единообразия применяемых средств, — у нас еще нет. Больше того, доверие к стилистическому анализу подорвано тем, что эволюция форм стиля, как это не раз выявлялось в процессе археологических работ, находится порой в противоречии с реальной картиной производства и бытования художественных вещей. Развитие форм то «опережает» свое время, то отстает от него, то как бы возвращается вспять (от «поздних» по стилиевым признакам форм к более «ранним»).

Анализ стиля не может дать твердой даты; здесь первое слово принадлежит археологу. Однако только стилистический анализ выявляет сумму признаков художественной школы, определяет ее ценность (масштаб явления), вскрывает эстетические качества и особенности данного произведения, устанавливает главные линии развития стиля в целом и рассматривает противоречия, в ходе разрешения которых и проявляется диалектика художественных форм.

Заметим сразу же, что понятие «стиль» не совпадает со значением художественной школы, ибо последняя охватывает определенную тер-

* Печатается в порядке обсуждения.

риторию, скажем, хорасанскую, тохаристанскую, хорезмскую, тогда как на каждой из этих территорий существовал не один, а ряд стилей. Признак художественной школы имеет в виду господствующее направление и не охватывает всей совокупности художественных явлений на данной территории.

Но что же, в таком случае, следует понимать под термином «стиль»? Принятое определение гласит, что это единообразие приемов в рамках определенной идейно-художественной общности. Однако понятие «стиль» имеет и другие значения, относительные и условные (их мы коснемся позже).

В искусстве XI — начала XIII в. главной чертой всех его стилей был орнаментализм. Языку художественных средств была придана определенная направленность, которая повлекла за собой огромные сдвиги в области художественных форм. Направленность эта диктовалась прежде всего содержанием нового искусства. И в этом — ключ к тому, что орнаментальность стала формой художественного выражения не только изобразительных искусств, но и других областей художественного творчества — музыки, литературы. Изобразительные средства живописи и литературы сблизилась, как никогда раньше, так, что понятие «стиль» охватило собой однородные явления не только в искусстве, но, в какой-то мере, и уклад жизни, вкусы и представления известных слоев общества.

Далее бросается в глаза сходство форм и мотивов орнаментации в таких относительно самостоятельных областях искусства, как архитектура, стенпись, ткани, керамика, художественный материал, декоративная пластика, каллиграфия. Сказалось наличие не только общей художественной традиции, но и уровень цементирующей стили художественной культуры.

Процесс формообразования стилей весьма сложен. В Средней Азии он имел свои особенности. Влияние технико-экономических факторов (успехи науки, техники и технологии строительных и декоративно-отделочных материалов) было исключительно велико. И вместе с тем в архитектуре и искусстве той эпохи нет ничего похожего на техницизм и голый функционализм. Поразительное единство пластики и узора покоилось на совершенно ином понимании принципа художественной целесообразности, нежели «выявление конструкции предмета», выдвигаемое часто теоретиками искусства в качестве непреложного закона соответствия формы предмета его содержанию. Функция понималась более широко, как целостность идейно-образных и технико-экономических задач, где эстетическое качество вещи составляет проявление самой ее сущности. Здесь учитывалась, следовательно, не только технико-экономическая, но и эстетическая функция художественной формы.

Для XI — начала XIII в. особенно важно отметить борьбу двух культурных начал: с одной стороны, космополитические тенденции, идущие из западных областей халифата и тесно связанные с религиозной пропагандой ислама, а с другой, — наличие местных традиций. Последние выступают в двойственной роли. Как консервирующая сила, традиция является тормозом развития. Но как стимулятор роста, та же традиция придает народному искусству силу и стойкость, необходимую в борьбе с нивелирующим искусством влиянием халифата. Этим она включалась в общий процесс развития местного искусства в качестве его движущей силы.

Художественная традиция складывалась здесь в постоянном взаимодействии земледельческого оазиса с кочевой степью. И тут картина довольно сложная. В земледельческих оазисах сельская община

выступает в роли хранителя старых укладов жизни; она питает собой рецидивы глубокой архаики в народном искусстве, пережитки минувших эпох (тотемистические, анимистические, магические представления и космогонические мифы находят здесь свое главное пристанище). С другой стороны, весьма активно проявляются и более свежие пласты этнических образований. Это оседлая двуязычная среда тюрков и таджиков, воспринявшая культурное наследие поздней античности и «варварской периферии». В ее активе не только городские и сельские ремесла, но и такой их специфический род, связанный с условиями земледельческо-пастушеского быта, как ковроделие, унаследованное в Хорасане и Хорезме от древних местных племен (саков-массагетов, даев, парнов-парфян). Это искусство включало огромное разнообразие художественных форм, что отвечало и пестроте укладов жизни смешанной среды.

Наконец, еще одно слагаемое — кочевники, в XI — XIII вв. больше пришлые, в массе своей тюркоязычные, вступающие часто во враждебные отношения с местным старым ираноязычным и тюркоязычным населением. Это сила больше разрушительная (сельджуки, огузы, ягма, карлуки), но вместе с тем превратившаяся в процессе оседания в орудие ломки остатков старого уклада жизни и культуры. Будучи более отсталыми в культурном отношении, чем местное население, степняки не оставили особо выдающихся памятников своей материальной культуры, но было бы неверно отрицать на этом основании их прямое влияние на весь строй общественной и культурной жизни, на область психологии творчества и на тот запас мотивов и форм, которым располагало, в частности, искусство узора.

Таковы некоторые общие предпосылки тех формообразующих процессов, благодаря которым в декоративном искусстве Средней Азии в XI — XIII вв. сложились определенные стили, стилевые направления; им отвечают некоторые выявленные нами группы орнаментальных мотивов и форм.

Первая группа. Сюда относятся формы орнаментации, порожденные главным образом трудовым процессом, техникой производства и свойствами применяемых материалов: узоры кирпичной кладки, мотивы плетенок, возникшие в процессе вязки узлов, в ткачестве, резьбе по дереву, гончарном деле и т. п. Здесь огромная градация форм — от простых, ритмически организованных насечек, зарубок, гребенчатых, шнуровых, зубчатых, витых и других мотивов и вплоть до узоров, уже утративших прямую связь с тем, что породило их в прошлом, и потому относительно свободных в своем проявлении. В декоративно-прикладном искусстве эти мотивы живут веками, устойчивость их исключительна, так как они постоянно проверяются практикой ремесленного труда, возрождаясь каждый раз с неизбежным постоянством.

В архитектурной орнаментике этой группы мы подчеркнем роль кирпичного узора в трех его основных видах: «гундишка», «бофт» и «моокля». Эти строительные термины большой давности отчасти встречаются и в старинных трактатах. Гундишка — это кирпичные выкладки с узорными вставками; бофт — кирпичные плетения, решетки; моокля — фигурные узоры на диагоналях, чаще всего стилизованные кувфические надписи. Затем, мотивы выкладки «в елку» и зигзагом, создающие зрительную абберацию (перетекание одних геометрических форм в другие, в зависимости от того, на каких элементах узора сосредоточено зрение).

Общие для кирпичного узора XI — начала XIII в. всей Средней Азии, они были особенно развиты в Тохаристане и Хорасане. Более детальное перечисление этих форм здесь не требуется. Отметим

лишь, что узоры, связанные с тем или иным видом работ, сами стали источником ряда производных форм: кирпичный узор в резьбе по ганчу, подобие стежков ткани на металле или пунсон чеканки в росписи и тиснении по керамике.

Логично предполагать, что переносу узора предшествовало длительное развитие техники кладок, тканья, чекана и т. д. и лишь впоследствии возникла имитация узоров в другом материале, как своего рода «вырождение» конструктивных начал и перерождение их в декоративную форму.

Но в действительности это не так. Едва возникнув в качестве не только технического, но и художественного приема, мотивы кирпичного, тканного и иного узора попадали в общий запас орнаментальных форм и легко переходили из одного вида прикладных искусств в другой; конструктивному использованию кирпичных кладок сопутствовало еще в X в. и особенно в XI—XIII вв. декоративное оформление гипсовых штукатурок под кирпич, а затем резной и штампованной терракоты под резной штук. Но все это не меняет существа дела: при всех превращениях орнамент этого стиля имеет своим источником и главным питающим его каналом само производство, строительное дело и художественное ремесло.

Вторая группа. Основными компонентами ее являются растительные и геометрические арабески, известные под названием «ислими» и «гирих». К ним прибавляются входящие друг в друга фигуры, чаще в форме трилистника, почему название этой системы «мадохиль» часто переносят и на фигуру трилистника.

Формообразующие элементы растительных арабесок и «мадохилей» — сегмент круга, «гусек» и «каблучок». Из них составляется волнистая линия, образующая стебель, спираль (точнее — завиток), мотив заполняющих поле плетей или веток, фигурные медальоны, тимпаны, каймы и т. д. Они решают композицию узора, широко используя огромный запас растительных форм, унаследованных от предшествующих эпох. При этом старые растительные формы преобразуются в чисто узорные. Акант и лотос еще в сасанидскую пору (III—VI вв.) лишь условно напоминали свои античные прототипы. Уже тогда на первый план в орнаменте выдвинулись виноградная лоза, гранат, тюльпан — мотивы местного растительного царства. В рассматриваемую эпоху эти мотивы стали предметом далекого зашедшей стилизации, основанной на строгой системе всеподчиняющих линейных ритмов и законов симметрии узора на плоскости.

Не углубляясь в детали, заметим, что как растительные, так и геометрические арабески были целиком связаны с высокоразвитым феодальным городским ремеслом и имели двойное происхождение. Они черпали свои формы, с одной стороны, в арабо-месопотамской художественной культуре, целиком пропитанной этими видами орнаментации, а с другой, — в местной традиции. Еще в домусульманское время орнаментальное искусство Средней Азии было внутренне подготовлено к полному разрыву со стилями античности. Это определилось уже в архитектурном декоре памятников VI—VIII вв., в изделиях из серебра и местных тканях той эпохи. Что касается содержания, внешнему выражению которого служили и старые и новые формы, то оно было в общем единым в рамках восточного средневековья: борьба с пережитками языческого, античного мировоззрения, отказ от связанного с ним художественного творчества, наивного реализма, утверждение языка поэтических метафор и символов; узорность, как выражение духовности мира; отказ от ваяния вообще и

иконоборческие тенденции, как проявления разных сторон все той же, направленной против основ прошлого, идейной концепции.

Стиль орнаментации типа гирихов и ислими был в ту пору единым для всего Среднего и Ближнего Востока, но только в общих исходных принципах (геометризм, построенность, господство строго разработанных систем); в реальном же содержании он повсюду имел свои особые черты, проявлявшиеся главным образом в мотивах и приемах разработки узора. Например, в резном штурге Хорасана чаще наблюдались экзоты и трансформация «распахнутых крыльев», а в Мавераннахре — более строгая выдержанность форм и подчинение их геометризму линий, рисунку звездчатых фигур.

Стиль гирихов и ислими не имел строго очерченных границ распространения, захватывая и немусульманские страны Востока, Кавказ, Крым.

Третья группа. Сюда относится большой запас мотивов и форм, тесно связанных с народной символикой (изобразительный фольклор). Главной областью их распространения в XI—XIII вв. было художественное ремесло. Они проникали и в зодчество, но основной сферой их господства было ремесло, особенно домашнее.

Стиль искусства, представленный этой группой мотивов и форм, поразительно устойчив, благодаря их органической связи с народными представлениями. Он овеян глубокой стариной и представляет собой неисчерпаемый источник изобразительных средств. Грубоватость архаизированного искусства сочетается в нем с богатством воображения, наивность и простота — с удивительной, захватывающей своей непринужденностью и искренностью фантазией. В орнаментике этой группы природа и человек, растения и животные предстают в бесчисленных, как в сказке, превращениях и переходах от неживого к живому. Точнее сказать, все одушевлено и потому все возможно: из лунного месяца вырастают стебли фантастического растения, на ветвях которого растут бычьи головы; по сторонам «древа жизни» стоят на задних ногах то фантастические звери, то быки; туловища двух обернутых спинами животных несут общую личину — маску. Здесь мы находим какой-то отзвук художественных изделий предшествующей поры (серебро VI—IX вв.), но чаще мотивы взяты из общего источника — тайников народной фантазии, постоянно пополняемых тем, что отстоялось в духовной жизни народа и оставило в ней свой глубокий след.

Но, удивительное дело, образы этого искусства, глубоко местные в своем содержании, обнаруживают еще больший ареал, нежели мотивы и формы типа гирихов и ислими. Они совершенно не укладываются в рамки «мусульманской культуры» и имеют себе параллели не только в других областях Востока, но и по всей Восточной Европе. Близость этих мотивов искусству домонгольской Руси поразительна, она являет собой след определенной духовного родства, проявившегося также в связях древнерусской и восточной сказки, эпоса, преданий.

Этот стиль народного искусства не был, естественно, замкнут рамками потребления. Это не сословный стиль и не стиль только архаизированных ремесел. Большое значение его в том и состоит, что он проявляется и в произведениях высокого совершенства, и это лишний раз подчеркивает значение народности для всех отраслей искусства, в том числе и тех художественных сокровищ, которыми располагали привилегированные классы. Градации сложности замысла, как и мастерство исполнения, и здесь бесконечны, но они не меняют главного — строя образов и того мирозерцания, с которым эти образы связаны. Каждое ремесло дарит свою форму соответственно:

материалу и вкусу потребляющей среды, но исходное содержание в искусстве данного стиля изображений едино — оно общенародно.

Четвертая группа. Сюда мы относим тамги и условные знаки родоплеменного значения. В декоративном искусстве XI — начала XIII в. они играли большую роль и были тесно связаны с определенным языком художественных форм. Главным носителем этой группы изображений было искусство оседлого земледельческо-пастушеского населения Хорасана, Хорезма и Мавераннахра, в меньшей степени — кочевники, у которых те же мотивы выступали больше как символы и знаки. Но так как связи со степью были постоянными, то и язык изобразительных средств родоплеменной среды имел известное обращение. Он проникал не только в ковровые ткани, но и в украшение утвари, в изделия ремесла и даже в архитектурный декор, что особенно характерно для убранства стен сельских глинобитных усадеб Хорезма и для керамических облицовок ряда монументальных памятников архитектуры Южного Туркменистана. (Рамки данной статьи не позволяют нам оперировать конкретными примерами; остается допустить, что они уже отчасти известны читателю из существующей литературы).

Стили искусств не существуют отдельно. И те четыре основные группы изображений, о которых говорилось выше, дают лишь общий, часто смещаемый контур стилей, главенствовавших в орнаменте XI—XIII вв.

Изображение человека, самостоятельно вкомпанованное в античный орнамент, стало подчиненным узору — это общая черта всего искусства данной эпохи. Стилю группы ислими и гирихов отвечает, в крайнем выражении заложенных в нем принципов, изображение лица в виде арабских букв (требование, которое выдвигали многие просвещенные поборники ислама). Стилю группы, связанной с изобразительным фольклором, особенно полно отвечают изображения на штампованной керамике Мерва (простонародные типы, напоминающие тюркские балбалы, сказочные персонажи, отчасти демоны). Но в поливной керамике мы видим большую градацию образов, частью очень тонко очерченных в лаконичной и выразительной графической манере (в них сквозит дух того протеста против иссушающего ригоризма богословов, который выразил и Бируни, высмеяв изображения человека одними арабскими буквами).

Стилю четвертой группы — языку знаков и тамг — отвечают в известной мере фертообразные фигуры, несущие зашифрованный образ человека, а также простейшие архаизированные начертания.

В растительной орнаментике прослеживается то же различие в стилях и их взаимные переходы. Мир растений несет в себе идею животворящей природы. Но в каждом стиле эта идея находит свое выражение. Стиль арабесок дает градацию растительно-цветочных форм — от условно-реалистических, декоративных до полностью абстрагированных, подчиненных только геометрическим построениям и ритмической организации плоских, криволинейных форм. Изобразительный фольклор часто использует язык мифологических образов, космогонические символы и трактует растительно-цветочные мотивы в аспекте сказания, где цветок означает светило, а звезда — образ растительного царства.

В стиле тамг и знаков растительные формы обеднены и чаще напоминают эмблемы пастушеского уклада жизни (рога животных, следы копыт и т. д.).

Сходные явления наблюдаются и в зооморфных сюжетах. Стиль арабесок вызвал распад пластической формы, уступившей место узор-

ной форме. Вследствие этого, скажем, изображения птиц на поливной керамике обнаруживают катастрофически быстрое исчезновение сходства с натурой. Крыло, загнутое сперва кверху, отрывается и повисает как бы над головой, туловище походит на буквенный знак, начертанный каллиграфом. Хищник деформируется в игрушку, как бы небрежно вырезанную из картона; все объемное, живое становится плоским, отвлеченно-орнаментальным. Скульптурные изображения полностью не исчезают, но «конь», покрытый зеленой поливой,—только игрушка, его «сбруя» дает лишь повод к нанесению отвлеченного узорного рельефа.

В художественных ремеслах XI — начала XIII в. все названные здесь стили сосуществовали, как сосуществовали тогда разные социальные уклады в жизни развивавшегося феодального общества. Эти стили проникали друг в друга и удельный вес каждого из них был непостоянным. Названные здесь основные группы мотивов и форм, или стили, соответствуют принципу единообразия приемов на общей, присущей им идейной основе. Такое понимание стиля отвечает принятому употреблению, скажем, термина «барокко». Он означает не все искусство XVII в., а только один из главных стилей той эпохи. Точно так же стиль гирихов и ислими был главенствующим стилем орнаментального искусства XI—XIII вв., хотя оно заключало в себе и другие, подчиненные стили.

Однако, как мы уже отмечали, имеются и иные, побочные значения термина «стиль». К ним прибегают в силу того, что взятый в своем основном понимании этот термин не покрывает всего содержания искусства.

Стили «архитектурный», «керамический», «текстильный» и т. д. — различаются не столько по запасу форм и мотивов изображения, часто сходных, сколько по приемам воплощения рисунка в материале. Именно здесь сказывается тот непреложный факт, что орнамент сам по себе, вне материала и мастерства исполнения, — ничто. И стиль орнамента проявляется полностью лишь тогда, когда замысел художника находит предметное воплощение. Стиль арабесок предполагает всю сумму составляющих его приемов. Следовательно, к нему и должно относиться дополнительное определение «архитектурный», «керамический», «текстильный» и т. п. Однако, поскольку в практике средневековых мастеров постоянно наличествует перенос узоров из одного материала в другой, выражение «текстильный стиль» теряет свой смысл и его место по праву занимает выражение «текстильный узор».

Стили пластический, живописный, графический и т. д. — составляют категории формы. Они имеют важное значение, ибо заключают в себе сумму технических и художественных признаков, воплощенных уже в материале. Но сущность стиля, как единообразия приемов, имеющих определенную общность, они не выражают сполна. Составляя признак школы или направления, они часто сосуществуют во времени. Например, в резном штурке мавзолеев Сафит-Буленда и Узгена представлено два «стиля» — пластический и графический, хотя по существу это произведения одного стиля и в них выражен единый процесс развития художественной формы.

Стили местные и стили заимствованные. Понятие «местные» стили условно, ибо оно означает некий итог исторического развития художественных форм на местной почве. А историческое развитие всегда заключает в себе взаимодействие, связь с другими культурами. Поэтому понятие «местный» стиль не может быть сведено к самобытности в смысле изначального происхождения. Местное в искусстве пред-

полагает обычно не узкие рамки района или области (чаще — культурного оазиса), а группы районов, связанных экономической и историко-культурной общностью (не всегда государственной, что достаточно очевидно на примере Хорасана и Мавераннахра, где раздел территории между тюркскими династиями не имел ничего общего с размещением художественных школ и общей картиной развития стилей).

Понятие «заимствованный стиль» также условно, ибо близость форм часто возникает не путем прямого переноса их, а из сходных условий работы. Искусство пришлых мастеров, взявших за основу своего творчества местный стиль, даже если они и вносят в него свой оттенок мысли и вкуса, также не может почитаться чужеродным. Так, кашинная мозаика — иранского происхождения, но в процессе развития стиля гирихов и ислими на местной почве она стала частью местного архитектурного декора. У мозаики нашлись местные прототипы. Иранские образцы только ускорили весь процесс, как бы выравнивая на местах общую линию развития стиля.

Индивидуальные стили проявляются в творчестве тех мастеров, у которых наиболее полно выражена творческая личность (скажем, стиль Бехзада, XV в.). Но в декоративном искусстве выражается больше коллективный опыт мастеров. Да и само народное искусство есть творчество коллективное. Стиль известных каллиграфов заключал в себе некоторую персонификацию искусства (почерк художника). Можно говорить отчасти и о стиле такого крупного мастера, как, скажем, керамист Иноятон из Мерва; однако индивидуальность художника проявляется именно в созданных им художественных образах. А в орнаментальном искусстве, особенно отвлеченном, индивидуальные черты стиля выражены слабее всего.

Стиль эпохи — понятие весьма широкое, ибо им обозначают все искусство данного времени, без учета сосуществования ряда стилей. Это понятие означает общую тенденцию в развитии стилей данной эпохи.

Подведем некоторые итоги. Стили среднеазиатской орнаментики XI—начала XIII в. отражают сосуществование определенных укладов жизни разных слоев развивающегося в ту пору феодального общества. Они не были связаны с временным, преходящим существовавшим на территории Средней Азии отдельных государств (Газневидов, Караханидов, Сельджуков). Этнические, религиозные особенности в составе населения отступали на второй план, и в декоративном искусстве XI—XIII вв. они почти не различимы. «Национальных» стилей в ту пору еще не было. Отдельные народности имели в искусстве свои черты, но в городском ремесле эти особенности были растворены, а в домашнем ремесле — выражены сильнее.

Характерно, что некоторые старые, архаические формы, бытовавшие тогда в единой ираноязычной и тюркоязычной культурной среде (например, в северных областях Хорезма), проявляются и сейчас в творчестве горных таджиков, каракалпаков, туркмен. Это очень важно, ибо говорит об относительной общности истоков их культуры и длительности процесса ее формирования и самоопределения. Уходящий своими корнями в далекие времена этот процесс имел своим продолжением многовековую историю культуры всего последующего периода, охватывающего пять-шесть столетий.

Для изучения современного искусства народов Средней Азии и развития их национальных культур все эти исторические перипетии в развитии стилей имеют важное значение, поскольку они составляют часть общего вопроса об этногенезе ряда народов, окончательно сложившихся в нации только в эпоху социализма.

В искусстве XI — XIII вв. не было деления на узбекский, таджикский или туркменский стили, но явно различались единые для всех видов декоративного искусства стили, присущие художественным школам Средней Азии. Именно это обстоятельство делает среднеазиатское искусство XI — XIII вв. общим культурным наследием всех народов Советской Средней Азии.

Л. И. Ремпель

УРТА ОСИЁ САНЪАТИ УСЛУБИНИ УРГАНИШГА ДОИР

Урта Осие санъатидаги услуб проблемасига бағишланган мазкур мақолада автор XI—XIII асрлардаги Урта Осие санъатининг хилма-хил услуби ҳамда ўзи томонидан аниқланган орнаментли мотив ва формалар туркумига қисқача характеристика беради.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О РАЗВИТИИ СЕТИ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ УзССР

Развитие народного хозяйства СССР происходит в строгом соответствии с требованиями основного экономического закона социализма, определяющего все главные стороны и основные процессы социалистического способа производства. Из требований основного экономического закона социализма вытекает необходимость систематического, всестороннего развития и совершенствования всех отраслей материального производства — промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

В исторических материалах XXII съезда КПСС указана главная экономическая задача партии и советского народа — создать в течение двух десятилетий материально-техническую базу коммунизма. С решением этой задачи органически связаны и проблемы дальнейшего развития всех видов транспорта в нашей стране. Будучи составной частью производительных сил общества, необходимым общим условием производства материальных благ, транспорт оказывает большое влияние на развитие и размещение производства и уровень производительности общественного труда. Современное крупное производство требует регулярного подвоза огромных масс сырья, топлива, материалов и вывоза готовой продукции в районы потребления. Для этого необходима высоко развитая транспортная сеть и четкая работа всех видов транспорта, связывающих воедино все отрасли народного хозяйства и экономические районы страны.

Соблюдение экономически обоснованных пропорций между уровнем развития промышленного и сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и степенью развития сети путей сообщения, — с другой, является необходимым условием дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства СССР, в том числе и Узбекской ССР.

За годы Советской власти Узбекистан из бывшей отсталой аграрно-колониальной окраины царской России превратился в передовую индустриально-колхозную социалистическую республику, занимающую видное место в общесоюзном разделении труда. На долю УзССР приходится свыше 2/3 общесоюзного производства хлопка,

а также значительный объем производства таких важных видов сельскохозяйственной продукции, как шелк-сырец, каракуль и т. д.

Высокого уровня развития достигла и промышленность республики, представленная более чем 70 отраслями, охватывающими свыше 1300 крупных промышленных предприятий. Ныне Узбекистан занимает 5-е место в Союзе по выпуску валовой продукции промышленности и 4-е место — по выпуску продукции машиностроительной индустрии.

Вместе с другими отраслями народного хозяйства развивается и транспорт — железнодорожный, автомобильный, водный, воздушный, трубопроводный. Уже в 1960 г. общий грузооборот железнодорожного, автомобильного, речного и трубопроводного транспорта УзССР достиг 27 млрд. ткм.

Однако по показателям (обслуживаемости) железными и автомобильными дорогами и речными путями сообщения территория УзССР значительно отстает от других союзных республик (табл. 1).

Так, густота путей сообщения по Узбекской ССР на 1000 км² территории составляет 76 км, и УзССР занимает по этому показателю 12-е место в Союзе. Из общей протяженности путей сообщения в Узбекистане наибольший удельный вес приходится на долю автодорог — 88,7%; железнодорожные пути составляют 7,4%, речные — 2,1% общей протяженности транспортных путей УзССР, что несколько отличается от средних показателей по СССР.

Протяженность транспортных путей республики с 1950 по 1960 г. сократилась на 12%, тогда как грузооборот железнодорожного транспорта увеличился в 2 раза, автомобильного — в 7 раз¹, речного — в 2 с лишним раза. Сокращение протяженности путей сообщения произошло в основном за счет рационального размещения новых дорог с твердым покрытием, в связи с чем ряд грунтовых естественных и проселочных дорог потеряли значение автомобильных дорог.

¹ Без учета работы грузовых автомобилей колхозов.

Таблица 1*

**Обслуживаемость железными, автомобильными дорогами и речными путями сообщения территории СССР
по отдельным республикам**

Республики	Территория, тыс. км ²	Численность населения на 1. I 1961 г., тыс. чел.	Эксплуата- ционная длина же- лезных до- рог, тыс. км	Протяжен- ность судо- ходных пу- тей, тыс. км	Протяжен- ность авто- дорог, тыс. км	В том числе с твердым покрытием, тыс. км	Густота сети путей сообщения на 1 тыс. км ² территории, км			
							желез- ных до- рог	автодо- рог	судоход- ных пу- тей	всего
СССР	22 272,2	215 460	125,82	137,9	1365,6	270,8	6,6	60,9	6,1	73,6
РСФСР	17 075,4	120 554	71,70	117,5	758,8	123,8	4,2	44,3	5,1	53,6
Украинская ССР	601,0	43 091	21,09	4,8	236,2	47,4	35,0	393,0	7,9	435,9
Белорусская ССР	207,6	8 226	5,38	3,8	66,1	14,6	26,0	315,8	13,3	355,1
Узбекская ССР	408,9	8 664	2,33	1,2	27,7	9,5	5,68	67,5	2,9	76,08
Казахская ССР	2 756,0	10 387	11,47	5,8	108,3	11,2	4,1	39,3	2,1	45,5
Грузинская ССР	69,7	4 200	1,33	—	18,1	13,2	19,0	258,5	—	277,5
Азербайджанская ССР	86,6	3 973	1,65	0,6	16,8	7,9	19,0	193,1	6,9	219,0
Литовская ССР	65,2	2 284	2,09	0,6	35,8	10,5	32,1	550,1	9,2	592,0
Молдавская ССР	33,7	3 070	0,99	0,7	13,2	3,5	29,0	350,1	20,8	399,9
Латвийская ССР	63,7	2 142	3,12	0,5	25,2	5,1	49,0	395,5	7,9	452,4
Киргизская ССР	198,5	2 225	0,37	0,6	14,1	4,9	2,4	71,0	3,5	76,9
Таджикская ССР	143,0	2 104	0,26	0,3	14,1	2,9	1,1	98,5	2,1	101,7
Армянская ССР	29,8	1 693	0,52	—	6,2	4,0	17,4	206,6	—	224,0
Туркменская ССР	488,0	1 626	2,10	0,9	7,1	1,5	4,3	8,3	1,8	14,4
Эстонская ССР	45,1	1 221	1,42	0,6	17,6	10,8	31,5	391,1	13,3	435,9

* Составлено по данным статистического ежегодника „Народное хозяйство СССР в 1960 г.“, М., Госстатиздат, 1961.

Начальные сообщения

Приведенные данные показывают, что значительный прирост объема транспортной продукции привел к резкому улучшению использования существующих путей сообщения. В 1960 г. на каждый километр автомобильных дорог УзССР приходилось 7,3 тыс. т груза, а, например, дороги Латвийской ССР имели нагрузку 2,2 тыс. т, Белорусской ССР — 3,2 тыс. т и в целом по Союзу — 6,2 тыс. т. Таким образом, по грузонапряженности на 1 км автодорог УзССР занимает 2-е место в Союзе, уступая Армянской ССР.

Между тем, недостаточное развитие сети путей сообщения затрудняет перевозку грузов и пассажиров, удлиняет сроки их доставки, приводит к излишним транспортным расходам.

Более высокая обеспеченность экономических районов путями сообщения способствует более полному удовлетворению их нужд в транспорте, ускорению доставки грузов и пассажиров и снижению транспортных затрат на перевозку, хотя и требует больших первоначальных единовременных затрат на транспортное строительство.

Если же экономический район имеет избыточные пути сообщения, то происходит размельчение грузопотоков, увеличиваются расходы на содержание транспортной сети и т. п. Отсюда видно, что между уровнем развития экономики и степенью развития сети путей сообщения существует определенная зависимость.

Чтобы установить рациональную густоту сети дорог того или иного района, необходимо определить грузообразование данного района на основе показателей ввоза и вывоза грузов из него.

Как правило, грузы от грузообразующего пункта до пункта потребления проходят по целой системе путей сообщения. Наиболее характерными являются грузы сельскохозяйственного производства, которые в настоящее время требуют высоких транспортных издержек по сравнению с грузами других отраслей народного хозяйства.

Основные причины высокой себестоимости перевозки сельскохозяйственной продукции (в зависимости от дорожных условий), на наш взгляд, заключаются в следующем:

1. Продукция сельского хозяйства, в отличие от промышленной продукции, не сконцентрирована в одном пункте.

2. Перевозка сельскохозяйственной продукции осуществляется по дорогам низкого технического состояния и, частично, по бездорожью.

3. Дорожная сеть в сельскохозяйственных районах еще недостаточно развита, а строительство и размещение низовой дорожной сети пока не отвечает условиям наилучшего обслуживания всей экономики сельскохозяйственного района.

Чтобы добиться минимальных транспортных расходов на перевозку грузов, необходимо определить рациональную густоту сети автомобильных дорог для сельско-

хозяйственных районов. Грузы сельскохозяйственного производства, образующиеся в поле, вначале, как правило, перемещаются по бездорожью, затем попадают на полевые дороги, по которым они поступают на районные, а потом и областные дороги, откуда они выходят на автодороги высших категорий, т. е. к автомагистралям, и железнодорожным линиям.

Аналогичный путь, но в противоположном направлении, проходят грузы, зарождающиеся в промышленности и поглощаемые в сельскохозяйственных районах, например, минеральные удобрения, сельскохозяйственная техника, строительные материалы, топливо, продовольственные и промышленные товары и др.

Таким образом, грузовая масса образуется из двух категорий основных грузов. К первой категории можно отнести грузы сельского хозяйства (хлопок-сырец и другая сельхозпродукция), т. е. вывоз. Ко второй категории можно отнести грузы, которые связаны с сельскохозяйственным производством (минеральные удобрения, сельхозмашины, топливо, продовольственные и промышленные товары и т. д.), т. е. ввоз.

В данной работе приняты следующие зоны сельскохозяйственной специализации, рекомендованные Институтом экономики АН УзССР:

I. Зона орошаемого земледелия.

Подзоны:

- а) хлопководческая;
- б) предгорно-хлопко-зерновая;
- в) рисово-животноводческая;
- г) пригородная.

II. Горно-зерново-животноводческая.

III. Пустынно-пастбищная.

Определение грузовой массы по зонам сельскохозяйственной специализации имеет весьма важное значение. Исходя из объема грузовой массы, мы можем определять на единицу площади (например, 100 км²) рациональную густоту сети автомобильных дорог.

Профилирующая отрасль сельского хозяйства — хлопководство. Определим грузовую массу для хлопководческой подзоны.

Для простоты расчета будем вести его на 1 га территории хлопкового района. Потребное количество удобрений определено по фактическим затратам, которые составили в 1961 г. в хлопководческих зонах 1,2 т минеральных удобрений и 5 т² местных удобрений на 1 га посевов хлопчатника. Потребный комплекс сельхозмашины и запчастей определен на основе данных о потребности машин и орудий для обработки 100 га посевов хлопчатника согласно технологической карте комплексной механизации производственных процессов.

² Нормативы взяты из «Примерной технологической карты тракторно-полеводческой бригады комплексной механизации». Ташкент, 1961, стр. 37.

При определенном потребном количестве сельхозмашин использованы фактические материалы передовых комплексных бригад. На 1000 га посевной площади хлопчатника требуется 35 тракторов и 206 различных сельхозмашин и орудий, общая стоимость которых составляет (по прейскурантным ценам 1956 г.) 260, 73 тыс. руб.

Исходя из изложенного, можно подсчитать, что на 1 га посевов хлопчатника требуется в среднем 0,5 т сельхозтехники. Расчет веса сельскохозяйственных машин, оборудования и запчастей производится с учетом среднегодового процента их амортизации. Аналогичным путем произведен расчет потребности в сельскохозяйственной технике для других подзона.

Потребность в завозе строительных материалов определена на основе анализа прибытия стройматериалов по областям за ряд лет. Из общего количества строительных материалов, поступающих в области республики, на долю сельскохозяйственных районов приходится примерно 30—35%. В результате подсчетов определено примерное потребное количество стройматериалов по зонам сельскохозяйственной специализации.

Потребность товаров народного потребления определена в среднем по каждой зоне, исходя из численности населения на 1 июля 1960 г. При подсчете объема товаров народного потребления принята норма 200 кг на душу населения³. Для удобства подсчета весь ввоз товаров народного потребления, как и других грузов, отнесен на единицу площади хлопководческой подзоны.

Расход топлива определен по зонам специализации и по видам культур. Например, для обработки 1 га посевов хлопчатника (вспашка, боронование, посев, культивация и др.) и перевозки выращенного урожая, по нашим расчетам, требуется 80 кг топлива, а для остальных культур — примерно 45—50 кг топлива. Потребное количество твердого топлива определено на основе существующих нормативов с учетом фактических расходов. Исходя из среднепосевных площадей колхозов и совхозов, расход твердого топлива на 1 га посевов в орошаемом земледелии республики определяется в 40 кг. Количество прочих грузов, ввозимых по областям, подсчитано исходя из того, что они составляют примерно 10—12% от общего объема ввоза.

Таким образом нами определена грузовая масса по всем зонам сельскохозяйственной специализации. Зная грузовую массу, можно определить рациональную величину гус-

тоты сети автомобильных дорог на единицу площади по формуле⁴

$$\Gamma_{\text{рац.}} = 129 \sqrt{\frac{C_{\text{пол.}} \cdot q}{C_{\text{м}}}}$$

где: $C_{\text{пол.}}$ — себестоимость перевозок по полевым неустроенным дорогам,
 q — грузовая масса,
 $C_{\text{м}}$ — стоимость сооружения 1 км устроенных дорог.

Себестоимость перевозок по полевым дорогам можно принять в среднем, в условиях нашей республики, равной 0,1 руб./т.км. Стоимость сооружения 1 км устроенных дорог принимаем 6 тыс. руб. (по данным „Узгипроавтодора“). Средняя грузовая масса равна 168 т/км².

Подставляя эти данные в формулу, определим рациональную густоту сети устроенных дорог: $\Gamma_{\text{устр.}} = 7,38/100$ км², при которой затраты на транспортные работы будут минимальными.

Таким образом, на каждые 100 км² территории должно приходиться 7,38 км автодорог. По этому же методу определена протяженность автодорог в хлопковых районах и сопоставлена с существующей сетью.

На 100 км² территории республики ныне приходится 6,7 км автодорог, при колебаниях по отдельным областям в пределах от 46,9 км (Хорезмская область) до 2,06 км (КК АССР, Бухарская область). Наши расчеты показывают, что в настоящее время в целом по республике не хватает 2684 км автомобильных дорог.

Из общего количества наличных дорог лишь 15,9% имеют твердое покрытие, а 84,1% составляют грунтовые естественные дороги.

Таким образом, сеть дорог местного значения в целом продолжает оставаться неудовлетворительной.

Наше народное хозяйство ежегодно несет колоссальные потери из-за низкого технического состояния дорог, от типа и состояния которых во многом зависят важнейшие показатели, влияющие на себестоимость перевозок, скорость движения, расход топлива, износ шин, амортизацию транспортных средств, грузоподъемность и т. д.

Для наглядности приведем данные табл. 2, в которой представлены коэффициенты, характеризующие изменение основных эксплуатационных показателей автотранспорта для различных типов дорог по сравнению с усовершенствованными дорогами.

Группируя имеющиеся дороги исследуемого района, можно установить коэффициент, учитывающий дорожные условия. Недостаточная протяженность и низ-

³ А. В. Осоргин, Н. В. Лаврова, Н. Ф. Пшеница, М. М. Выскубова, Вопросы комплексного развития транспорта в районах освоения целинных и залежных земель Северного Казахстана, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1957, стр. 30.

⁴ В. И. Панферов, Местная сеть путей сообщения и условия ее формирования, М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 99.

Таблица 2*

Эксплуатационные показатели автотранспорта
на различных типах дорог

Типы дорог	Производительность	Себестоимость	Скорость движения	Пробег автомобиля до капремонта	Расходы топлива	Пробег шин
Усовершенствованные	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Переходные	0,85	1,20	0,75	0,85	1,10	0,80
Низшие	0,70	1,50	0,55	0,70	1,20	0,60
Естественные грунтовые	0,60	1,80	0,45	0,50	1,40	0,50

* А. К. Бируля, Н. Я. Горищенко, Д. В. Ермолович, Эксплуатационные качества автомобильных дорог, М., Автотрансиздат, 1961, стр. 116.

кая обеспеченность твердым покрытием низовой сети колхозных и межколхозных дорог приводят к замедленному обороту автомобилей, быстрому износу их, уменьшению межремонтного пробега, перерасходу горючего, порче сельскохозяйственных грузов и т. д., в результате чего наше народное хозяйство терпит огромные убытки.

Таким образом, интересы развития промышленности и сельского хозяйства требуют ускоренной реконструкции автодорожной сети и строительства новых дорог, особенно в сельских районах, что позволит значительно сократить транспортные издержки и повысить производительность труда в народном хозяйстве страны.

С. Хуснутдинов

„ТАВАРӢХ-И ГӢЗИДӢ, НУСРАТ-НАМӢ“, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА XV—НАЧАЛА XVI ВЕКА

Как известно, конец XV—начало XVI в. характеризуются, с одной стороны, распадом огромной империи Тимура на мелкие феодальные владения, ведущие между собой непрерывные междоусобные войны, а с другой, — завоеванием Мавераннахра кочевыми узбеками во главе с Шейбани-ханом.

Этому периоду посвящен ряд исторических сочинений: «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха, «Футухат-и ханни Мулла Шади, «Михман-намэ-и Бухара» Рузбехана, «Шейбани-намэ» Камал-ад-дина Бенан, «Бабур-намэ» Мухаммеда Захир-ад-дина Бабура и др. Эти ценные источники до некоторой степени уже изучены в историко-востоковедческой литературе.

Среди дошедших до нас письменных памятников рассматриваемой эпохи большой интерес представляет и «Таварих-и гӯзидэ, нусрат-намэ» («Избранное сочинение, книга побед»). Это сочинение анонимного автора содержит много ценных сведений политического, экономического и этнографического характера. Однако оно еще недостаточно изучено нашими историками-востоковедами. Правда, этот труд был известен В. В. Бартольд, упомянутому о нем в своем отчете о командировке в Туркестан в 1902 г. Однако В. В. Бартольд приводит данный труд в ряду дру-

гих источников только в связи с интересующим его вопросом об Аму-Дарье¹. Об этом же труде среди других источников вскользь упоминает и акад. Залеман². В последние годы «Нусрат-намэ» привлекает внимание отдельных наших ученых³, но лишь с точки зрения интересующих их вопросов. Специальным же исследованием этого источника никто не занимался.

¹ В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан в 1902 г., ЗВОРАО, т. XV, СПб., 1903, стр. 183—184, 186.

² С. Saleman p., Das asiatische Museum im Jahre 1890, Melanges Asiatiques, X, livraison 2, St.-Pét., 1894, S. 288.

³ Р. Г. Мукминова, Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., ИВ АН СССР, 1949; С. А. Азизджанова, К истории Ферганы во второй половине XV в., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957; Б. А. Ахмедов, Государство кочевых узбеков при Абу-л-Хайр-хане, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., ИВ АН СССР, 1960.

Надо сказать, что в настоящее время известно лишь два списка этого труда. Один из них хранится в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР⁴. Этот список поступил в 1859 г. из коллекции, собранной Лерхом в Хиве и Бухаре в 1858 г.⁵ Другой список хранится в Британском музее (инв. № От 3222); если не считать сообщения Рье⁶, мы о нем до сих пор ничего не знали. Мы считаем своим долгом выразить большую благодарность проф. В. Ф. Минорскому, который в ответ на нашу просьбу любезно содействовал микрофильмированию Лондонского списка и прислал нам этот микрофильм.

Тщательное изучение данного труда позволит извлечь из него массу фактических материалов по истории Узбекистана и Казахстана, которых нельзя найти в других известных нам источниках. Здесь мы попытаемся высказать лишь некоторые соображения об этом источнике.

Прежде всего следует отметить, что пока еще никому из исследователей не удалось установить автора сочинения. Р. Г. Мукминова в своей диссертационной работе⁷ высказала некоторые соображения по данному вопросу. По ее мнению, «Таварих-и гузидэ, нусрат-намэ» представляет собой какой-нибудь список сочинений Шейбани-хана или же хан лично участвовал при написании данного труда. Далее она полагает, что место в рукописи, предназначенное для вписания имени автора, было умышленно оставлено чистым и это тоже говорит в пользу авторства Шейбани-хана.

Тщательно изучив данное сочинение и другие источники рассматриваемой эпохи, мы пришли к выводу, что автором «Таварих-и гузидэ, нусрат-намэ» является один из приближенных Шейбани-хана, скорее всего Мухаммед Салих.

Прежде всего отметим, что это сочинение было написано по приказу хана после того, как он завоевал Бухару и Самарканд⁸. Хан не мог отдать приказ самому себе, следовательно, это распоряжение было дано кому-либо из ханского окружения. Но мы не оспариваем той точки зрения, что Шейбани-хан лично участвовал в написании данного труда. Это видно уже из того, что в третьей части

сочинения рассказ ведется от имени хана, и эти строки подчеркнуты переписчиком жирной чертой⁹. Видимо, переписчик хотел показать, что это место было написано рукой самого хана. Кстати сказать, такую картину можно наблюдать и в сочинении Бенаи «Шейбани-намэ»¹⁰, причем значительная часть этого сочинения переписана рукой хана, о чем свидетельствуют отметки на полях рукописи¹¹.

В «Нусрат-намэ» мы находим строки, выражающие мысли автора по поводу поступления его на службу к Шейбани-хану, где говорится, что он «благодаря Всевышнему», при помощи «Его посланника на земле», стал близким рабом хана. Далее отмечается, что в противном случае с ним случилась бы беда¹². Такие же мысли имеются и в «Шейбани-намэ» М. Салиха¹³. Эти данные говорят о том, что Мухаммед Салих после завоевания Шейбани-ханом Бухары и Самарканда (1500) перешел на службу к нему, а вскоре, как известно, стал одним из самых близких к хану людей и занимал высокие должности.

В «Нусрат-намэ» имеются и такие стихи, которые мы встречаем в «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха:

«Юзунтия кўрдум ул чартоқ ичинда,
Очилмиш тоза гул ёпроқ ичинда.

Табассум қилсанг ул гунча лабингдин
Дегойсин бол томор қаймоқ ичинда»¹⁴.

В самом начале Лондонского списка «Нусрат-намэ» отмечено, что его отредактировал писец (мунши) Камал-ад-дин; ниже написано: «Мухаммед Салих по приказу его Величества Шейбани-хана»¹⁵. Само по себе это еще не дает основания считать, что труд составлен Мухаммедом Салихом, ибо пометка сделана почерком шикасте, причем другим пером. Однако изложенные выше факты, особенно одинаковые по содержанию стихи, имеющиеся в обоих трудах, позволяют полагать, что именно Мухаммед Салих был автором «Нусрат-намэ».

В обоих сочинениях мы встречаем религиозные проповеди, с которыми Шейбани-хан часто обращался к окружающим¹⁶.

⁹ «Нусрат-намэ» А, л. 113а. В Лондонском списке не хватает этого листа.

¹⁰ Камал ад-дин Бенаи, *Шейбани-намэ* ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 844 (в дальнейшем Бенаи).

¹¹ Бенаи, л. 10а—18б, 32а—34а, 28б—42б. На полях рукописи читаем: «... а также с этой первой строки почерк многоуважаемого Халифат-л Рахмана».

¹² «Нусрат-намэ» А, л. 93б—94а; Б, л. 120а.

¹³ Мухаммад Солх, Шайбанинома, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 46. (далее — М. Салих).

¹⁴ «Нусрат-намэ» А, л. 68а; Б, л. 134б; М. Салих, стр. 176.

¹⁵ «Нусрат-намэ» Б, л. 1а.

¹⁶ Там же, А, л. 93а; Б, л. 138а; М. Салих, стр. 216.

تواریخ گزیده نصرت نامه رкп.

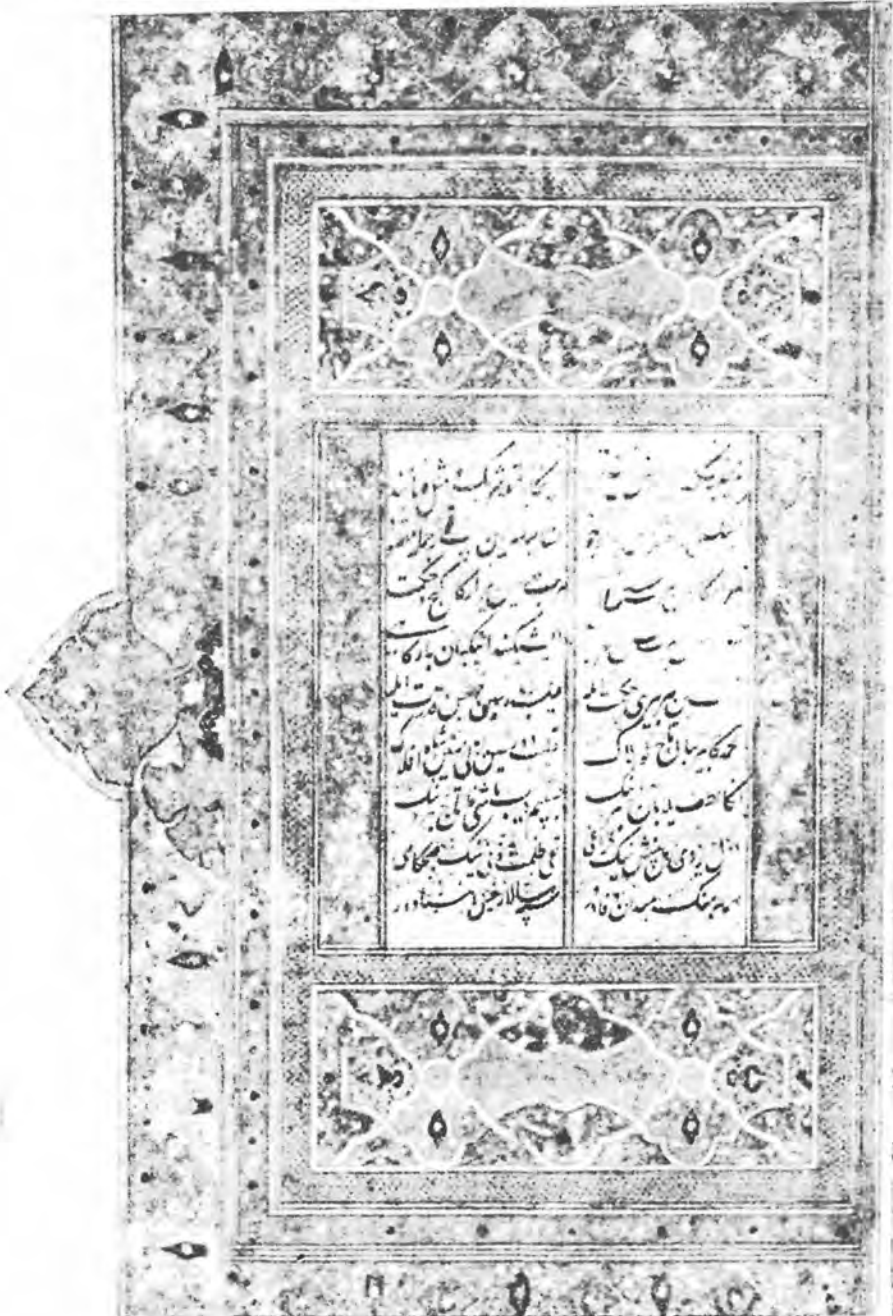
ДОИНА АН СССР, В-745 (далее «Нусрат-намэ» А).

⁴ Р. Г. Мукминова, О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в., «Труды Института востоковедения АН УзССР», вып. III, Ташкент, 1954, стр. 125.

⁵ См. Rieu, Catalogue of the turkish manuscripts in the British museum, London, 1888, p. 276—280. (далее Нусрат-намэ Б).

⁷ Р. Г. Мукминова, Борьба за Мавераннахр..., стр. 11.

⁸ «Нусрат-намэ» А, л. 4б; Б, л. 4а.

«Таварих-и гузидэ, нусрат-намэ». Лондонский список, л. 2а.

Кроме того, «Нусрат-намэ» составлено по такому же плану, что и «Шейбани-намэ» Бенаи и Мухаммеда Салиха.

Однако, в отличие от «Шейбани-намэ» Бенаи, «Фатх-намэ»¹⁷ Шади и «Нусрат-намэ», «Шейбани-намэ» М. Салиха начинается с момента прибытия автора в лагерь Шейбани-хана во время осады Самарканда (1500). Первые же три сочинения начинаются с описания детских лет Шейбани.

По поводу совпадения планов «Нусрат-намэ» и «Фатх-намэ» В. В. Бартольд писал: «Поэма не только написана по тому же плану, как «Нусрат-намэ», но также переложены в стихи длинные нравоучения, приписанные самому Шейбани-хану...»¹⁸. Кроме того, имеется большое сходство в планах написания «Шейбани-намэ» Бенаи и «Нусрат-намэ», хотя у Бенаи опущено много ценных сведений, которые дает автор «Нусрат-намэ». Во всяком случае, материалом для этих сочинений послужила хроника самого хана. «...От хана поэт¹⁹, по своей просьбе, получил для своего руководства «Хронику побед», очевидно прозаическую хроннку подвигов Шейбани-хана, которую ему предстояло переложить в стихи»²⁰, — писал В. В. Бартольд. Об этой «Хронике побед» упоминает и автор «Нусрат-намэ»²¹.

Таким образом, становится ясным, что для всех этих сочинений официальным документом послужила «Хроника побед» Шейбани-хана. Однако, в отличие от других источников того времени, «Нусрат-намэ» является большим трудом, охватывающим историю не только Шейбани-хана, но и Чингиз-хана, Тимура и их потомков. Кроме того, мы находим здесь много материалов этнографического характера. Особенно ценными для нас являются данные о положении народных масс после завоевания Мавераннахра узбеками.

Как уже отмечалось выше, «Таварих-и гүзиде», нусрат-намэ» известно нам лишь в двух списках, причем оба они сравнительно хорошо сохранились. Ленинградский список относится к XVII в., о чем свидетельствует печать в самом начале книги с именем Великого Могола Шах-Джахана (1627—1658). Список же Британского музея (богато иллюстрированный миниатюрами, изображающими хаанский

совет, царскую охоту, военные столкновения и т. д.) был переписан в 970 г. х. (1562/63)²², т. е. в годы правления Шейбанида Абдулла-хана II (1557—1598). Как известно, в то время усиливается торговля между Средней Азией и соседними странами, особенно Московским государством и Индией. В 1558 г. в Бухаре находился в качестве посла Ивана IV англичанин Антони Дженкинсон. Возможно, что Лондонская рукопись «Нусрат-намэ» попала через послов и купцов вначале в Индию, а затем в Англию.

Оба списка «Нусрат-намэ» переписаны четким среднеазиатским настильником на самаркандской бумаге. Они имеют очень хорошее оформление. Каждая страница окаймлена позолоченными рамками. Заглавия, собственные имена, названия племен (особенно в Лондонском списке) выделены особыми чернилами, с позолотой. Очевидно, этот список был выполнен для ханской библиотеки. К составлению своего труда автор приступил в джумаде 908 г. х. (ноябрь 1502 г.)²³. Самая поздняя дата в обоих списках — зуль-каъда 909 г. х. (апрель-май 1504 г.)²⁴.

Сочинение насыщено хронологическими датами, указываются даже дни, недели и порою часы происходивших событий. Отсюда видно, что автор «Нусрат-намэ» был приближенным Шейбани-хана и принимал личное участие в описываемых событиях.

Ленинградский список «Нусрат-намэ» состоит из 149 листов, а Лондонский — из 148, причем формат его в 1,5 раза больше Ленинградского. Оба списка имеют большой недостаток — они переписаны неполностью. Это особенно видно из Лондонского списка, где повествование обрывается на походе Шейбани на Карши и Гиссар²⁵. На следующей странице коротко говорится о женах Чингиз-хана²⁶ и указан год окончания труда. Это — повторное изложение выше текста²⁷. В Ленинградском списке также имеются некоторые повторения²⁸. Отсюда можно сделать вывод, что находящиеся в нашем распоряжении списки переписаны из двух неправильно переплетенных или неправильно объединенных сочинений. Поскольку книга почему-то не была переписана полностью, надо полагать, что она не заканчивалась событиями 909 г. х. (1503/4). Сопоставляя это сочинение с «Шейбани-намэ» М. Салиха и Бенаи, мы можем заключить, что

¹⁷ Мулла Шади, فتح نامه, ркп.

ИВ АН УзССР, инв. № 5369. Другой экземпляр этого сочинения находится в Восточной библиотеке ЛГУ им. А. А. Жданова, шифр 962.

¹⁸ В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан в 1902 г., стр. 184.

¹⁹ Здесь В. В. Бартольд имеет в виду Мулла Шади.

²⁰ В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан в 1902 г., стр. 183.

²¹ «Нусрат-намэ» А, л. 94а; Б, л. 120б.

²² «Нусрат-намэ» Б, л. 147а, 148а.

²³ «Нусрат-намэ» А, л. 4б; Б, л. 5а.

²⁴ Там же А, 78б; Б, л. 143а.

²⁵ «Нусрат-намэ» Б, л. 148б. Здесь написано лишь заглавие: «Поход Шахбахт-хана на Карши и Гиссар и его ограбление».

²⁶ Там же, л. 149а.

²⁷ Там же, л. 40а—40б.

²⁸ «Нусрат-намэ», А, л. 113б—120а и две строчки л. 120б. Если опустить эти листы, сочинение от этого нисколько не пострадает.

«Нусрат-намэ» охватывает тот же период, что и труды Мухаммеда Салиха и Бенаи.

Следует отметить, что в Лондонском списке не хватает 17 листов, т. е. большинства страниц, на которых говорится о событиях, происходивших в период царствования Шейбани-хана. В этом отношении Ленинградский список ценнее Лондонского. Однако в Ленинградском списке нарушена хронологическая последовательность в изложении событий. Например, сведения о Чингиз-хане и Тимуре разбросаны по всей книге. В начале сочинения говорится, что оно включает и время царствования Улугбека²⁹, однако в рукописи этот период пропущен, возможно, по вине переписчика.

История Шейбани-хана излагается в середине сочинения. Детские и «казаческие» годы его описаны в конце третьей части, а завоевательные походы Шейбани-хана в Мавераннахр — в начале ее. В таком же «порядке» описывается и борьба за Андижан.

Кроме того, переписчик допустил много механических ошибок в написании собственных имен, названий племен и географических наименований. Так, вместо Урус-баходур написано Уруш-баходур (л. 57), вместо тангут—янкут (л. 476) и т. д. Такие ошибки встречаются почти на каждой странице. Переписчик часто путается в диакритических знаках, дает различные написания одних и тех же имен людей и названий племен, например уйгур (л. 21а) и уйгур (л. 186), Буқо-биги (л. 316), Туқбо (л. 316) и Туқо-биги (л. 32а) и т. д.

В этом отношении Лондонский список оказывается гораздо более грамотным, чем Ленинградский. Кроме того, в нем лучше выдержана хронологическая последовательность повествования. История Чингиз-хана дана там более подробно, но во многих случаях оба списка удачно дополняют друг друга.

Сочинение «Нусрат-намэ» состоит из трех частей, каждая из которых делится на три главы (фасл). В первой части изложена история Чингиз-хана и его потомков. Здесь даны подробные сведения о племенах и народностях, обитавших на территории Хорасана, Мавераннахра и Дашт-и Кипчака. Вторая часть посвящена истории Тимура, причем она начинается с побега Тохтамыш-хана из Ак-Орды к Тимуру и доводится до похода Тимура в Хорезм. В третьей части сочинения излагается история Шейбани-хана.

Первая и вторая части сочинения носят по большей части компилятивный характер, о чем, кстати, говорит и сам автор³⁰. Однако к этим компиляциям автор добавляет и новые сведения. Примером тому служат приводимые им данные о потомках Шабан-хана, т. е. потомки Джучи доводятся до Шейбани-хана. Поэтому было бы неправильным считать эту часть простой ком-

пилящей. Вот что пишет сам автор «Нусрат-намэ» по поводу добавления новых сведений: «Что было нам известно из истории и что было слышано нами от людей, то мы написали. Если кто-нибудь еще знает новые сведения о сыновьях и дочерях, то пусть напишут»³¹.

Оригинальной и ценной для нас является третья часть сочинения, описывающая историю Шейбани-хана.

«Нусрат-намэ» содержит много ценных сведений, дающих представление о положении в Дешт-и Кипчаке после смерти Абу-л-хайр-хана (1468). Как повествует автор «Нусрат-намэ», после смерти Абу-л-хайр-хана политическая обстановка в Дешт-и Кипчаке весьма осложнилась, вспыхнули ожесточенные междоусобицы и династическая борьба. Борьбу начали Сидык Айбак — сын Ходжи Мухаммед-хана, Джанибек — сын Барак-хана, Бурка-султан — сын Гирей Араба, эмиры мангытов Муса и Ямгурчи³².

Приведенные в «Нусрат-намэ» исторические сведения во многом восполняют пробелы, имеющиеся в биографиях Шейбани-хана, Махмуд-Султана и их потомков.

Здесь же мы находим факты, свидетельствующие о непрочности армии и тыла Шейбани-хана, которому нередко приходилось подавлять мятежи своих подданных, в том числе крупных военачальников. Так, во время осады Вазира³³ против Шейбани выступила 30-тысячная армия Султан Хусейна Мирзы во главе с его сыном Бадлу аз-Заманом. В это же время некоторые султаны и беки подняли мятеж против Шейбани-хана, что вынудило его снять осаду Вазира и возвратиться в Дешт-и Кипчак³⁴.

Подобные мятежи происходили и в тылу Шейбани-хана. Например, в 891 (1486) г. х. беки и садры во главе с Сидык-Шейхом подняли мятеж в Сыгнаке и передали город казахскому хану Бурундуку³⁵. Все эти смуты и мятежи паноного ослабляли мощь Шейбани-хана, тормозили его продвижение и укрепление в Мавераннахре.

В «Нусрат-намэ» мы находим также интересные сведения о торговых сношениях между государством Тимуридов и Дешт-и Кипчаком. Дешт-и Кипчак с давних пор вел торговлю с Самаркандом, Бухарой, Афганистаном, Хорезмом и Московским государством. Караванные пути проходили через весь Дешт-и Кипчак и по Мавераннахру. Как видно из «Нусрат-намэ», при Жанибек-Султане купцы Ирана, Маверан-

³¹ Там же, А, л. 127а; Б, л. 75б. Здесь автор имеет в виду потомков Чингиз-хана и Шабан-хана.

³² «Нусрат-намэ» А, л. 95б; Б, л. 121б.

³³ Вазир был одним из политических и экономических центров Хорезма XV—XVI вв. и не уступал по своей величине Ургенчу.

³⁴ «Нусрат-намэ» А, л. 102б; Б, л. 123б.

³⁵ Там же, А, л. 106а; Б, л. 125б—126а.

²⁹ «Нусрат-намэ» А, л. 4б; Б, л. 4а.

³⁰ Там же

нахра и Туркестана вели обоюдную торговлю различными товарами³⁶.

Все эти факты свидетельствуют о том, что сочинение анонимного автора «Нусрат-намэ» является ценным источником по ис-

тории Узбекистана и Казахстана конца XV — начала XVI в. и заслуживает внимательного изучения его нашими историками и востоковедами.

А. М. Акрамов

КАРТА МИРА ИЗ КНИГИ БИРУНИ «АТ-ТАФХИМ»

Абу Райхан Бируни, как известно, написал несколько географических и астрономических трудов. В одном из них — «Ат-тафхим ли-аваил синаат ат-таджим» («Вразумление начаткам искусства звездочетства») имеется довольно подробный отдел «О границах морей в обитаемой четверти». Содержание этого отдела, в переводе с арабского на русский язык, известно советским читателям по статье акад. И. Ю. Крачковского¹.

Книга «Ат-тафхим» была написана автором на арабском и персидском языках. Арабский вариант недавно издан параллельно с английским переводом в Лондоне². Персидский вариант издан в Тегеране с обширными комментариями Дж. Хумаи³.

Однако нам известно несколько рукописей этого труда, каждая из которых, переписанная разными каллиграфами, чем-то отличается друг от друга. В частности, сличение географических глав персидских вариантов Тегеранской и Ташкентской рукописей показало, что между ними имеются различия в нагрузке географических названий, их транскрипции и в подробностях описания. Есть некоторые различия и между арабским и персидским вариантами. Однако здесь мы не будем вдаваться в их текстовый разбор, а рассмотрим лишь помещенную в отделе «О границах морей в обитаемой четверти» круглую карту мира, которая также оказалась различной во всех известных нам рукописях «Ат-тафхим».

В нашем распоряжении имеется 7 вариантов этой карты. Вкратце разберем их построение и надписи.

Карта № 1 (рис. 1, 1) — из одной арабской рукописи книги Бируни, хранящейся в Оксфордской Болдлейнской библиотеке (№ MS Marsh 540, стр. 64). В ней конфигурация суши и морей совершенно не соответствует ни тексту, ни другим копиям карт. Море Кулзум (Красное море) вообще отсутствует (есть город Кулзум); море Бонтос (Черное море) надписано, но не выделено. Некоторые надписи смещены и

не дают ясного представления о местонахождении обозначенных ими географических объектов.

В капитальном атласе Юсуф Кемалы «Памятники картографии»⁴ приведены четыре карты из разных вариантов рукописи «Ат-тафхим» (в нашей статье — рис. 1, 2 — 5).

Карта № 2 — из рукописи Берлинской государственной библиотеки № MS 5666 — относится к 1238 г. В ней дана неправдоподобная конфигурация южной половины «обитаемой четверти»; надписи запутаны. Ал-Хинд (Индия) помещен на крайнем востоке; бахри Джурджан (Каспийское море) показано на севере, рядом с Варанг (варягами); порт Кулзум оказался в глубине суши, как и море Бонтус (Черное море).

Эта же карта приводится в «Энциклопедии ислама»⁵.

Карта № 3 — из арабской рукописи Британского музея № MS Or 8349 — также имеет ряд существенных недостатков. В ней искажена конфигурация суши и морей. Индокитай и Индия составляют один полуостров; отсутствуют черноморские проливы. Не все надписи находятся там, где им положено быть. Так, Хорасан показан рядом с Китаем; Индия очень удалена от Мекрана. Многие надписи вообще нет (Черные степи Магриба, Ирак, Южная сторона, города Магриба, острова Зангшан). Зато в двух местах даны одинаковые надписи — Жазанр ал-Зандж. Одна из них, вероятно, должна была означать Жазанр ал-Забадж.

Карта № 4 — из рукописи Оксфордской Болдлейнской библиотеки № 281 — относится к 1400 г. Она слишком примитивна. Очевидно, переписчик рисовал эти круги, не имея о них никакого понятия, не разбираясь, где суша, а где море. Здесь не отличишь ни Азии, ни Африки. По этой карте выходит, что славяне и русы жили на море, тюркские племена обитали между Испанией и Скандинавией (причем Скандинавия помещена рядом с Китаем), а хазары — на юге Каспийского моря.

Карта № 5 — из рукописи Берлинской библиотеки № MS 5665 — выполнена настолько плохо, что не нуждается ни в каких комментариях.

Карта № 6 (рис. 1, 6) — из упомянутого тегеранского издания (стр. 169), — по словам Дж. Хумаи, является наилучшей из всех карт, имеющихся в тегеранских

³⁶ «Нусрат-намэ», А, л. 57а; Б, л. 119а.

¹ И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, стр. 248—250. Узбекский перевод см.: Х. Хасанов, Қадимги ўзбек географлари, Тошкент, 1961, стр. 7—12.

² The Book of Instruction in the elements of the art of Astrology, by Al-Biruni, London, 1934.

³ Китаби ат-тафхим ли-аваил синаат ат-таджим, толиф Устод Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад Беруни, под редакцией, с предисловием и примечаниями Джалала Хумаи, Тегеран, 1937—1939.

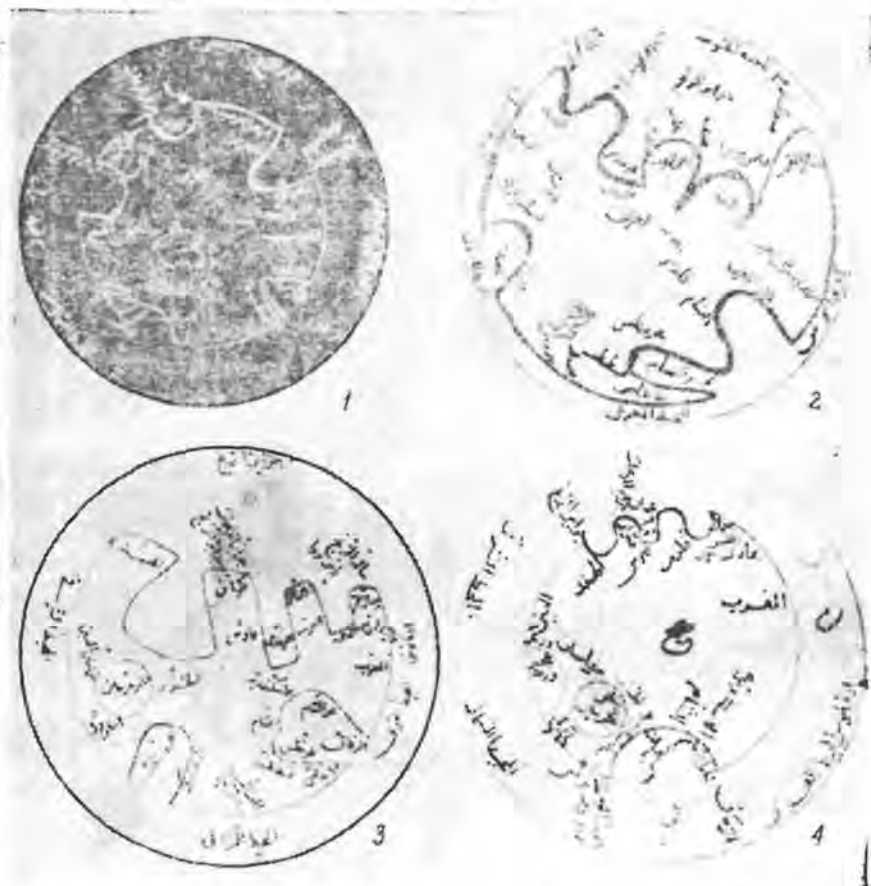
⁴ Monumenta cartographica, Joussof Kamal, Leiden, 1932, t. III, part 3, p. 713-6.

⁵ Djugratija, Encyclopedie de l'Islam, Supplement, Paris, 1938, p. 72—73.

рукописях «Ат-тафхим». Действительно, она более или менее соответствует тому описанию распределения морей и суши, которое дает Бируни в своей книге.

Но и в ней имеются существенные недостатки. Так, Северное окружающее море показано на самом востоке земли, а Восточное окружающее море — на юго-

востоке. Хорасан очень удален от Каспия, «тюркские племена» отодвинуты на Дальний Восток, а хазары — к Балтийскому морю. Конфигурация берегов Европы, Африки и Аравии дана искусственно прямолинейной, тогда как Бируни нигде не говорит о прямолинейности берегов Средиземного моря.

Варианты-копии карты мира из книги Бируни «Ат-тафхим». 1, 2, 3, 4.

И, наконец, карта № 7 (рис. 1, 7) — из Ташкентской рукописи «Ат-тафхим» (на тадж. яз.)⁶. Мы видим, что эта копия хотя и схематична, но выполнена хорошо и наиболее правдоподобно. Очевидно, переписчик этой рукописи (1257 г.) был сведущим в картографии человеком: почти все названия находятся на своих местах, транскрипция их правильная, нагрузка сравнительно большая, отчетливо указаны Гибралтар и Черноморские проливы. Круг и береговая линия на карте окрашены в красный цвет. Диаметр карты — 12,5 см.

Русский текст этой карты выглядит примерно так, как показано нами на рис.

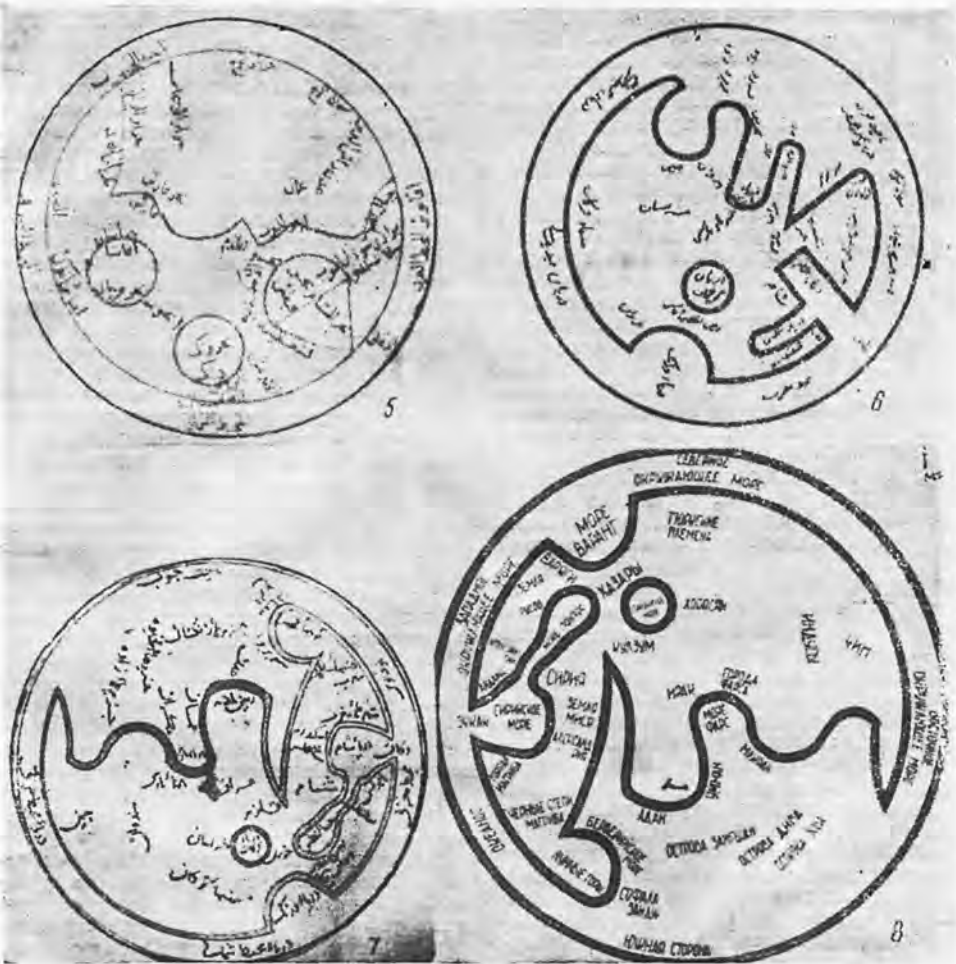
⁶ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 3423, л. 816.

1, 8 (в оригинале карта ориентирована верхней частью на юг, а в нашей копии, как это принято, — на север).

В заключение этого краткого обзора надо сказать, что подобная карта действительно существовала в оригинале рукописи Бируни. Об этом свидетельствует наличие данной карты во всех копиях рукописи. Географ Якут также утверждает, что в книге Бируни была карта мира.

Мы считаем, что из упомянутых нами копий ближе всех к оригиналу подходит карта из Ташкентской рукописи «Ат-тафхим», отличающаяся наибольшей полнотой и значительным соответствием тексту книги Бируни.

Х. Хасанов

Варианты-копии карты мира из книги Бируни „Ат-тафхим“. 5, 6, 7, 8.

ИЗ ИСТОРИИ АГРОТЕХНИКИ В НИЗОВЬЯХ ЗЕРАВШАНА

В фондах историко-краеведческого музея Бухары хранится ценный исторический документ — заявление жителей Каракульского оазиса бухарскому эмиру Музаффару (1860—1885) о недостатке воды в Каракуле¹. В этом документе, наряду с другими сельскохозяйственными терминами, упоминается и термин «қоқлама»². Однако определить его точный смысл и значение по контексту не удается. Во время полевых работ (1956—1962) Махандарьинского археологического отряда, возглавляемого проф. Я. Г. Гулямовым, нами были собраны этнографические материалы по

водному хозяйству и агротехнике низовьев Зеравшана, которые позволили выяснить значение термина «қоқлама».

По словам местных стариков-дехан³, «қоқлама» означает особый метод выращивания сельскохозяйственных культур без применения искусственного полива на орошаемых землях.

Как известно, земледельческие хозяйства низовьев Зеравшана в течение многих веков страдали от нехватки воды для орошения полей (особенно в маловодные го-

¹ Заявление каракульцев о недостатке воды в Каракуле (без даты), рукопись. Бухарский историко-краеведческий музей, инв. № 9831/12.

² Там же. л. За.

³ Нашими информаторами были: Заиров Атамурад-бобо, 73 лет (Рамитан), Имам-ов Алла-бобо, 73 лет (кишл. Каваби Навоийского района), Махмудов Абдуджаббар-бобо, 70 лет (Каракуль), Мулла Берди-бобо, 78 лет (кишл. Караун Каракульского района) и др.

ды) ввиду отсутствия правильного регулирования стока реки. Еще в начале XVI в. Захираддин Мухаммед Бабур отмечал, что «в такой большой реке (Зеравшане.— А. М.) совсем не остается воды сверх орошения и полива; летом три-четыре месяца вод для Бухары даже не хватает»⁴.

В особенно критическом положении находились такие маловодные районы, как низовья Рабкентдарьи, Хайрабаддарьи и Каракуль. Как отмечает один из первых русских ирригаторов Зеравшанской долины З. Жижемский, Каракуль вынужден был «питаться отработанными водами оазисов Шахруда и Вабкента или случайными прорывами»⁵. Этим и объяснялся постоянный недостаток воды в Каракульском районе. Так, в упомянутом выше заявлении каракульцев говорится, что при распределении воды Зеравшана Каракулю не была выделена его доля воды⁶.

Острый дефицит оросительной воды крайне отрицательно влиял на хозяйство и материальное положение местного населения. По данным Отдела земельных улучшений на 1915 г., в маловодных районах Бухарской части долины Зеравшана под паром и залежью находилось 42,7% орошаемой земли, а в Самаркандской части — от 12,1 до 24,3%⁷.

В связи с постоянной нехваткой воды в указанных районах местное земледельческое население постепенно выработало особый прием агротехники выращивания зерновых культур, получивший название «қоқлама» (т. е. вяльце).

Подготовка площади к посеву под «қоқлама» начиналась ранней весной или даже зимой⁸. Она заключалась в многократной вспашке полей с перерывами. Первая очередь вспашек производилась до конца июня. С наступлением «периода сорокадневной жары» («чялла») дальнейшая вспашка приостанавливалась и пашня оставалась под солнцем на 40 дней. Это называлось «лолабни шудгор», т. е. «оставление под жарь». В этот период под жаркими лучами солнца уничтожались вредные насекомые и корни сорных трав. С августа начиналась вторая очередь вспашек. Число их доходило до 6—10 в каждую

очередь. В результате почва на данном поле превращалась в мелкий порошок («хок»).

Готовность почвы к севу определяли следующим образом: брали комок глины и бросали его в распаханную землю. Если упавший комок тонул в почве, то она считалась готовой к севу. Тогда приступали к боронованию. Оно также производилось 4—6 раз, сначала вдоль, а затем поперек («чапирот»). С конца сентября приступали к севу, который сопровождался неоднократными боронованиями почвы специальной зубчатой бороной («данона мала»). Затем производилось окончательное плотное боронование поля плоской стороной мала. На этом и завершался весь процесс подготовки и сева под «қоқлама».

Столь тщательная обработка почвы позволяла обеспечить посевы достаточным количеством влаги за счет зимних и весенних атмосферных осадков. Зерновая культура под «қоқлама» (обычно пшеница, реже — ячмень) давала урожай на следующий год. Поэтому местные земледельцы называли эти посевы «солагий» или «йиллик», т. е. годичными.

По рассказам стариков, посевы «қоқлама» по своей урожайности не уступали нормальным посевам на орошенных землях. По отдельным данным, пшеница под «қоқлама» давала до 60—80 пудов с десятины (9—14 ц/га).

Посевы «қоқлама» были широко распространены на территории современного Рамитанского, Свердловского и Каракульского районов Бухарской области. Дехкане Каракуля считали «қоқламу» своим изобретением в агротехнике⁹.

Время появления этого приема нам пока не известно. Судя по отдельным рукописным и полевым этнографическим данным, посевы «қоқлама» широко применялись в низовьях Зеравшана во второй половине XIX — начале XX в.

Таким образом, исключительно трудоемкий метод выращивания зерновых культур без орошения на поливных землях по способу «қоқлама» был своеобразным агротехническим приемом, выработанным земледельцами низовьев Зеравшана в связи с постоянной нехваткой оросительной воды.

Сейчас, когда в результате крупных ирригационных работ сток р. Зеравшан полностью урегулирован и плодородные земли низовьев реки навсегда избавлены от угрозы засухи, выработанный народной практикой метод посевов «қоқлама» представляет для нас интерес как один из своеобразных и любопытных моментов в истории агротехники поливного земледелия в Узбекистане, свидетельствующий о большом искусстве и трудолюбии сельского населения этого древнего земледельческого края.

А. Р. Мухамеджанов

⁹ Об этом нам сообщил упомянутый выше житель кишла. Караун Каракульского района, 78-летний Мулла Берди-бобо.

⁴ Бабур-наме, перевод М. Салье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 60.

⁵ З. Жижемский, Ирригация в долине Зеравшана, рукопись, библиотека Министрства водного хозяйства УзССР, пив. № 1568/ОХ, стр. 35.

⁶ Заявление каракульцев..., л. 16.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 432, оп. 1, д. 253, л. 87.

⁸ В нижней части долины Зеравшана из-за близости грунтовых вод орошаемые земли быстро подвергаются засолению. Поэтому в зимний период здесь приходится производить промывку полей. Площадь под «қоқлама», если она была засоленной, также промывалась зимой, и эта промывка называлась «яхоб».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ГРАММАТИКЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Изучение грамматического строя и лексики староузбекского языка имеет почти пятивековую историю, начало которой было положено знаменитым трактатом А. Навои «Муҳакамат ал-луғатайн» — «Спор двух языков» (1499). Интерес к изучению староузбекского языка, возникший на Среднем Востоке еще в те далекие времена, объясняется широкой популярностью произведений А. Навои — родоначальника поэзии и прозы на узбекском языке. Благодарное стремление сделать доступными произведения Навои для иноязычного (в первую очередь, ираноязычного) населения Среднего Востока побуждало ученых-филологов составлять словари и грамматики по его произведениям¹.

В России и Западной Европе интерес к «чагатайскому» языку² возник в середине XIX в. (Э. Катрмер, И. Н. Березин, Н. И. Ильминский, В. В. Вельяминов-Зернов, А. Павле-Куртей, Г. Вамберн и др.) и не ослабевает до сих пор.

Широкое и всестороннее изучение творчества А. Навои и его последователей, а вместе с тем и истории узбекского языка развертывается в Узбекистане в советский период, особенно в конце 30-х годов, в связи с подготовкой к 500-летию со дня рождения А. Навои (1441—1501).

Изучение истории узбекского языка имеет исключительно важное значение для понимания многих фактов из истории формирования грамматического строя группы карлукских языков и их взаимоотношений с группой кипчакских языков. Узбекский язык отличается от ряда соседних тюркских языков наличием литературной традиции, зафиксированной в письменных памятниках, которые позволяют проследить развитие его грамматического строя и лексического запаса на протяжении примерно десяти веков (от эпохи первых Караханидов).

¹ Подробнее см.: А. А. Ромаскевич, Новый чагатайско-персидский словарь, в сб.: «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 83.

² О термине «чагатайский» язык см. ниже.

В свете сказанного становится особенно наглядной вся важность изучения истории узбекского языка не только для этого языка, но для истории ряда других тюркских языков, не имеющих преемственности в традициях письменной литературы. В этой связи следует вслестически приветствовать появление труда А. М. Щербака «Грамматика староузбекского языка»³ как знаменательное событие в истории грамматической разработки староузбекского языка.

Рецензируемая книга состоит из следующих разделов.

Введение (стр. 9—63). История изучения староузбекского языка. Краткая характеристика узбекского языка рассматриваемого периода. Исторические обстоятельства образования узбекской народности и формирования староузбекского языка. Краткий обзор источников. О принципах отбора источников.

Глава I. Фонетика (стр. 64—97). Гласные. Согласные. Фонетические явления в области гласных и согласных. Фонетическая структура слога и слова. Особенности восприятия заимствованных слов.

Глава II. Морфология (стр. 98—210). Части речи:

Имя. Словоизменения имени: формы падежа. Уподобительная форма. Формы сопряженного состояния. Формы лица — принадлежности. Формы числа. Словообразование имени. Собственно имена: Существительное. Прилагательное. Местоимения. Числительное. Обобщенно-утвердительные и обобщенно-отрицательные имена. «Пустые» имена. Отглагольные имена: Субстантивные отглагольные имена. Причастия.

Глагол: Словоизменение глагола. Словообразование глагола.

Наречие: Обстоятельственные слова. Изобразительно-экспрессивные слова.

Частицы речи: Послелог. Предлог. Собственно частицы I (постпозитивные). Собственно частицы II (препозитивные). Союзы.

³ А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, 274 стр.

Глава III. Синтаксис (стр. 211—221): Члены предложения. Сочетания.оборот. Предложения: Простое предложение. Сложное предложение. Выражение прямой и косвенной речи.

Заключение (стр. 222—246).

Приложение (стр. 247—271): I. Система староузбекского стихосложения. II. Краткий словарь грамматических терминов. III. Таблицы сочетаемости аффиксов. Указатель аффиксов.

Этот перечень исследуемых в книге вопросов говорит сам за себя. Труд А. М. Щербак заслуживает высокой оценки и будет несомненно признан всеми специалистами как важный вклад в изучение грамматического строя староузбекского языка.

Нашу же задачу в данной рецензии мы видим в том, чтобы выявить неудавшиеся места, произвести посильный анализ их и тем самым способствовать общему делу развития советской тюркологии.

Итак, памятуя общую высокую оценку работы и нашу задачу, как рецензента, перейдем к рассмотрению основных положений труда А. М. Щербак.

Во введении на фоне кратко изложенной истории изучения староузбекского языка и характеристики узбекского языка XIV—XVI вв. затрагивается весьма важный для тюркологии вопрос об употреблении терминов «староузбекский» и «чагатайский» язык (стр. 12—16). Узбекский литературный язык XIV—XVI вв., пишет А. М. Щербак, «мы называем староузбекским. Наименование «староузбекский» является относительно новым. Старая тюркологическая традиция избегала его и пользовалась другим наименованием — «чагатайский», особо подчеркивая при этом книжный, сугубо литературный характер последнего. О староузбекском языке, в отличие от «чагатайского», говорили только в тех случаях, когда необходимо было противостоять языку произведений узбекских классиков общий разговорный язык, язык «простого народа» или язык кочевников Приаралья. Таким образом, в традиционном употреблении понятия «чагатайский» и «староузбекский», как правило, имели неодинаковое содержание и резко противопоставлялись одно другому» (стр. 12—13).

Следует заметить, что содержание термина «чагатайский» язык, «чагатайская» литература в разное время и у разных авторов менялось⁴. Отмечая, что литературный (книжный) язык отличается рядом признаков от народно-разговорного языка, А. М. Щербак делает весьма ответственный вывод: «В целом же староузбекский литературный язык не настолько отделен от разговорного языка, чтобы можно

было провести между ними резкую и строго определенную границу» (стр. 15). «Изложенное, — замечает автор, — дает основание пользоваться одним наименованием — «староузбекский язык». Охватывая последний всю совокупность проявлений живой узбекской речи в период с XIV в. по XVI в., мы тем не менее, отдаем себе отчет в том, что уже в XVI—XVII вв. авторитет классиков староузбекской литературы способствовал консервации их литературного языка, который, не будучи изменяемым, стал производить впечатление частично омертвевшей языковой нормы» (стр. 16).

Эти пространные цитаты из книги А. М. Щербак приведены нами с целью точного и полного изложения точки зрения автора на термины «чагатайский» и «староузбекский», весьма важные для определения не только начального периода староузбекского языка, но и его непосредственной истории, а также для определения взаимосвязей истории тюркских языков Средней и Центральной Азии.

Приняв термин «староузбекский» язык, А. М. Щербак не отказался, однако, от использования термина «чагатайский», что не способствует установлению терминологической четкости. Более последовательную и решительную позицию занимает В. В. Решетов: «Термин «чагатайский» применительно к узбекскому языку не может быть принят, несмотря на его условное употребление⁵. Если термин «староузбекский» покрывает и понятие «чагатайский» язык, хотя В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский и А. Н. Самойлович понимали под последним среднеазиатский тюркский литературный язык эпохи Тимуридов (XV—XVI вв.), то история узбекского языка, его истоки и взаимодействие с другими тюркскими языками становятся неясными. Это обстоятельство, по-видимому, заставило нашего автора поставить следующий вопрос и предопределило его ответ: «Где и когда, т. е. на какой диалектной основе и в какое время, возник «чагатайский» язык, установить трудно» (стр. 13).

Первую часть вопроса: «на какой диалектной основе возник «чагатайский» язык» — нельзя признать правомерной, так как под «чагатайским» (равно как и «староузбекским») языком всегда понимался письменный (книжный) литературный язык, который явился не «мастерской» переработкой какого-то одного диалекта, а восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии — караханидского (X—XII вв., Кашгар) и золотоордынского (XIII—XV вв., низовья

⁴ Подробнее см.: А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-тюркского языка, в сб.: «Мир-Али-Шир», стр. 1—23.

⁵ В. В. Решетов, Узбекский национальный язык, «Труды Института языкознания АН СССР», т. X, М., 1960, стр. 123, сн. 4.

Сыр-Дарыя и Хорезм)⁸, обновленных притоком новых лексических и грамматических инноваций, почерпнутых из народно-разговорного языка тюркских народов Средней Азии.

Литературный язык Караханидского государства и возникший на базе его литературный язык Джучиева улуса (восточная часть Золотой Орды) стали основой, на которой развивался и совершенствовался «чагатайский» язык — литературный язык Чагатаева улуса (владения Тимуридов, XVI в.), а последний, в свою очередь, явился предшественником или основой староузбекского литературного языка⁹. По мнению В. В. Решетова, «становление литературного староузбекского языка относится к XIV—XV вв.»⁹. Формирование узбекского языка в его книжно-литературной форме (только эта форма узбекского языка и доступна нашему изучению), как и формирование узбекского народа, представляет собой очень сложный и многоплановый процесс. При рассмотрении вопроса о диалекте сложенности и развития узбекского языка следует иметь в виду, что «кочевники-узбеки застали, если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части, густое тюркоязычное, т. е. тюркское и тюркиязырованное население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь со времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в это тюркоязычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя»⁹. Это положение А. Ю. Якубовского разделяет и А. М. Щербак, который приводит выписанную выше цитату на стр. 18 своей книги.

Что касается второй части вопроса: «когда, т. е. в какое время возник «чагатайский язык», то необходимо задать автору уточняющий вопрос: если речь идет о «чагатайском» языке в его традиционном понимании, то ответ будет — эпоха Тимуридов (XV—XVI вв.), — строго памятуя при этом о преемственности литератур и литературных языков государства Караханидов — Золотой Орды — Чагатаева

улуса¹⁰ (о чем говорится на стр. 19—20 рецензируемой книги).

Значительный интерес представляет раздел «Краткий обзор источников» (стр. 19—60), где четко проводится идея преемственности литератур и литературных языков. Здесь А. М. Щербак выделяет:

1. Золотоордынский цикл (стр. 20—25): поэма Кутба «Хоеров и Ширий», которую следует «рассматривать и как памятник золотоордынского цикла и как произведение караханидской эпохи» (стр. 21) и которая является важным источником не только староузбекского, но и других среднеазиатских тюркских языков» (стр. 22); поэма Хорезми — «Мухаббат-намэ», поэма Сиди Ахмада — «Тачашук-намэ» и др.;

2. Предшественники Нава'я (стр. 25—36). Известное противоречие с основной концепцией автора по истории узбекского языка (стр. 12 и след.) можно усмотреть в утверждении: «Промежуточное положение между литературой золотоордынского цикла и классической староузбекской литературой конца XV — начала XVI вв. в языковом отношении занимают поэтические произведения предшественников Нава'я: Лутфи, Ата'я, Саккав, Якыя, Эмир, Ахмедия, Ходженди, Мир Хайдара, Мукамья, Гада'я и других» (стр. 25). Здесь же, строкой ниже, говорится: «Лутфи известен как крупный узбекский поэт конца XIV — начала и середины XV в.» Речь должна идти не о «промежуточном» положении названных поэтов и их произведений, а о том, что они заложили основы узбекского языка и их сочинения составляют предшественников узбекского литературного языка;

3. Нава'я, Бабур и их современники (стр. 36—46);

4. Произведения религиозной и дидактической литературы (стр. 46—49);

5. Памятники делового языка, эпиграфические тексты (стр. 49—52), непосредственная принадлежность которых к кругу источников узбекского языка нуждается в уточнении;

6. Словари, грамматики, филологические трактаты (стр. 52—61). Следует отметить, что при большом внимании к библиографии предмета, которое является одной из похвальных сторон исследовательской манеры А. М. Щербака, здесь оказалась пропущенной (стр. 9) работа: M. H a r t m a n n,

Caghataisches, Die Grammatik Ussr' Ihsani turki des Mehemmed Sadiq, Heidelberg, 1902, а также (стр. 11) две важные статьи А. К. Боровкова: 1) Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, в сб.: «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 92—120; 2) Очерки истории узбекского языка. III. (Лексика среднеазиатского тафсира XII—XIII вв.), «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 138—219.

В главе I — «Фонетика» — читатель найдет много ценных наблюдений над фоне-

⁸ А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, стр. 19 и след. Эту точку зрения деликатно разделял и А. М. Щербак: см. его книгу: Огуз-намэ, Мухаббат-намэ, М., 1959, стр. 113.

⁹ См. Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 176, 177.

¹⁰ В. В. Решетов, указ. соч., стр. 123.

¹¹ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 3.

¹² А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, стр. 21; А. М. Щербак, Огуз-намэ, стр. 113.

тический строем староузбекского языка; к числу исследуемых вопросов относятся, в первую очередь, количество гласных (стр. 66—69), „оканье“ и „аканье“ (стр. 69—70), краткие и долгие гласные (стр. 70—72); гармония гласных (стр. 73—79); распределение согласных (стр. 89—91).

В разделе „Фонетические явления в области гласных и согласных“ (стр. 91—95) говорится о выпадении *л* перед *т*; следовало бы говорить об ассимиляции соната *л* согласным *т*. Выпадение гласного при изменении грамматической формы: *кoнцўм* — „мое сердце“ (*кoнцўл* — „сердце“), *аьзўи* — „в его рот“ (*аьз* — „рот“) и др. (стр. 91—92) — „приходит обычно во втором слоге двухсложных и трехсложных слов, оканчивающихся проточными согласными или сонорными“ (стр. 92).

Здесь уместно было бы отметить также роль ударения: перемещение ударения при аффиксации способствует элизии предупредительного гласного. В качестве примера утраты гласного, не обусловленной изменением грамматической формы, приведена (стр. 92) только форма глагола *сoр* — „спрашивать“: *сoрўил* — „спроси“, но: *сoрадї* — „он спросил“. Пример неудачный, так как это глагол в современном узбекском языке используется в двух формах: *сура*- и *сур*-н, а в старом языке форма *сура*-, вероятно, представляла собой так называемую „учащающую“ или „интенсивную“ форму от *сур*-н.

В случаях *ал*~*ил* — „брать“ (стр. 94) следует говорить не о переходе *а* > *и*, а о чередовании соответствующих гласных¹², порождающих фонетическое явление, известное под термином „сингармонические варианты“.

Фонетическая структура слога и слова (стр. 95—96). Членение слова *ошул* на *о+шул* требует объяснения, так как обычно было бы *ош+ул*. Неожиданно здесь же (стр. 96) говорится о „вставных“ согласных *ј*, *с*, *р*, которые нельзя называть вставными, даже ограждая этот термин кавычками.

Глава II — Морфология (стр. 98—210) — начинается с выделения частей и частиц речи: „В староузбекском языке три части речи (имя, глагол, наречие) и три частицы речи (последлоги, собственно частицы, со-

язы). Выделение частей и частиц речи производится на основе чисто формального признака — способности или неспособности одних языковых единиц сочетаться с другими языковыми единицами того же самого или иного уровня.

Части речи — слова, присоединяющие к себе морфологические элементы и сочетающиеся в той или иной связи между собой. В отличие от них частицы не сочетаются ни между собой, ни с какими-либо аффиксами, исключая тот случай, когда в составе их (частиц) оказываются омертвевшие формы. Различия между отдельными частями речи определяются составом морфологических показателей. Имя присоединяет к себе падежные аффиксы, для глагола характерно образование форм полной (*Verbum finitum*) и неполной (деепричастие) вербальности, наречия же выделяются отсутствием собственных форм словоизменения“ (стр. 98).

Внутри названных частей речи выделяют „подгруппы, не имеющие полной морфологической автономности, но отличающиеся одна от другой каким-либо частным морфологическим признаком или особенностями образования так называемых вторичных основ“ (стр. 98).

В подгруппе „имя“ выделяются собственно имена (существительное, прилагательное, местоимение, числительное) и отглагольные имена (субстантивные отглагольные имена, причастия). Выше было сказано, что „имя присоединяет к себе падежные аффиксы“; очевидно, что эта особенность характеризует только имя существительное и местоимение; последнее, конечно, должно быть выделено в особую подгруппу. Причастие же, которое приобретает грамматические свойства имени существительного только при субстантивации, следует рассматривать в глаголе.

В подгруппу наречия включены экспрессивно-образительные слова (стр. 98), которые теперь выделяются в особую часть речи обычно под названием „звучко-образо-подражательные слова“. У наречия, в отличие от имени и глагола, по мнению А. М. Щербака, имеется один структурный элемент — словоформа (стр. 99), что ведет к отрицанию наличия собственных морфологических показателей у наречия.

Рассматривая формы и функции падежей (стр. 100 и след.), А. М. Щербак пишет: „Основной падеж употребляется: — при назывании лиц или предметов, когда никакая другая форма невозможна... *сени јан дэридр* „тебя называют „душа“ (стр. 100—101).

Речь идет о глаголах [это, главным образом, глаголы „речи“, глаголы чувственного восприятия, глагол *кїл* — „делать“ (кого, что — кем, чем) и некоторые другие], при которых может быть два прямых дополнения: управляемое (в вин. пад.) прямое дополнение (в данном примере: *сени*) и примыкающее (в основном пад.) прямое дополнение (*јан*).

¹² См. „Узбекско-русский словарь“, М., 1959, стр. 394.

¹³ Подробнее см.: П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. LIX—LXIV; В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, перевод с польского, М., 1962, стр. 213—218; Э. В. Севортьян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, М., 1962, стр. 436—447.

¹⁴ М. Ряснен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 55.

Сюда же следует отнести примеры, которые характеризуются как „особый случай употребления формы основного падежа [который] связан с постановкой ее при прямом дополнении в винительном падеже...“ (стр. 103).

При описании грамматического строя тюркских памятников нет нужды подчеркивать, что в „форме основного падежа выступают прилагательные, причастия и числительные, выполняющие функции определения“ (стр. 103).

В состав падежной системы А. М. Щербак включает вокативный падеж (стр. 103—104). Падеж, как известно, есть форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи. Показателем вокативного падежа назван аффикс *-а*, который, сочетаясь с названием лица, к которому обращена речь, образует звательную (вокативную) форму имени, не имеющую ничего общего с падежом.

Говоря об аффиксе вин. пад., автор замечает: „В тех случаях, когда аффикс *-нi~ -нi* присоединяется к личным местоимениям 1-го, 2-го, 3-го лиц единственного числа или указательному местоимению *бу* (*бун -мун*), один *-н* исчезает...“ (стр. 104).

Вопросу о происхождении [*-н*] в составе личных местоимений 1, 2-го лица и в составе форм косвенных падежей от указательных местоимений, равно как и происхождению форм вин. пад., посвящено немало исследований¹⁴; утверждение, что в указанных позициях „один *-н* исчезает“, находится в противоречии с большинством предложенных ранее гипотез.

В состав падежей А. М. Щербак вводит так называемый „предельный падеж (предельно-пространственный и предельно-объемный)*, имеющий две формы: афф. *бача~гачи* и афф. *-ча~чд* (стр. 109).

Афф. *-ча* в старой русской и современной западноевропейской тюркологической литературе рассматривается как *Casus Aequativus* — уравнительный падеж¹⁵ или *Der Quantitativus*¹⁶ — количественный (падеж). Однако включать формы с указанным аффиксом в систему склонения нет никаких оснований (см. определение падежа, данное выше), ибо имена с афф. *-ча~чд* синтаксически функционируют как определения при

имени существительном или глаголе, являясь обстоятельственной (сравнительно-обстоятельственной, количественно-обстоятельственной) характеристикой предмета или действия. Следовательно, афф. *-ча/-чд* надо рассматривать в разделе „наречие“.

Что касается афф. *бача/-гачи* (<*-ба+ -ча*), который образует обстоятельственные слова, обозначающие предел во времени или пространстве, то его также уместно отнести к наречиям (или послелогам).

Афф. *-тӓк~ -дӓк*, образующий „уподобительную форму“, по мнению автора, не может быть причислен к падежам только потому, что он не подчиняется закону гармонии гласных (стр. 111). Но утверждение, что этот аффикс не подчиняется закону гармонии гласных, нуждается в оговорках; так, на той же странице приведены примеры: *андак, мундак, ошундак*, из которых видно, что данный аффикс имеет фонетический вариант *-дак* (т. е. пару к *-дӓк*), правда, встречающийся только в этих, приведенных выше, примерах.

Афф. *-тӓк~ -дӓк* (*~-дак*), как и второй аффикс, образующий уподобительную форму, *-лајин < -лӓјин* (стр. 112), следует отнести в раздел „наречие“, на том же основании, что и афф. *-ча*.

„Совершенно необычный случай, — пишет А. М. Щербак, — присоединение аффикса *-дӓк* к форме повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, отмечаемое Мехди-ханом“ (стр. 112). Речь идет об омофонии афф. *-дӓк* (наречие в функции уподобления) с афф. *-дӓк*, омонимичным с афф. *-сын* (афф. 3-го л. пов. накл.).

Следует заметить, что в тюркологической литературе этот аффикс известен в форме *-дӓк*¹⁷. В дальнейшем (стр. 159) А. М. Щербак выражает сомнение в возможности видеть в *-дӓк* аффикс уподобительной формы, склоняясь к тому, что это — особый морфологический элемент, огласованный фатхой или кесрой (*-дӓк. -дӓк*, или *-дӓк*). Справедливо отвергая этимологии афф. *-дӓк*, предложенные К. Менгесом и К. Брокельманом (стр. 159), А. М. Щербак предлагает (стр. 160) гипотезу, возможность которой он сам подверг сомнению на стр. 159: „Принимая во внимание то обстоятельство, — пишет автор, — что аффикс *-дӓк* (*-дӓк*), так же как и аффикс уподобительной формы, не подчиняется закону гармонии гласных, мы склонны считать, что в составе формы предлагательно-желательного наклонения 3-го лица у Навои выступает уподобительный аффикс-послелог (отглагольное имя от *дз* — „говорить“); ср. русск.: иди мол, смотри мол...“

Возведение афф. *-дӓк* к глаголу *-тӓ -дӓ* — „сказать“ предлагалось Хартманом, Бан-

¹⁷ А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, в сб.: „Алишер Навои“ М.—Л., 1946, стр. 113—116; К. Брокельман, указ. соч., стр. 225.

¹⁴ Сводку мнений о происхождении падежных аффиксов см.: А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 127.

¹⁵ См., напр., Г. И. Рамstedt, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, § 15; M. Räsänen, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957, S. 70, Aquativ auf-*ca* *v̇ä(c)*; C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954, S. 156, Der Aquativ.

¹⁶ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, St.—Ptb., 1897, S. 65.

гом¹⁸ и Рамстедтом¹⁹. Этимология уподобительного послелога -аффикса -*дйк* давно и убедительно решена Ж. Дени: *-дйк < дйк — количество**²⁰.

В предложенной А. М. Щербак м (стр. 100) схеме падежей нет родительного (или, как его иногда называют, притяжательного) падежа. Автор не объясняет причины, побудивших его изменить традиции, но его легко понять, вспомнив, что тюркский род. пад. только „наполовину“ отвечает требованиям, предъявляемым к грамматической форме, именуемой падежом, — это только форма определения в конструкции *изафета*.

Вместо род. пад. в рецензируемой книге введены термины „форма сопряженного состояния“ (стр. 112), в котором угадывается латинский термин *Status Constructus*.

Как терминологическое новшество (неизвестно чем вызванное) отмечу „формы лица принадлежности“, сопровождаемое объяснением в скобках („Изменение имени по лицам“). Имена изменяются по лицам при помощи личных аффиксов-частиц и аффиксов принадлежности* (стр. 115). Далее поясняется, что аффиксы-частицы — „не что иное, как личные местоимения..., используемые для выражения предикативности“ (стр. 115).

Стремление к полной самостоятельности в области грамматической терминологии далеко не всегда оправдано; в большинстве случаев оно ведет лишь к дополнительным затруднениям. Почему автор предпочитает привычным „аффиксам сказуемости“ загадочные „аффиксы-частицы“? Аффиксы — это аффиксы, а частицы — это частицы.

Рассматривая функции афф. *-лар/-йр*, автор замечает: „Семантическое обособление аффикса *-лар/-йр* приводит к образованию особой группы наречий:... *кэчй-йр* — „по ночам“, *күзйр* — „осенью...“ (стр. 119). Имена существительные, обозначающие определенный отрезок времени (*кэчй* — „вечер“, „ночь“, *күз* — „осень“, *уарйм кэчй* — „полночь“ и т. п.), не меняя своей формы, используются в обстоятельственной функции, не переходя в разряд наречий; слово *кэчйлар* (и подобные ему) — это прежде всего имя существительное со значением „вечер“, „ночь“, в определенном контексте это — обстоятельство времени: „по вечерам“, „по ночам“; слово *яхшйлар* в значении „хорошо“ (стр. 119) — очевидная опечатка.

Категорическое утверждение о том, что „с отглагольными именами на *-бу*, *-мак*, и др. аффикс *лк~* образует формы, фактически ничем не отличающиеся от исходных“ (стр. 121), не находит очевидного

подтверждения в приведенных примерах: более того, ссылка на Мехди-хана, который подчеркивает „особый оттенок формы типа *албулук*“ (стр. 121), подрывает веру в утверждения автора.

В разделе „Собственно имена. Существительное. Формы отыменных образований“ (стр. 123) первым рассматривается *лйк*, *-лак (-лаг) ~ -лйк (-лйг)*, который обычно разлагается на *-ла* — аффикс, образующий глаголы от имен, + *-к* — аффикс и *-ени* места. Таким образом, этот аффикс целесообразнее было бы рассматривать в разделе отглагольные имена. Видимо, по недоразумению, в этом разделе рассматриваются афф. *-кй~* (стр. 123) и афф. *-дйгй~* (стр. 124), афф. *-лй* (стр. 125), образующие имена прилагательные.

В афф. *-дурук~* (стр. 125) совпали два разных по происхождению и значению аффикса:

1. *-дурук* *-турук < -дур/-тур* — афф. понуд. залога, + *-ук* — афф. отглагол. им. суш.²¹; *тутайи + -тур-ук* — „вязанка шапок“ (стр. 125) < *тутайи + -тур-мак* — „соединять“, „смыкать“ (Узбекско-русский словарь, М., 1959, стр. 456; Л. Будагов, Ср. словарь, I, 742); *бас + -тур-ук* — „толстая попона или чепрак“ (Л. Будагов, Ср. словарь, I, 230); в современном узбекском языке: *бостирйк*. 1. „что-либо выпиваемое или съеданное вслед за какой-нибудь другой едой“; 2. фольк. „род попоны“ (Узбекско-русский словарь, М., 1959, стр. 82) < *бас + тур-мак* — понудительный залог от *бас-мак*.

2. *-дурук/-дйрйк* *-турук...* — уменьш. афф., состоящий из *-дуй-дй...* (: *-суй-сй < -сй*) + *-рук/-рйк* (: *-рак*) — ряд уменьшительных аффиксов, т. е. аффиксов словообразования, служат также целым словообразованием: *кулак* — „ухо“, *кулак + чйн* (узб.)* — „ушко“ > „шапка с паушниками“, „малахай“, *радио кулакчйн* — „наушники“; *баш* — „голова“, *баш + ак** — „головка“ > „колос“; *яц* — „бок“, „сторона“, *яц + ак** — „сторонка“ > „щека“ и др.

Приведенные на стр. 125 примеры: *айлз-дйрйк* — „удила“, *бурундурук* — „колыцо или ремень, продаваемый через нос верблюда“, *божундурук* — „ярмо“ — являлись уменьшительными формами от имен суш. *айлз*, *бурун*, *божун*, равно как и слово *аилн-чак* — „деталь конской сбруи“ (стр. 125) есть уменьшительная форма на *-чак'-чйк* от *аилн* — „лоб“.

Что касается афф. *-дук~* в составе слов *орундук* — „попона“, *дйуитук* — „полуживой — полумертвый“ (стр. 125), то это, по-видимому, фонетический вариант афф. *-дук* *-лк*.

¹⁸ См. К. Броккельман, указ. соч., стр. 172.

¹⁹ См. его: Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 56—57.

²⁰ J. Deny, Grammaire de la langue turque, Paris, 1921, § 930.

²¹ По Бангу, *-дурук/-турук < тур- .stehen*, + Verbalnomen auf -ik*; см. еще: М. R ä s ä n e n, Materialien..., S. 122; К. Броккельман, указ. соч., § 46.

Афф. *-амук/-амук* (стр. 126) — уменьш. афф. (<*-ам* + *ук*)²².

Афф. *-рук~ -руб...* (стр. 128), очевидно, следует членить на *-р* + *-ук*, где *-р* — афф. понуд. залога и, следовательно, относится к исходной основе: *басруб* < **бас* + *-ур* + *-уб* — трехсловное слово, в связи с ударением на последнем слоге > *басруб*; также: *тутрук* < **тут-ур-ук*.

По А. М. Щербаку, афф. *-мач~ -мйч* < *-ма* + *ач* — „пища“, „еда“ (стр. 128); вероятнее, афф. *-мач* < *-ма* + *-ч*.

Афф. *-дак~ -дйк* (стр. 128), по-видимому, < *-да* — афф. отыменного образования глаголов + *-к*.

Раздел „Прилагательное“ открывается следующим принципиально важным заявлением: „Прилагательные сами по себе, т. е. в исходной форме, не имеют особых морфологических показателей“ (стр. 130).

Это довольно широко распространенное среди тюркологов мнение, ставшее привычным, давно утвердившееся с прочностью предрассудка, не отличающегося сколько-нибудь убедительными доказательствами, привести которые, кстати сказать, невозможно, как невозможно доказать отсутствие „особых морфологических показателей“ имен прилагательных, ибо таковые имеются. К числу примет имени прилагательного относятся, например, аффиксы: *-лй* (лишь некоторая часть имен с этим аффиксом субстантивировалась и перешла в разряд имен сущ.: *Москвалй* — „москвич“; *-сйз*; *-кй/кйр*; *-вй/вй*; *йаз-вй* — „летний“; *-никй*: *бйз-никй* — „нашенский“, *-дйбй -дйгй*; *таб-давй* — „находящийся на горе“; *-акй*: *арыз-акй* — „устный“, „словесный“; *-(йк)/-(й)* *к-(у)к*, *-(й)к*; *ач-йк* — „открытый“; *-как*, *-бак*; *уруш-как* — „драчливый“; *-вйч/кйч*: *кйс-кйч* — „острый“ и ряд других.

В подразделе „Формы отыменных образований“ (стр. 130—131) естественно было бы ожидать перечисления (и объяснения) аффиксов, с помощью которых образуются имена прилагательные от именных основ. В действительности же речь идет только об афф. *-рик~ -рйк* и уменьш. афф. *-шйл*, *-мтул* и формах частичной редупликации типа *ан-ак* — „совершенно белый“.

При рассмотрении личного местоимения 3-го лица А. М. Щербак высказывает (к сожалению, весьма бегло) очень важное замечание: „Падежные формы этого местоимения (лично-указательного местоимения *ол* — А. К.) образуются от другой основы, ср. *аца* — „ему“, *анй* — „его“ и т. д., которая, по-видимому, и являлась первоначально исходной формой местоимения 3-го лица“ (стр. 132).

При объяснении образования порядковых числительных не учтена форма на *-лйч*

*чй/йчнч*²³, хотя о ней идет речь в „Заключении“ (стр. 245).

Значение причастия на *-абан~ -дйбн* (стр. 149), на основании показаний Междихана, подчеркнуто лишь словом „постоянно“: *тутабан* — „держачий“ (постоянно), хотя из специальной литературы²⁴ известны и другие его значения.

Переходя к рассмотрению форм словозменения глагола (стр. 151), А. М. Щербак формулирует свое отношение к предмету исследования следующим образом: „От глагольной основы образуются словозменительные формы полной и неполной, в е р б а л ь н о с т и“ (стр. 151; разрядка наша. — А. К.).

К формам полной вербальности относятся формы повелительного, условного и изъявительного наклонений. Формы неполной вербальности представлены деепричастиями прошедшего, настоящего и будущего времени. Поскольку деепричастия в тюркских языках имеют только о т н о с и т е л ь н о е временное значение, нет решительно никаких оснований говорить о прошедшем, настоящем и будущем временах деепричастий.

В свете сформулированных автором положений неясно, почему из двух форм изъяв. накл.: *бар + -дй + -м* — „я отправился“ и *бар + -а + -ман* — „я отправляюсь“, — первая относится к формам полной, а вторая — к формам неполной вербальности (стр. 152); не потому ли, что форма *бар-а-ман* образована от деепричастия *бар-а*?! Кстати, надо еще доказать, что *бар-а* (в составе формы *бар-а-ман*) — деепричастие.

В силу этого весьма своеобразного деления глагольных форм, изъявительное наклонение, по Щербаку (стр. 164), имеет только три времени: прошедшее — категорическое, будущее — неопределенное и настоящее — будущее (только в отрицательной форме?!). Где же настоящее время в положительной форме? Оно, конечно, есть в примерах, приведенных на стр. 169, хотя о нем сказано только следующее: „В сочетании с предикативными частями форма на *-а~-й* функционирует как именная часть составного сказуемого“ (стр. 170). Где сложные формы изъявительного наклонения? Здесь же утверждается, что деепричастие на *-а~-й* восходит к отглагольному имени...“ (стр. 170), а доказательства не приведено. С другой стороны, утверждается, что деепр. на *-у~-у* представляет собой архаичный вариант деепр. на *-а~-й* (стр. 171). Отмечу, что форму *дйртйй кйр* следует переводить — „попробуй обучи“ а не „смотри научи“ (стр. 168); ср. здесь же: *кйла кйрсйч* — „пусть попробует прийти“.

²² К. Броккельман, указ., соч., §131.

²⁴ См., напр., П. М. Мелиоранский и Я. Араб филолог о турецком языке, стр. LIX и след.

²³ I. Laude-Cirtautas, Der Gebrauch der Farbzeichnungen in den Türkdiakleten, Wiesbaden, 1961, S. 123. (Индекс под + тйч + тйч).

В произведениях Нава'я и других поэтов используется форма пов. накл. 2 л. ед. ч. на $-y\sim\bar{y}$ (стр. 152), которая образуется от основ, оканчивающихся на $-p$ (стр. 154). Не восходит ли $-y/\bar{y}$ к частице побуждения и удивления bu/\bar{y} , которая встречается и в памятнике в честь Кюль-тегина и в современном узбекском языке?! Ср. использование при 2 л. ед. ч. пов. накл. частицы $-ch$ в современном узбекском языке: *jaz-chi* — „пиши же!“

Сугубо предположительно можно представить этот процесс следующим образом: частица bu/\bar{y} , в результате ассимиляции своего начального согласного с конечным согласным плавным ($-p$) глагольной основы превратилась в $-y/\bar{y}$: $*-p + bu > *-p\bar{y} > -p\bar{y}$.

Среди афф. 2 л. ед. ч. пов. накл. не зарегистрирован афф. $-bip/\bar{y}ip$ (стр. 175).

При рассмотрении вопросов, связанных со словообразованием глагола (формы отглагольного образования, или образование глаголов от глаголов, стр. 177 и след.) А. М. Щербак не пользуется термином „залог“, а вводит заимствованный у арабистов термин „порода“; отказ от старого термина (может быть, спорного!) и принятие нового (не менее спорного!), к сожалению, ничем не мотивированы.

К числу древних форм, имеющих неясные истоки, автор относит слово *ämdä* — „теперь“ (стр. 186); ср., однако, — С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 358 (под словом *amty*); стр. 365 (под словами *ämti*, *ämtü*); Ж. Дени, указ. соч., § 1044; М. R ä s ä n e p, Materialien..., стр. 242.

Слово *kacan* (стр. 186), по Ж. Дени (указ. соч., § 1016), состоит из *kaj* — „какой“, „который“ + *caβ-in* — „время“ (лучше *-cañ*); послелог *bäri* (ол *kündin bärü*) неоправданно возводится к деепр. на $-i$ (стр. 189—190); ср.: Ж. Дени, указ. соч., § 906.

Термин „служебные имена“ (стр. 190), применяемый некоторыми тюркологами к послелогам, имеющим очевидную связь с именами существительными, не выдерживает критики, так как под этим термином могут быть объединены и некоторые наречия, союзные слова и проч. Послелоги следует делить — в соответствии с их происхождением — на собственно послелоги и послелоги-имена.

Для понимания грамматического строя тюркских языков весьма полезно было бы обратить внимание на то важное обстоятельство, что собственно частицы II (препозитивные, стр. 203—204), а также союзы (сочинительные и подчинительные, стр. 204—210), как правило, нетюркского происхождения; все они (за исключением некоторых союзных слов: *täb*, *miñin*, *anñ*, *učün*, *kim* и некоторые другие) были заимствованы из персидского, таджикского и арабского языков.

Придание речи различных модальных оттенков, а также соединение слов и пред-

ложений в сложные комплексы в тюркских языках на ранних ступенях их развития (что можно видеть конкретно, например, на памятниках в честь Кюль-тегина и Тоньюкука) происходило без помощи союзов и почти без участия модальных слов; осложнение лексических и грамматических значений модальными оттенками, как и соединение предложений в единое сложное целое, происходило, как правило, с помощью морфологических и интонационных средств.

Синтаксис (стр. 211—221) освещен в рецензируемой работе очень бегло; это обстоятельство объясняется автором следующим образом: „Сама структура разных синтаксических построений описывалась многократно и с достаточной полнотой, так что к этому трудно добавить что-либо новое. И хотя в интерпретации фактов, в создании классификационных синтаксических схем и разработке вопросов исторического синтаксиса сделано еще мало, в целом все же синтаксис является наиболее изученным разделом грамматики. Именно поэтому мы не ставим себе целью сколько-нибудь полное описание синтаксиса старотюркского языка“ (стр. 211). Мы не согласны с утверждением, что „синтаксис является наиболее изученным разделом грамматики“, ибо это противоречит фактам. Синтаксисом тюркологов стали интенсивно заниматься лишь последние 15—20 лет, а морфология тюркских языков изучается 900 лет (со времени Махмуда Кашгарского!). Детальное изучение синтаксиса памятников тюркской литературы создаст надежное основание для исследования синтаксиса современных тюркских литературных языков.

Книга заканчивается заключением (стр. 222—246), где дана весьма интересная и полезная, хотя и не всегда бесспорная, „Общая характеристика старотюркского языка XIV—XVI вв.“ (стр. 222—228), а также проанализировано „Отношение старотюркского языка к восточнотуркестанскому“ (стр. 228—243) и „Отражение диалектных особенностей в памятниках старотюркского языка“ (стр. 243—246).

Исследование А. М. Щербака со всей очевидностью показало, какое важное значение для понимания и истолкования многих явлений грамматического строя старотюркского языка имеют работы восточных филологов. В этой связи возникает вопрос о настоятельной необходимости строго научного издания в переводе на русский язык грамматики и словаря Мехди-хана, знаменитого трактата Навои „Спор двух языков“ и др.

Заканчивая разбор труда А. М. Щербака, посвященного одному из важнейших разделов общей истории тюркских языков — грамматическому строю старотюркского языка, — разбор, который может показаться придирчивым, а некоторые оценки — суровыми, мы считаем нужным подчеркнуть, что строгий разбор и суровые оценки бы-

ли даны только потому, что их можно и должно было применить к работе, которая выполнена на высоком научном уровне, во многом пролагает новые пути и решает

задачи, ранее не являвшиеся предметом специального исследования.

А. Н. Кононов

КНИГА ИНДИЙСКОГО ИСТОРИКА ОБ АХМАД-ШАХЕ ДУРРАНИ

В 1959 г. вышла в свет работа индийского историка Ганда Сингха „Ахмад-шах Дуррани — отец современного Афганистана“¹, посвященная одному из интереснейших, но еще недостаточно изученных периодов в истории Афганистана — образованию империи Дуррани, ее основателю Ахмад-шаху (1747—1772) и его преемникам вплоть до падения садозайской династии² в 1819 г.

Книга Ганда Сингха написана на основе большого количества источников и литературы на фарси, пушту, санскрите, маратхи, урду, хинди, пенджаби, а также на английском, немецком и французском языках.

Автор использовал в своей работе материалы из многих государственных и частных библиотек, в том числе маратхские материалы из коллекции Парсани в Деканском колледже исследовательского института в Пунае, материалы из библиотеки Рао Бахадур доктора Г. С. Сандерсай в Камшете, документальные коллекции „Rajawade Itihas Samshodhak Mandal“ и „Satkarutajak Mandal“ в Дхули (Западный Хандеш). Часть уникальных первоисточников автор получил в виде фотокопий из Британского музея, „Индия Оффис“ и т. д.

Ганда Сингх впервые вводит в научный обиход многие ценные архивные документы, в частности материалы из государственного архива в Патиале (Пенджаб), директором которого он был с 1949 по 1957 г.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, 26 глав, заключения и ряда приложений.

В первых двух главах («Вводная» и «Ранние годы Ахмад-шаха») мы находим интересные фактические материалы об афганских племенах, почерпнутые автором из восточных рукописей и западноевропейской литературы. В третьей главе («Избрание и коронация») говорится о приходе Ахмад-хана к власти и принятии им шахского титула.

Как известно, после смерти Надир-шаха (1747) Ахмад-шах Дуррани захватил всю Кандагарскую провинцию, превратив ее в оплот своей власти, и подчинил себе Газни, Кабул, Пешавар, Дераджат, а затем и Герат. Эти территории стали той опорной базой, откуда Ахмад-шах, используя

благоприятную внешнеполитическую обстановку, начал свои знаменитые индийские походы. Об этих событиях говорится в IV главе книги Г. Сингха.

Следующие главы (V—XXIV) посвящены в основном подробному описанию завоевательной политики Ахмад-шаха, организации и боевым действиям афганской армии.

Ганда Сингх обнаруживает серьезную эрудицию в вопросах политической истории Афганистана. Особенно интересны разделы, касающиеся афгано-индийских отношений, чего нельзя, к сожалению, сказать относительно Средней Азии и Ирана, хотя история Афганистана была самым тесным образом связана с историей этих стран.

Автор очень скупо освещает экономический строй Дурранийской державы, его государственное устройство, социально-экономические отношения у афганских племен, хотя в его распоряжении имелся богатейший, а подчас — уникальный рукописный материал.

Основное внимание Г. Сингх уделяет личности Ахмад-шаха (причем бесспорно идеализирует его), придворной жизни, феодальным группировкам, их интригам и распрям, лишь изредка останавливаясь на вопросах экономического порядка. В этом отношении особое место занимает небольшая глава «Религиозная политика Ахмад-шаха» (стр. 338—340), где, в частности, приводится ценный материал о торговой политике Ахмад-шаха. В целом же вся его деятельность рассматривается в книге в отрыве от социально-экономической жизни афганского общества того времени.

Надо сказать также, что автору не всегда удастся проанализировать и критически сопоставить имеющийся в его распоряжении материал. Но это объясняется, очевидно, прежде всего неразработанностью истории Афганистана второй половины XVIII — начала XIX в., многие события которой остаются еще спорными в науке. Так например, до сих пор нет единого мнения относительно числа и маршрутов индийских походов Ахмад-шаха.

Несомненный интерес представляют для нас приложения к книге, куда входит семь небольших глав. В них автор приводит сведения о гражданской администрации, верховном правительстве и его различных ведомствах, о местном управлении, территориальном делении Дурранийской державы, о военной администрации, монетных дворах, торговых и политических цен-

¹ Ahmad Shah Durrani father of modern Afghanistan by Ganda Singh, Bombay—Calcutta—New-Delhi—Madras, 1959, 457 p. + a list of books and papers by Dr. Ganda Singh, 10 p.

² Ахмад-шах происходил из рода садозаев, который был „ханским родом“ („ханхель“) племени дуррани.

трах страны, а также о взаимоотношениях Ахмад-шаха с Ост-Индской компанией.

Следует отметить, что книга Г. Сингха вышла в свет в 1959 г., когда уже имелся ряд опубликованных работ советских исследователей, посвященных Ахмад-шаху или отдельным вопросам истории Афганистана того времени³. К сожалению, эти работы остались вне поля зрения Г. Сингха, хотя привлечение их позволило бы автору глубже осветить социально-эконо-

мические процессы, происходившие в Дурранийской державе.

Но несмотря на эти замечания, мы считаем, что книга Ганда Сингха об Ахмад-шахе Дуррани представляет бесспорный интерес для историков-афганистов и индологов, поскольку автор ее привлек богатый и порой уникальный фактический материал по истории Афганистана времен Дурранийской державы.

О. Ш. Шамансурова, Т. Г. Абаева

³ См., напр., И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., Изд-во АН СССР, 1954, 416 стр.; Ю. В. Ганковский, Империя Дуррани, Очерки административной и военной системы, М., ИВЛ, 1958, 174 стр.;

Н. И. Семенова, Афгано-маратская борьба за преобладание в Индии и Панипатская битва 1761 года, в кн.: «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951.

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
И ЭВМ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Успешное создание материально-технической базы коммунизма в нашей стране зависит не только от темпов и уровня развития производительных сил, но и от степени совершенства планирования и управления народным хозяйством СССР. Неслучайно Коммунистическая партия и Советское правительство осуществили за последние годы ряд коренных мероприятий, направленных на повышение качества планирования и улучшение руководства народным хозяйством страны.

Е дальнейшем совершенствовании планирования и углубления экономического анализа всех отраслей народного хозяйства огромное значение имеет внедрение новейших математических методов и электронно-вычислительных машин (ЭВМ) в экономические исследования, планирование, учет и т. д.

Надо сказать, что в Советском Союзе, благодаря совместным усилиям наших ученых—экономистов и математиков — уже накоплен значительный опыт применения математических методов и ЭВМ в теории и практике решения конкретных экономических задач строительства коммунизма. Но в этом направлении предстоит проделать еще очень большую работу.

Решению этой весьма важной народнохозяйственной задачи и была посвящена созданная Президиумом АН УзССР 21—22 мая 1963 г. конференция по применению математических методов и электронно-вычислительных машин в экономических исследованиях.

В работе конференции приняло участие около 180 ученых — экономистов, математиков и других специалистов — представителей Вычислительного центра АН СССР, «Союзмашучета» ЦСУ СССР, НИИ труда Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, Московского Института народного хозяйства им. Г. Е. Плеханова, институтов экономики АН УзССР и АрмССР, вычислительных центров академий наук УзССР, АзССР, КирССР и многих других организаций, учреждений и ведомств.

Открывая конференцию, председатель Оргкомитета, вице-президент АН УзССР И. М. Муминов отметил, что в исторических решениях XXII съезда партии и ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1962 г. особо подчеркивается необходимость широкого применения новейших достижений кибернетики во всех областях науки и производства. Целью данной конференции является обмен накопленным опытом проведения экономических исследований при помощи математических методов и ЭВМ и определение очередных задач дальнейшего внедрения математики и электроники в экономические исследования и планирование народного хозяйства Узбекистана.

Участники конференции заслушали 30 докладов и сообщений, в том числе 16 докладов, представленных Вычислительным центром и Институтом экономики АН УзССР, Ташкентским институтом народного хозяйства и Ташкентским институтом инженеров железнодорожного транспорта.

Первым был заслушан доклад В. А. Бабаяна («Союзмашучет» ЦСУ СССР) «О состоянии и перспективах развития механизации учета в СССР». Отметив известные достижения в области механизации учета в нашей стране, докладчик подчеркнул, что это важное дело на данном этапе сдерживается еще недостаточным выпуском счетно-вычислительных (особенно электронных) машин. ЦК КПСС и Совет Министров СССР придают большое значение всемерному развертыванию механизации учета, и в настоящее время плановым органам предложено разработать конкретную программу увеличения производства вычислительной техники.

На основе механизации, а затем и комплексной автоматизации учета, плановых расчетов и оперативного управления в нашей стране, сказал докладчик, должна быть создана единая сеть государственных вычислительных центров, осуществляющих сбор, передачу, разработку и хранение экономической информации во всех звеньях народного хозяйства. Создание этой сети явится качественно новым этапом в развитии механизации учета и вычислительных работ в СССР.

Участники конференции с большим интересом заслушали также доклады В. Я. Райцина (НИИ труда Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы) «Использование некоторых комплексных нормативных расчетов в практике народнохозяйственного планирования уровня жизни народа»; Я. Н. Ханелиса (Московский Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова) «Гипотеза об оптимальном потреблении»; Б. Л. Геронимуса (НИИАТ, Москва) «Математические методы решения автотранспортных задач»; Е. К. Кабулова (Вычислительный центр АН УзССР «Об алгоритмизации работы железнодорожных станций»; М. И. Эйдельманта (Ташкентский Институт народного хозяйства) «Упрощенный алгоритм для точного решения задачи серийного производства»; И. И. Ибрагимова и др. (Вычислительный центр АН УзССР) «Выбор оптимального варианта транспортного обслуживания районов тяготения к железной дороге»; И. Убайдуллаева (Вычислительный центр АН УзССР) «Оптимальное планирование перевозок угля на Среднеазиатской железной дороге»; М. Ирматова (Вычислительный центр АН УзССР) «Оптимальное планирование организации перевозок грузов автотранспортом г. Ташкента»; Ф. Абдуллаева (Вычислительный центр АН УзССР) «Применение математических методов и ЭВМ для решения некоторых

вопросов проектирования совхозов на целинных землях Узбекистана» и др.

Заведующий сектором применения математических методов в экономике Института экономики АН УзССР А. Абдуганиев охарактеризовал основные задачи Института по внедрению математических методов и ЭВМ в экономические исследования.

Член-корр. АН УзССР В. Қ. Кабулов рассказал о работах Вычислительного центра АН УзССР по применению вычислительных машин в планировании развития народного хозяйства.

Выступивший в заключение директор Вычислительного центра АН СССР акад. А. А. Дородницын, положительно оценив проведение данной конференции и ее итоги, еще раз подчеркнул, что применение математических методов и ЭВМ в экономических исследованиях и планировании является одной из важнейших научных проблем нашего времени.

Конференция приняла решение, в котором определены задачи дальнейшего внедрения математики и электроники в экономические исследования и практическую разработку конкретных проблем развития народного хозяйства страны в период развернутого строительства коммунизма.

А. Абдуганиев

ЧЕТВЕРТОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

27—30 мая 1963 г. во Фрунзе состоялось IV региональное совещание по диалектологии тюркских языков, созванное Координационной комиссией по изучению диалектов народов СССР Отделения литературы и языка АН СССР совместно с Институтом языка и литературы АН КирССР.

В совещании приняли участие тюркологи Москвы, Ленинграда, Баку, Фрунзе, Ташкента, Самарканда, Алма-Аты, Ашхабада, Казани, Нукуса, Абакана, Чебоксар, Тобольска и других городов страны.

Конференцию открыл вступительным словом президент АН КирССР акад. К. К. Каракеев. Затем участники конференции заслушали доклад члена-корр. АН СССР Е. М. Жирмунского (Ленинград) «О диалектическом атласе тюркских языков Советского Союза». Докладчик особо подчеркнул настоятельную необходимость создания общего лингвистического атласа тюркских языков и наречий Советского Союза.

Далее с докладом «Интерпретация некоторых изоглоссов диалектического атласа восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка» выступил акад. АН АзССР проф. М. Ш. Ширалиев.

Зав. сектором киргизской диалектологии Института языка и литературы АН КирССР канд. филол. наук Г. Бакинова остановилась на вопросе «О принципах составления атласа киргизских говоров».

Представители Узбекистана кандидаты филол. наук, доценты СамГУ Х. Данияров и Р. Кунгуров в своем докладе «Некоторые вопросы лингвистической географии в Узбекистане» осветили отдельные фонетические и лексико-морфологические явления говоров Самаркандской области.

Доктор филол. наук Ф. А. Абдуллаев (Ташкент) в своем докладе «Опыт составления диалектологического словаря узбекского языка» подробно охарактеризовал структуру и принципы составленного им диалектологического словаря по узбекским говорам Хорезма.

Доклад «О словаре диалектальной синонимии татарского языка» сделал канд. филол. наук А. Ш. Афлетунов (Казань).

На заседании 28 мая участники совещания с большим интересом заслушали доклад акад. АПН РСФСР В. В. Решетова (Москва) «Вопросы формирования фонетических систем узбекских городских говоров». Докладчик отметил, что исторический процесс формирования фонетических систем

городских говоров узбекского языка проходил прежде всего в плане качественно-го изменения звуков по линии усиления их палатализации, что, в свою очередь, вызвало постепенное разрушение сингармонизма в его лингвально-сингармонистической части.

Изучению фонетических особенностей киргизских диалектов был посвящен доклад акад. АН КирССР Б. М. Юнусалиева.

Характеристике диалектов различных тюркских языков посвятили свои доклады кандидаты филол. наук А. А. Ахундов (Баку), Д. Г. Тумашева (Казань), А. А. Юлдашев, Р. И. Цаплина, Э. Р. Тенишев (Москва).

29 мая первым с докладом «К вопросу об изучении грамматического строя узбекских говоров» выступил преподаватель ТашГУ К. Н. Назаров, поделившийся своими выводами по исследованию различных форм и особенностей употребления притяжательных аффиксов в узбекских народных говорах.

Е. докладах кандидатов филол. наук А. Г. Вельева (Баку) и Д. С. Насырова (Нукус) были затронуты некоторые вопросы диалектологии азербайджанского и каракалпакского языков.

С научными сообщениями и информацией по различным аспектам диалектологии выступили Х. Д. Данияров, А. Ю. Юлдашев, А. Ишаев, (Ташкент), А. Нязов (Нукус), Б. М. Ибрагимов (Баку), Р. Бердыев (Ашхабад), Дж. Болотов (Алма-Ата) и др.

30 мая перед участниками совещания выступила доктор филол. наук Е. И. Убрытова (Москва), сделавшая доклад о задачах и состоянии работы по коллективной теме «Диалекты тюркских языков».

Доклады кандидатов филол. наук К. М. Мусаева и Л. А. Покровской (Москва) были посвящены изучению диалектов караимского и гагаузского языков.

В прениях по докладом приняли участие А. Рустамов (Баку), Ш. Сарыбаев (Алма-Ата), Дж. Амансарыев (Ашхабад), Д. Бабушкин (Абакан), Б. Дж. Джураев и Х. Г. Гулямов (Ташкент).

Итоги работы совещания подвел акад. АН КирССР, член-корр. АН УзССР проф. К. К. Юдахин.

В своей резолюции совещание отметило известные успехи, достигнутые в разработке диалектологии тюркских языков, в частности достижения ведущих узбекских языковедов в создании крупных монографических работ по отдельным диалектам и говорам узбекского языка, а также в подготовке кадров молодых ученых-диалектологов.

Проведение этого совещания будет несомненно способствовать дальнейшей активизации и координации исследовательских работ в области изучения тюркских диалектов Советского Союза.

Следующее, V региональное совещание по диалектологии тюркских языков решено созвать в 1965 г. в столице Советского Азербайджана — г. Баку.

А. Ишдеев

В ПОИСКАХ НАРОДНЫХ ЖЕМЧУЖИН...

Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР ведет систематическую работу по сбору и изучению произведений устного народного творчества, в том числе современного узбекского фольклора. В этих целях регулярно организуются фольклорные экспедиции, направляемые Институтом в различные районы Узбекистана.

Е. 1962 г. фольклорная экспедиция Института, возглавляемая канд. филол. наук Х. Т. Зарифовым, разделившись на три отряда, работала в районах Ташкентской, Хорезмской и Самаркандской областей, где собрала большое количество образцов устного народного творчества — дастанов, сказок, легенд, песен, загадок, пословиц и поговорок, а также биографические данные о многих народных шайра-х — создателях и исполнителях замечательных произведений узбекского фольклора.

Члены Ташкентского отряда экспедиции — канд. филол. наук М. Алавия и Ш. Ходжаева — записали ряд лирических песен, пословиц и загадок в Бекабадском районе Ташкентской области. Большой интерес представляют свадебные песни (ёр-ёр), пословицы, сведения о различных

бытовых обрядах и обычаях, записанные от колхозника сельхозартели им. А. Навои Ханзамана Турдиаллева, жителя кишлака Туячи Турсункула Иманкулова, 60-летней колхозницы Турдинсы Эрматовой и 54-летней Айимджан Арзибаевой из кишлака Хас.

Одновременно были собраны биографические данные о народных шайрах Бекабада, в частности, о шайре Суяр сазанде. Как сообщил его 62-летний племянник Сарыкул-ата (живущий в кишлаке Тентак), Суяр шайр Тешабай оглы умер в 1930 г. в возрасте 90 лет. Рано осиротевший Суяр с детства пас овец и пел короткие песни-частушки. Впоследствии он стал исполнять и дастаны — «Аваз», «Хасан», «Райханараб» «Гор-оглы», входившие в цикл «Гор-оглы», и героический эпос «Алпамыш». К сожалению, от Суяр шайра не было записано ни одного произведения, и только Сарыкул-ата знает некоторые строки из них.

Членами экспедиции были собраны также биографические сведения об исполнителях дастанов — Мат шайре, Тухта шайхе и др.

Хорезмский отряд (в составе кандидатов филол. наук М. Афзалова и Дж. Ка-

булвиязова, научных сотрудников Т. Ашурова и Б. Давлетова) записал в Хорезме ряд песен, сказок, крылатых слов, а также дастаны «Алпамыш», «Женитьба Аваза», «Жирман далли», «Арабтанган», «Бозирган» и др. (в исполнении шаиrow Матназара Джаббарова и Джуманкула Худайбергенова).

Самаркандский отряд (Х. Т. Зарифов, З. Хусаннова, М. Мурадов, Т. Мирзаев, Р. Юсупов) собрал в Хатырчинском, Иштиханском, Нуратинском, Булунгурском, Зааминском районах большое количество фольклорных материалов, в том числе много произведений устного народного творчества, созданных в наши дни.

Члены экспедиции посетили 67-летнего Эгамберды бахши Алламурад оглы, проживающего в кишлаке Янбаш Хатырчинского района, и записали от него ряд дастанов («Алпамыш», «Кунтугмыш») и песен-терма.

Эгамберды бахши обучался мастерству сказителя у своего отца Алламурада, который, в свою очередь, был учеником известного в XIX в. Жассак бахши.

В репертуар Эгамберды бахши входят дастаны «Алпамыш», «Кунтугмыш», «Юсуф и Ахмед», «Рождение Гор-оглы», «Кундуз и Юлдуз», «Киракхан», «Кости Ахмед Сардара» и другие произведения, изучение которых представляет большой интерес для разработки вопроса о вариативности в эпосе.

Эгамберды бахши поет также песни-терма, сложенные в наше время и посвященные современной действительности. В частности, в его терма «Ленивый председатель», «Лодыри», «Мулла», «От знахаря» разоблачаются различные пережитки прошлого в сознании и быту отдельных отсталых людей.

В том же Хатырчинском районе от колхозника Ачила Эшмурадова записаны такие стихотворные произведения, как «Узбекистан», «О труде», «Чабан», «Шаир и труд», «Слава технике», «Наша наука», стихи о В. И. Ленине, М. В. Фрунзе, Ю. А. Гагарине и др.

В сельхозартеле «Янгибад» Иштиханского района члены экспедиции побывали в гостях у народного сказителя Алим шаира Хаккулова, родившегося в 1912 г. в кишлаке Зарбант. Его отец — Хаккул, дед — Мурад и прадед — Пирман также были шаирами.

Репертуар Алим шаира состоит из дастанов «Гор-оглы», «Алпамыш», «Кунтугмыш», «Кундуз и Юлдуз» и др. Члены экспедиции произвели магнитофонную запись дастана «Рустамхан», терма «В. И. Ленин», «Пастух», «Айсанам».

В произведении «Айсанам» поэт воспевает героиню хлопковых полей, трудолюбивую Санам, отдающую все силы борьбе за высокие урожаи хлопка. Шаир говорит, что труд в Советской стране стал делом чести, источником радости и счастья людей.

В Букинском районе члены экспедиции встретились с 37-летним Чари-бахши Ходжамбердиевым, приехавшим сюда в 1951 г. из Бешкента (быв. Кашкадарьинская область). Его отец — Ходжамберди и дед — Халик тоже были шаирами.

Сейчас Чари бахши работает бригадиром хлопководческой бригады сельхозартели им. Ахунбабаева. Колхозный поэт исполняет свыше 20 дастанов, а также песни-терма, посвященные нашей действительности, как например «XXII съезд КПСС», «Спасибо Вам, Гагарин», «О хлопке» и др. От Чари шаира экспедицией получена магнитофонная запись дастана «Алпамыш».

Среди собранных экспедицией материалов отличаются своей оригинальностью сказки, записанные от Дуста Артыкова и Джамала Ибрагимова из кишлака Каракурсак Булунгурского района. Особенно интересны сказки «Ровня с ровней», «Парень-бедняк», «Три дочери пастуха», «Один тюльпан, один меч», отражающие тяжелое прошлое трудового народа и его мечты о счастье.

Для всестороннего изучения особенностей узбекского фольклора большое значение имеют такие произведения, как «улань», «ёр-ёры», лирические песни и загадки, записанные экспедицией от жительницы кишлака Янбаш Хатырчинского района Шарфат Муллаяхатовой (1880 г. рождения), а также песни-терма Эшали Саманова и Ярлакаб шаира из Зааминского района.

Были собраны также интересные биографические сведения о шаирах, живших в прошлом, — Дарвиш бахши из Аймата, Бута шаире из Янбаша, Сатыбалди шаире из Заамини и др.

Как и в прошлые годы, экспедиция обращала особое внимание на те процессы, которые происходят в современном узбекском фольклоре. Собранные ею материалы составили около 40 авт. л. Теперь задача состоит в том, чтобы всесторонне изучить и проанализировать этот интереснейший материал, а лучшую часть его подготовить к научному изданию.

Ныне Институт языка и литературы АН УзССР намечает совместно с Институтом искусствоведения им. Хамзы провести новую фольклорную экспедицию в связи с предстоящим Всемирным конгрессом этнографов и антропологов.

М. Мурадов

МУНДАРИЖА

Идеология ишларини коммунистик қўрилиш вазифалари даражасига кўтарайлик.	5
И. М. Мўминов. Янги, энг яхши традицияларга — кенг йўл	12
Ш. Ф. Хўжаев. Коммунистик қўрилишда жамоат ташкилотлари ролясининг ошиши ҳақида	20
П. Д. Саитов. Философия бош масъаласининг гносеологик мазмуни тўғрисида.	27
Р. Х. Аминов. ТАССР қишлоқ хўжалик кооперацияларининг энг оддий формаларини барпо этиш ва ривожлантириш тарихидан	34
Л. И. Ремпель. Урта Осиё санъати услубини урганишга доир	41

Илмий ахборотлар

С. Ҳуснутдинов. ЎзССРнинг қишлоқ районларидаги автомобиль йўллари тармоғини ривожлантириш ҳақида	50
А. М. Акрамов. «Товорихи гузидэ, нусратнома» XV—XVI аср бошларидаги Ўзбекистон тарихи манбаидир	54
Ҳ. Ҳасанов. Берунининг «Ат-тафҳим» китобидаги дунё харитаси	59
А. Р. Муҳаммаджонов. Зарафшон этакларидаги агротехника тарихидан.	61

Танқид ва библиография

А. Н. Кононов. Эски ўзбек тили грамматикасига доир қимматли асар	63
О. Ш. Шомансурова, Т. Г. Абаева. Ҳинд тарихчисининг Аҳмадшоҳ Дурроний ҳақидаги китоби	71

Хроника

А. Абдуғаппев. Иқтисодий тадқиқотларда математик метод ва электрон ҳисоблаш машиналарини қўллашга бағишланган конференция.	73
А. Ишаев. Турк тиллари диалектологияси бўйича тўртинчи регионал кенгаш.	74
М. Муродов. Халқ дурдоналарини излаб	75

СОДЕРЖАНИЕ

Идеологическую работу — на уровень задач коммунистического строительства	5
И. М. Муминов. Новым лучшим традициям — простор широкой	12
Ш. Г. Ходжаев. О повышении роли общественных организаций в коммунистическом строительстве	20
П. Д. Сеитов. О гносеологическом содержании основного вопроса философии	27
Р. Х. Аминова. Из истории создания и развития простейших форм сельскохозяйственной кооперации в ТАССР	34
Л. И. Ремпель. К изучению стилей в искусстве Средней Азии	41

Научные сообщения

С. Хуснутдинов. О развитии сети автомобильных дорог в сельских районах УзССР	50
А. М. Акрамов. «Таварих-и гузидэ, нусрат-намэ», как источник по истории Узбекистана XV — начала XVI века	54
Х. Хасанов. Карта мира из книги Бируни «Ат-тафхим»	59
А. Р. Мухамеджанов. Из истории агротехники в низовьях Зеравшана	61

Критика и библиография

А. Н. Кононов. Ценный труд по грамматике староузбекского языка	63
О. Ш. Шамансурова, Т. Г. Абаева. Книга индийского историка об Ахмад-шахе Дуррани	71

Хроника

А. Абдуганиев. Конференция по применению математических методов и ЭВМ в экономических исследованиях	73
А. Ишаев. Четвертое региональное совещание по диалектологии тюркских языков	74
М. Мурадов. В поисках народных жемчужин	75

Технический редактор *З. П. Горьковая*

P01506. Сдано в набор 6/VII-63 г. Подписано к печати 30/VIII-63 г. Формат 70×108^{1/16} =
2,5 бум. л. Печ. л. 68,5 Уч.-изд. л. 6,3. Изд. № 909. Тираж 1125 Цена 40 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ № 981.
Адрес Издательства: Куйбышева, 15.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

„ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ“

на 1964 год

Журнал освещает как на узбекском, так и на русском языках работы ученых институтов Отделения общественных наук АН УзССР, а также других научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений республики в области истории, востоковедения, археологии, этнографии, экономики, права, философии, языка и литературы, искусствоведения и других отраслей общественных наук.

Журнал привлекает к участию видных ученых Москвы, Ленинграда и других городов СССР, а также ученых братских союзных республик Средней Азии.

Журнал имеет постоянные разделы критики и библиографии, научной информации и хроники.

Журнал рассчитан на научных работников, преподавателей вузов и школ, аспирантов, студентов, работников музеев и краеведов, на самые широкие круги советской интеллигенции, интересующейся достижениями общественных наук в Узбекистане.

Выходит 12 раз в год.

Объем каждого номера журнала — 6 печ. листов с иллюстрациями.

Подписная цена на год — 4 р. 80 к.

Подписка принимается городскими отделениями «Союзпечати», районными конторами, отделениями связи, а также пунктами приема подписки и общественными уполномоченными «Союзпечати» на промышленных предприятиях, в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях и учреждениях.

Издательство Академии наук Узбекской ССР

Цена 48 к.

Индекс
75349